

"На войне как на войне"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

За окном пролетел порыв ветра, и ветка клена настырно заскребла по стеклу. Но естественные природные звуки не отвлекают меня от дел. С другими звуками обычно бывает хуже. Я только-только начал осиливать четвертый километр, когда раздался телефонный звонок. При желании можно было бы дотянуться и снять трубку, но правила для того и придумываются, чтобы их соблюдать. Если только нет желания их нарушить. В данный момент я такого желания не испытал и потому спокойно продолжил крутить педали велотренажера. Дорога мне предстоит не слишком далекая, но, подвинтив регулировочный винт, нагрузку я установил сложную — сплошной горный подъем. Почти пиренейский тур, где долговременный высокий темп выдерживает не каждый тренированный спортсмен. Лучше не отвлекаться и не сбивать себе дыхание. И я терпеливо дождался, когда автоответчик моим вежливым голосом предложил кому-то оставить сообщение после гудка.

«Кто-то» на предложение не отреагировал, только сказал слегка хрипло и приглушенно, специально, чтобы я зримо представил, как он отворачивается от телефонной трубки:

— Дома нет...

Голос незнакомый и неприятный. Самоуверенный. Но интеллекта в нем нет. С обладателями подобного голоса я разговаривать не люблю. Они у меня непонятное беспокойство вызывают, и хочется иногда неожиданно ударить в горло. Голос подправить. Чтобы беспокойства не вызывал. Потому что беспокойство, если оно достаточно сильное, для меня чревато болезненными последствиями...

Тут же раздались короткие гудки.

Автоответчик воспринимает гудки как команду и всегда реагирует на них одинаково — тоже отключился. И правильно. Если я сел на тренажер, это значит только одно — меня ни для кого нет дома. И не будет до тех пор, пока я не преодолею ежедневные обязательные десять километров. Потом еще десять минут тоже не будет — я займусь избиением большого тренировочного мешка для кикбоксинга. И пусть батальон омонцов топорщится тупорылыми автоматами, как дикобраз иглами, и ломится ко мне в двери — двери крепкие, и сразу такое препятствие без взрывчатки не одолеть, — я занятия не прекращу, пока не выполню полный объем.

Педали проворачиваются туго. Деревенеет бедро. Свинцом наливается. Вперед! Вперед! Горы покоряются сильным и упрямым. Я всегда был сильным и упрямым. Меня жизнь заставляла быть сильным и упрямым, иначе мне было не выжить. А жизненные уроки надолго в голове остаются.

На исходе восьмого километра телефон опять подал голос. И снова автоответчик внес свое рациональное предложение. На сей раз реакция последовала:

— Ангел... Я знаю, что ты дома. Мне сообщили сразу, как ты приехал. Бросай крутить свою дурацкую колесницу. Срочно нужен...

Время — начало восьмого утра. Труповозу что-то не спится. Но меня этим не прошибешь. Потерпит. Он всегда такой нетерпеливый, когда ему что-то надо.

Но очень терпеливый — я. Специально обученный терпению. В течение многих лет этому обучался.

Труповоз подождал полторы минуты. Я трубку не взял. И первый звонок был скорее всего тоже от него. Самому лень было до аппарата дотянуться. Попросил телохранителя, который приезжает к нему с утра пораньше. Такой голос может быть только у его телохранителя. Но терпения Труповозу опять не хватило. Сейчас сам за трубку взялся. Показывает этим, что торопит меня. Я, к сожалению, давно научился его понимать заочно. Вынужден был...

— Ладно. Как отдышишься, позвони.

Вот это уже конкретнее и даже приемлемо. Могу обещать, что позвоню даже раньше. Отдышусь я после командировки не скоро. Слишком много выпито за две недели. И придется еще две недели вместе с потом выгонять из организма остатки алкоголя.

И я усерднее надавил на педали, одолевая последние сотни метров. Финишный спурт — как и положено в настоящей гонке. Из последних сил. Стрелка спидометра резко поползла вверх. Счетчик километража завращался быстрее. Еще немного... Дави педали... Ура! Победа!

Все...

Я легко прыгнул на пол. Малоудобное сиденье тренажера утомляет больше педалей. Теперь пара расслабляющих упражнений. Восстановить дыхание, чтобы лучше работало воображение. Но — не расслабляться до конца, не останавливать завод. Я отлично знаю, что в действительности иногда подолгу не бывает возможности расслабиться.

Следующий напряженный этап. Руки воткнуть в снарядные перчатки, и к мешку. Мешок обязательно нужно представить живым противником. Удары на выдохе. Правый прямой — левый сбоку — короткий правый прямой с шагом назад. Еще шаг назад, пяткой с разворотом в область предполагаемой головы. Обозначение удара правой, а сам удар идет левой снизу. Теперь с разворотом корпуса на двести семьдесят градусов локтем в голову, шаг в сторону и, не оборачиваясь, ногой назад. Здесь главное — прочувствовать местоположение противника и одновременно проконтролировать ситуацию вокруг. Но противники разные. И реакция у них разная. И головы встречаются разной крепости. Однако уровень подготовки всегда чуть-чуть выше, чем у мешка. Как раз по этой причине раунд на ринге длится две минуты, а у меня — десять. И укорачивать его нельзя, потому что мне скоро стукнет сорок пять. При моей профессии до такого возраста не живут. Так Труповоз — гранату бы ему в разинутую слюнявую пасть! — шутит. Но я знаю, сколько в этой шутке правды. И потому на телефонные звонки не реагирую. Я обязан держать себя в форме. И не могу никогда и ни в чем уступать молодым подготовленным ребятам. Именно — ни в чем... А физическая подготовка — это единственное узкое место, где они могут меня побить. Как раз из-за моих сорока пяти. В остальном же я за свои навыки спокоен. Опыт, за которым стоит высоkokлассная школа многолетней службы в спецназе ГРУ.

Время! Теперь восстановить дыхание. Шире руки...

...Только после прохладного освежающего душа, причесавшись перед зеркалом, но не завершив утреннего туалета полностью, я вышел к телефону, как на официальный правительственный прием — даже наедине с собой походку следует блюсти. И небрежно, как большой начальник, набрал домашний номер Труповоза.

— Привет. Это Ангелов. Ты просил позвонить? Ни в коем случае ни малейшего намека на то, что я не пожелал сразу с ним разговаривать. К чему заранее портить отношения с таким

капризным человеком, к тому же главным работодателем. И без того он знает, как я его ненавижу. Но это я наглядно покажу в соответствующее время. Пока еще рано — если противник предупрежден, то он вооружен. Заповедь спецназа я помню.

А Труповоз мне еще не раз сгодится... До того, как...

— На велосипедике катался?

Он на приветствие не ответил. Спросил зло и пренебрежительно. Сам никогда, похоже, «физикой» своего организма не интересовался. И сейчас за собой не следит. Уверенно спешит, к инфаркту. При его образе жизни эта гадость обеспечена. Если только раньше пуля торопыгу не догонит. Я таким, как он, быть не желаю. Вкус у меня иной, и обрюзглость в человеке плохо переношу. Труповоз мое презрение явно чувствует. Отсюда тоже наша взаимная антипатия. Впрочем, сотрудничеству она не сильно мешает.

— Нет, кросс бегал. По утреннему ветерку...

— Собаки не донимают?

Спрашивает со знанием дела. Словно сам бегать по утрам пытался. Хренушки... Даже если собственными глазами увижу — не поверю!

— Я для них специально газовый перцовый баллончик с собой беру. Знаешь, действует... Только подниму — собаки ноги в руки и... Не догонишь... Должно быть, я не один такой сообразительный.

Он хмыкает, как чихать собрался. Это у него дурацкая манера так хмыкать. Должно быть, представил, как собаки хватают ноги в руки. В воображении ему не откажешь.

— Ну-ну... Тут как раз твоя сообразительность требуется. Приезжай.

— Куда?

— Домой. Я еще минут сорок дома буду. Если не успеешь, жду тебя в офисе. Как?

— Жди в офисе. Не успею. Мне еще надо себя в порядок привести. Я две недели не брился и всего два раза за это время умывался, — вдохновенно соврал я. Чтобы он мою усталость физически почувствовал. Если почувствует, значит, я себе цену поднял. — А ты сам знаешь, если я утром не побреюсь, то к середине дня буду выглядеть чеченским боевиком.

— Постарайся побыстрее. Тебе новая командировка предстоит. Настраивайся...

Насчет командировки я догадался уже по его торопливости. С какой-то стороны, это приятно. Но показывать удовлетворение нельзя. Иначе Труповоз сразу пожелает свои условия диктовать. Жаден он — до безобразия. И его условия мне обычно не нравятся. Поэтому я диктую свои. По собственным правилам люблю играть. Жестко!

Я положил трубку и подошел к зеркалу. Мой папочка болгарин оставил мне не только фамилию — Ангелов, но и душевные страдания из-за каждого взгляда в зеркало. Приходится чуть не по два раза в день уничтожать на лице буйную растительность. Побрился я вчера, едва вернувшись домой из поездки в Чечню — в составе делегации ветеранов путешествовал. В Шали стоит сформированный в нашей области батальон. Из будущей дивизии, обреченной на

постоянную дислокацию в тамошних краях. Приехал, смыл с себя ведро командировочной грязи и побрился. В человеческий облик вернулся. И сразу вспомнилось, как косо посматривали на меня на каждом КПП менты и солдаты. Но разве я виноват в национальности папочки? Он своей волосатостью ни одному чечену не уступит.

Ехали мы в Шали и обратно на автобусе. Долго. Опасно. Умыться и побриться негде. Добрались. И умудрились ни одну пулю в окно не получить. И даже никто не испытал желания пострелять в такую удобную мишень из гранатомета. Просто удивительно. Шалинский район к смирным не отнесешь.

Посмотрел я на лица местных жителей. Это все знакомо еще по Афгану. Встречают спокойным и почти добродушным взглядом. Чуть не руки показывают — что оружия в них нет. Потому что ты в камуфляже и представляешь Силу. Но этот взгляд сразу меняется, стоит отвернуться. Каждую минуту можно ждать выстрела в спину. У чеченцев это, как нам объяснили в войсках, считается в порядке вещей — отважно выпустить в кого-то из темноты автоматную очередь. Такой поступок приравнивается к омовению перед вечерней молитвой. Что поделаешь, у каждого народа свои славные традиции и ритуалы.

Впрочем, эта война не для меня. Я на благо государства свое отвоевал уже давно. Теперь предпочитаю воевать на собственное благо. И совсем не за нищую офицерскую зарплату. И противника сам выбираю. Для меня это важный фактор — чтобы противник не вызывал у меня симпатию. Даже, пожалуй, не так. Даже не симпатию. Потому что, как человек сильный и великодушный, я симпатию могу испытывать и к врагу, если он уважения достоин. Но мой личный противник — вне этих принципов. А главное — он не должен быть слабым и беззащитным. Беззащитных я никогда не обижаю, даже если они того достойны...

Собирался я неторопливо. Естественно, первым делом побрился до глянцевой синевы подбородка. Не слишком спешил и с выбором костюма, несколько раз выглядывая в окно и выверяя возможное соотношение ветра, солнца и одежды. Наконец посмотрел на часы. Приличия соблюдены. Самоудовлетворение получено.

Пора...

2

— Михал Михалыч у себя?

— Вы договаривались?

Секретарша бюро ритуальных услуг, которое возглавляет отставной подполковник ФСБ Михал Михалыч Захватов, как и положено в подобном заведении, обладает лицом типичной вампириши. Жгучая брюнетка, она намного превышает допустимые нормы пользования косметикой, стремясь сделать из своей смуглой кожи нечто бледное, соответствующее имиджу. И, естественно, вампириша перестанет быть вампиришей, если не будет иметь кроваво выделяющийся овал хищного рта. И никак не желает принимать меня за сотрудника или постоянного клиента. Хотя и отлично знает в лицо. Не менее десяти раз видела. Первое время даже пыталась строить глазки. Безуспешно — я вампиров боюсь, потому что они кусаются. И вообще в таких заведениях мне в любовь играть не хочется. Поэтому сейчас Наталья Викторовна, как она себя величает, несмотря на двадцатипятилетний возраст, принимает меня более холодно, чем людей посторонних, желающих посетить скорбный кабинет Труповоза. На сотрудника в глазах секретарши я, естественно, не тяну, потому что не получаю в бюро

зарплату по бухгалтерской ведомости. А таких постоянных, как я, клиентов в их конторе не бывает. Родственников столько не напасешься, чтобы похоронить. Да и денег на это не хватит. Услуги бюро не назовешь дешевыми.

— Договаривались.

— Минуточку. У него сейчас клиент...

Она сняла трубку внутреннего телефона.

— Михал Михалыч, к вам Ангелов... Хорошо. Поняла.

И посмотрела на меня с профессиональным сознанием собственной значимости. Из нее, похоже, скоро получится достаточно квалифицированный могильщик.

— Сейчас... Клиент выйдет, и вы заходите.

Секретарша мне неинтересна. И не только потому, что это секретарша Труповоза, а возможно, и его любовница. Просто она совсем мне не приглянулась, хотя я и считаю себя, как каждый южный человек, с младых лет неисправимым бабником. Но при этом всегда опираюсь на чувство вкуса. Старательно его в себе воспитывал. И утрированный образ вставшей из могилы женщины меня никогда не сможет прельстить. Есть много других — живых и красивых...

Я выглянул в окно полуподвального помещения. Отсюда видны только ноги шествующих мимо людей. И то лишь ниже колен. Место бюро занимает не самое интересное. Я бы понял еще, если бы в это окно показывали исключительно ноги хорошеньких девушек. Но здесь можно узреть только старушечьи тапочки.

У противоположной стены громко зевает телохранитель Труповоза — крупный мосластый парень со сломанным носом. Нос ему не я сломал. Но за одну только физиономию с удовольствием произвел бы подобную косметическую процедуру повторно. У обезьяны, увидевшей банан, интеллекта в глазах больше, чем у этого типа. Но Труповоз окружил себя именно такими.

Заскрипела дверь. Открылась. Вперед скорбящим задом вышел клиент. Может быть, это и вежливо по отношению к Михал Михалычу, но не совсем прилично по отношению к Наталье Викторовне, поскольку тяжелый и далеко отставленный зад обращен именно в ее сторону. И для чего клиентам так кланяться? Думают, их покойника уложат более мягко? Так покойнику это безразлично. Тогда зачем стараться?

Михал Михалыч вышел к двери сам, чтобы меня поприветствовать. Похвальное желание. Когда ему что-то сильно надо, он становится подхалимом. Если же может без тебя обойтись, то откровенно показывает тебе свое пренебрежение и бывает даже грубым. Такие манеры отставной подполковник приобрел уже после выхода в отставку. И чем дальше, тем эти черты проявляются резче. Может быть, работа и образ жизни действуют. Пообщаешься с покойниками, и не то с тобой станет...

— Заходи.

Я дождался, когда он сделает еще шаг, чтобы не пожимать протянутую руку через порог. И только после этого шагнул в кабинет.

— Ко мне никого не впускать...

Труповоз отдал распоряжение не Наталье Викторовне, а телохранителю. Стоя к хозяину скорбного заведения вполоборота, я видел это. Но не удивился. Так бывает всегда, когда он меня приглашает.

В кабинете мне сразу что-то не понравилось. Будто бы атмосфера насторожила. Даже какая-то дрожь по спине прошла. Я огляделся и подумал, что мне не нравится скорее всего сам хозяин. Вид у Труповоза стандартно черный. Держит стиль заведения. Но даже этот приличный цвет не стройнит его. При одинаковом со мной росте он чуть не вдвое тяжелее, хотя я тоже не выгляжу худосочным. Отъелся директор на деньги жмуrows. Его расплывшуюся фигуру исправить можно только долгим сроком в отдаленных лагерях. Это ему, впрочем, и грозит, если сможет дожить. В чем я сомневаюсь. Более того, я сам надеюсь «не пустить» Труповоза в лагерь...

— Есть очень хорошая работа...

Он сел на стул за директорским столом. Бедный вертящийся стул. Недолго ему осталось вертеться. Насколько я знаю, у подобной мебели есть одна слабость. Она предназначена только для худеньких секретарш. Остальных, даже нормальных, как я, держит с трудом. Чуть тяжелее, чем нормальных, держит очень недолго. В прошлом месяце у Труповоза стул был другого цвета. Тот не выдержал.

— Работе я всегда рад. Без работы и конидохнут... — перефразировал я известную поговорку.

И забросил ногу на ногу, показывая собственную независимость. Стойку «смирно» в этом кабинете я принимать не собираюсь и не буду выходить из него с оттопыренным задом — не дождется. Такому человеку только чуть-чуть покажи слабину, он сразу попытается сделать из тебя послушного раба. Я всегда стараюсь в отношениях с Труповозом грань держать. Ни в ту, ни в другую сторону не перешагиваю, если в этом нет насущной необходимости. И всегда помню, что с подобной сволочью следует быть предельно осторожным.

— И хорошо платят...

Он сразу начал торговаться. С этим я согласен. Такой процесс мне более интересен, чем отвлеченные разговоры. Я люблю, когда мне хорошо платят, потому что работу я умею делать очень хорошо, как умеет не каждый специалист. И это отнюдь не жадность, а реальное знание собственной цены. Если я сам не буду себя уважать — кто же тогда будет? Но у меня и у хозяина кабинета разное понимание того, как «хорошо платят». И потому мы часто не сходимся в первоначальной цене.

Однако я не люблю показывать свою заинтересованность. Все-таки болгарские корни происходят с Востока — чистые болгары тюркских кровей. И торговля у меня, можно сказать, в характере.

— Спросил бы сначала, как я съездил... Рассказывать долго я не люблю. Сам знаешь, мое красноречие регламентировано положениями уставов. Но спрашивать полагается просто для приличия.

Труповоз моим нравоучениям не внял.

— Двадцать тысяч баксов... — сказал он, мечтательно закатив глаза, словно языком толстенькую пачку банкнот только что лизнул и смакует, оценивая вкус «зелени».

Интересно, сколько он хочет себе взять, если так торопится? По нашей договоренности, ему полагается десять процентов. Но у меня в последнее время появилось сомнение в честности компаньона.

— Тридцать, — сказал я равнодушно. Мы с ним торгуемся всегда, и часто бывает, что я на своем настаиваю.

Он опять хмыкнул, словно чихнуть собрался.

— Ты бы сначала спросил, что за клиент...

— А ты помнишь случай, когда я отказывался? Естественно, кроме оговоренных заранее вариантов...

Такие варианты есть, и мы с Труповозом заключили устный договор — за какие дела я берусь, какие принципиально игнорирую.

— Все может быть. Ты тоже человек не железный, имеешь симпатии и антипатии.

— Мы с тобой с первых встреч постановили, что ты не втравливаешь меня в большую политику. Политику поменьше я проглотить смогу. Остальное тоже бывает мне, как правило, по зубам. Впрочем, если ты желаешь «заказать» президента, то я потребую «лимон зеленых»...

На приятие шутки Труповоз слабоват. Давно пора бы мне это уяснить и не шутить с ним.

— И сделаешь?

— Вместе с тобой...

— Я в таких делах, сам знаешь, плохой помощник.

Неужели думает, что я возьму его в помощники! Из ума я еще не выжил...

— Я имею в виду, что и тебя после такого «заказа» сразу же «сделаю»...

Михал Михалыч стрельнул вопросительно глазами. Но — поверил. Я бы на его месте поверил тоже. Я сам в это верю, потому что твердо знаю — когда-то все так и будет.

— Итак, к делу...

— Двадцать тысяч.

— Клиент?

Он посмотрел на меня долго и внимательно.

— Таманец... — сказал наконец.

— Тридцать, — даже без секундной паузы, выдержанной для приличия, сказал я и откинулся на спинку стула. И слегка потянулся. Неужели Труповоз думал меня шокировать этим именем?

Только два месяца назад я работал по «заказу» самого Таманца при поддержке его людей в его же родном городе на берегу Волги. Это сейчас дает мне одновременно и некоторое

преимущество — я знаю стиль его жизни и возможные варианты защиты, и создает дополнительные трудности — меня и мой профиль деятельности слишком хорошо знают его люди. Удача зависит от того, как я поведу себя и какой план выберу для исполнения «заказа». Короче, в такой ситуации все в моих руках и в руках всевышнего. Но это и для меня лучший вариант. За себя я всегда отвечаю.

— Насчет тридцати мне надо будет посоветоваться. Боюсь, заказчик закапризничает... — темнит Труповоз. Глаза бегают, как у испуганного поросенка.

— Я могу сам уговорить любого. Если тебе это по какой-то причине не совсем удобно...

— Нет, — сказал Михал Михалыч твердо. — Заказчик не желает с тобой встречаться лично.

Такое мне не очень нравится.

— А обеспечение?

— С моей стороны.

— Сам поедешь? — поинтересовался я со смешком.

— Зачем? Я пошлю своих людей. Много предстоит расходов. Потому я и хочу договориться насчет двадцати. Так было бы справедливо.

— Это можешь рассказать заказчику. Если он не желает брать обеспечение на себя, пусть тебе платит. Сверх моей суммы.

У Труповоза нечестные глаза. Они у него всегда нечестные, когда разговор касается денег. Но сейчас особенно. Очень похоже, он хочет на мне крупно заработать, но чего-то побаивается. Хорошо, если побаивается меня. Могут быть и другие варианты.

— А если он не согласится?

— Значит, ему это не слишком и надо. Через сутки я добавлю еще десять штук. Звони. Последний срок — завтра в это же время. Смотри не опоздай. — Я посмотрел на часы и встал, показывая, что разговор окончен.

— Я не понимаю, чем Таманец лучше любого другого клиента? Ну, авторитетный парень... Да мало ли ты с авторитетными работал... Почему этот должен стоить дороже?

— Я не работал с неавторитетными. А Таманец... Ты сам подумай...

— Заказчик не согласится.

Я вдруг по его голосу, по выражению лица почувствовал, что заказчик согласен. Заранее согласен. Потому как у меня появилось предположение, что заказчиком является сам Труповоз. Я помню, как два месяца назад мы сидели в этом же кабинете и Михал Михалыч исходил потом под взглядом Таманца. А тот всячески старался показать, что Труповоз чем-то ему обязан. И тогда я еще подумал, что при таких отношениях Захватов через некоторое время обратится ко мне по поводу этого парня. Именно ко мне, потому что из его ребят ни один такого заказа потянуть не сможет.

Не в моих привычках влезать в чужие разборки, если они меня не касаются. Мое дело — выполнить заказ. Но за свою работу я желаю получить сполна. Тем более с родного

работодателя.

— Если меня просто случайно увидят парни Таманца, я сразу засвечусь. Слишком хорошо меня там знают. Я рискую, а не заказчик. И потому назначаю цену тоже я. И будь уверен, что я не живоглот. Лишнего не прошу. Просто оцениваю ситуацию здраво. Советую заказчику это понять...

Кажется, из положения я выкачал все, что можно. Конечно, Труповоз не признается, что «заказывает» Таманца именно он. И потянет еще время. Несколько часов. Потом начнет искать меня. Лихорадочно искать, чтобы не потерять еще десять штук. Если у меня будет настроение, я подпорчу ему нервы. Не буду отвечать на звонки до самого последнего срока.

— Все. Это мое слово.

Не спрашивая разрешения, я шагнул к стене за спиной директора, открыл дверцу встроенного шкафа, куда Труповоз спрятал холодильник, достал пластиковую бутылку минералки и тут же открыл.

— Спасибо, — поблагодарил за угощение.

И пошел к двери, делая на ходу большие глотки.

Это была проверка. Захватов не любит, когда у него в кабинете посетители ведут себя похамски. Проглотит он это или подавится?

— Я тебе позвоню... — проглотил.

Но в голосе его вдруг проскользнула нотка угрозы. На самом последнем звуке. Может, уже на выдохе после звука. Кусочек ярости, которую он старательно скрывает.

Или это мне просто показалось?

Не перестарался ли я?

3

Уже дома я заново проанализировал разговор с работодателем и пришел к выводу, что действительно показал излишний норов. Следовало поторговаться и сойтись на двадцати пяти тысячах. Не тянет Таманец на тридцать.

Время шло. Я повалялся на диване в ожидании звонка. Потом потренировался. С особым рвением избивал мешок, представляя, что это Труповоз. Когда пошел принимать душ, подумал и взял аппарат в ванную — благо шнур достаточно длинный. Это на случай, если Труповоз, согласно известному «закону бутерброда», позвонит в это время. Он не позвонил.

После обеда я сходил в магазин за продуктами. Автоответчик по возвращении не передал мне новостей. А он существо обязательное. И память имеет прекрасную. Надежнее любой секретарши.

Это стало уже почти скучно.

Я понял, что Труповоз к чему-то готовится. Готовится без меня, но подготовка имеет ко мне

прямое отношение. Что само по себе уже скверно.

Не понравилось ему мое поведение. Значит ли это, что и мне следует готовиться к обострению ситуации? Среди людей Труповоза нет ни одного человека, способного меня заменить. Он набрал себе парней с оголтелыми рожами типичных отморозков, которые не стесняются с кого-то деньги стянуть любым из способов, вплоть до беспредела. Бабушку, торгующую на углу семечками, за ноги поднимут и вытрясут из нее мелочь. Это самое простое. Есть на них грехи и иные. Немало клиентов бюро ритуальных услуг, опускаая в аккуратно выкопанную могилу гроб, не подозревают, что устраивают своего покойника на «второй этаж» общежития. Первый — нижний — уже кем-то занят. И сверху аккуратно утрамбован, чтобы заметно не было. Это дополнительная услуга его бюро. Насколько я знаю, он обеспечивает такими могилами группировки города. По дешевке. Кажется, баксов по двести за это берет. И сам опробованным методом иногда пользуется. Фирменный стиль команды Труповоза.

Такие команды, не так давно достаточно популярные, сейчас, слава богу, канули в прошлое. В нынешние времена их четко ставят на место люди более солидные, которые, впрочем, начинали работать несколько лет назад точно так же. Перестроились позже. И топят тех, кто не перестроился. Им сейчас стабильность нужна. И в депутаты хочется всем без исключения. Труповоз еще держится на плаву. Благодаря умению ударить исподтишка. Но в серьезные люди выбратся не может, хотя и мечтает, — в серьезные люди, оперирующие большим капиталом. Сразу он не ту политику выбрал. Не думал, что так быстро наступит время, когда процесс накопления перейдет в процесс вложения. А вложения необходимы, чтобы иметь собственный вес и голос. И некому было ему посоветовать. Держит около себя дураломов. Из всего окружения Михал Михалыча я почти приятно выделяюсь, хотя и не вхожу, слава богу, в ближний круг. Мы только сотрудничаем, пусть и довольно плотно. Но не слишком часто. И в этом сотрудничестве конкуренции у меня практически нет. Но нужен ли я ему настолько, что он готов раскошелиться на достаточно крупную сумму? Что на весах во второй чаше? Какая гиря ставится туда?

Этот вопрос я вынужден буду держать открытым до полного выяснения. А само выяснение может быть и опасным. Уж кто-кто, а я-то отлично знаю, что Труповоза медом не корми, только дай кому-то исподтишка гадость сделать. Какую гадость он может сделать мне? Выпишет ордер в очередную могилу на «первом этаже» кладбищенского общежития? Но это надо суметь. А я сам на «отдых» не стремлюсь. И нет у него исполнителей столь высокого класса, чтобы могли со мной конкурировать.

Вот подставить — это он может...

Так чего мне ждать?

Стоп-стоп-стоп... Почему же ждать прямо сейчас? Ему ничего не стоит подставить меня при «заказе» на Таманца. Он, конечно, не просто подставит. Не однозначно сдаст. Школа ВЧК-КГБ-ФСК-ФСБ учит многому, и школа эта готовит качественных провокаторов. Изошренные подлости Труповозу в кровь ввелись. И он наверняка что-то хитроумное придумает. Чтобы и «заказ» был выполнен, и я «съеден», и он сам остался бы в стороне и на коне. Значит, следует ждать, что на тридцать тысяч он все же согласится. Хотя все отдавать, естественно, не собирается. Не тот он человек, чтобы все отдать...

Глава II

От трапа самолета до здания аэровокзала пассажиров обычно везут автобусом. Но старое правило — там, где начинается авиация, кончается порядок — работает безукоризненно, невзирая на времена и нравы, и уж тем более на смену политических ориентации правителей. Сейчас автобус где-то задержался, и пассажиры столпились вокруг трапа, поеживаясь на прохладном утреннем ветерке. Небо над ними чистое, безоблачное, обещает жаркий день, и в предвещии этого дня мерзнуть не хочется, а большое открытое пространство аэропорта продувается ветром насквозь.

Пассажиры едва слышно переговариваются. Их немного. При нынешних ценах на авиабилеты летают только по необходимости. Кроме того, большинство предпочитает дневные рейсы. Ночной сильно утомляет — подремлешь в кресле два с половиной часа, и потом целый день чувствуешь себя разбитым.

— Где же наш автобус? — спросил кто-то торопящийся. Все всматривались в здание аэровокзала, рядом с которым автобусов стоит несколько.

Откуда-то сбоку выехала белая «Волга» с длинной антенной на крыше. Двое из пассажиров оставили основную группу и направились навстречу машине. Им только что звонили по сотовому телефону. Должно быть, о встрече предупредили. Остальные наблюдали, как они подняли руку, давая понять, что машина должна прийти именно за ними.

— Начальство какое-то, — проворчала полная женщина. — Этим и раньше, и теперь персональный транспорт к трапу А мы тут...

— Раньше-то так не нагтели, — возразил мужчина лет пятидесяти. — Я, помню, когда-то даже с третьим секретарем обкома вместе в самолете летел. Так его машина на выходе ждала. Это нынешним все можно... — В голосе человека — громадное уважение к третьему секретарю. Он и внукам, наверное, рассказывает с дрожью в голосе, как однажды летел одним рейсом с таким вот человеком. При этом будет умалчивать, что секретарь был не партийный, а комсомольский. И тем не менее...

Наконец в сторону самолета двинулся и автобус. Толпа зашевелилась. Стали поднимать с бетонки вещи, хотя видели, что ждать придется еще несколько минут.

...Дорога из аэропорта недолгая и не слишком оживленная. Но когда «Волга» через сорок минут после посадки самолета въехала в город, улицы уже проснулись. Горожане спешили на работу.

— Люблю я утренние часы, товарищ генерал... — сказал более молодой из двух пассажиров, которых машина встретила прямо на летном поле. — Особенно когда всю ночь работал и утром возвращаешься домой. Неторопливо так идешь. И смотришь на прохожих. Люди еще толком не проснулись, но трудиться спешат, а ты оттрудился... Есть в этом что-то...

Генерал, сухощавый, собранный, промолчал. Весь его внешний вид свидетельствовал, что он умеет слушать и все слышит, но говорит только тогда, когда в этом есть необходимость. Когда что-то значимое сказать надо.

— Мы вас на служебной квартире устроим, если не возражаете... Это будет удобнее, чем в гостинице, — сказал человек на переднем сиденье. — Там сразу все и обговорим...

И он красноречиво глянул в сторону водителя, давая понять, что при водителе разговаривать не следует.

Машина выехала на главную улицу и по третьему ряду на большой скорости двинулась к центру — попали в «зеленый коридор». Миновали городскую площадь, где неизменный памятник вождю прошедших лет поднятой рукой указывает в направлении большого гастронома. Свернули направо, через пять минут проехали мост через реку и сразу за цирком, которые во всех городах похожи и определяются сразу, обогнув строительную площадку, свернули к старому и обшарпанному девятиэтажному дому.

— Вот этот подъезд.

Человек с переднего сиденья шустро выскочил первым и распахнул заднюю дверцу, помогая генералу выйти. Было в его движениях что-то суетливое, лакейское. Даже телохранители так не показывают свое тяжеловесное усердие. И генерал недовольно поморщился. Он бы больше уважал этого капитана, если бы тот вообще забыл дверцу распахнуть.

Генералу нет еще пятидесяти, и выглядит он бодро, почти по спортивному, хотя род деятельности, должно быть, и не позволяет поддерживать постоянно спортивную форму — на это всегда трудно выкроить время. Его спутник недавно получил майорскую звездочку, что тоже для тридцатилетнего неплохо. Этот как раз время для спорта, похоже, находит. Он не просто крепок, как «качок», но и гибок, эластичен. Передвигается коварной кошачьей походкой.

Весь багаж прилетевших составляют два «дипломата» и ноутбук в руках у майора. Капитан протянул руку, показывая желание помочь нести компьютер, но майор отрицательно покачал головой.

— Сам справлюсь. Куда нам? — В отличие от генерала майор не хмурится. Он спокойно-добродушен и искусственные начальственные позы в соответствии с возрастом еще не любит. Не успел научиться.

— Третий этаж...

Капитан своим ключом открыл подъездную дверь — нынче стало модно ставить замки на подъездах — и двинулся к лифту.

— Что, пешком не дойдем? — спросил генерал. — Сколько здесь километров от этажа до этажа?

— Можно и пешком... — почему-то смутился капитан и первым, шагая через ступеньку, заспешил вверх. Он почувствовал недовольство московского гостя и не понял его причин. Вроде бы все он делает, как приказано. Встретил. Даже сумел договориться, помахав удостоверением перед службой внутренней охраны аэропорта, чтобы пропустили на летное поле машину, мотивировав необходимость этого тем, что в самолете привезли важные документы.

Часто ли так встречают даже генералов? А этот почему-то недоволен. Ну да на всех разве угодишь...

— Здравствуйте...

В квартире их встретила пожилая женщина. Она, видно, собралась уже уходить, потому что

стояла в коридоре и ждала, когда дверь откроется.

— Я вас в окно увидела. Проходите. Мешать я вам не буду. Уборку сделала. Завтрак приготовила. На телефонной полочке книжка, там на первой странице мой номер. Если что понадобится, не стесняйтесь, звоните, я с удовольствием помогу. Могу обед приготовить, чтобы всухомятку не питаться.

— Спасибо, Людмила Ивановна... — торопливо поблагодарил ее капитан. Он уже догадался, что генерал и этой ситуацией будет недоволен. Здесь у московского гостя есть полные к тому основания. В самом деле, женщина должна была уйти до их прихода — так положено по инструкции, и так капитан объяснил ей накануне. Квартира конспиративная. И гостей никто видеть не должен. Но что взять с пожилой женщины? Соображает только тогда, когда ей что-то надо.

Дверь за Людмилой Ивановной закрылась.

Генерал посмотрел на капитана долгим взглядом, показывая свое отношение к происшедшему, но опять ничего не сказал и прошел в квартиру первым, аккуратно поставил «дипломат» рядом с креслом и только тогда осмотрелся. Обычная квартира с не слишком старой мебелью и в меру пожелтевшими потолками. Вид из окна на самый обыкновенный плохо благоустроенный двор. Да еще соседство стройки добавляет беспорядок. Похоже, что из-за забора, который возвели строители, многим приходится делать крюк, проходить как раз через их двор. Хотя это хорошо. Меньше местные жители будут обращать внимание на новых жильцов, если придется вдруг здесь задержаться. А время пребывания в городе зависит не от них самих.

Генерал прошел к креслу и сел, зачем-то постучав ладонями по подлокотникам, словно проверяя мебель на прочность, вытянул ноги.

— Докладывайте.

И не предложил капитану даже сесть. Спутник генерала сам выбрал себе место на диване. Этот чувствовал себя при генерале более свободно. Оно и понятно — каждый день общаются и пообтерлись.

— Во время отсутствия основного объекта нами были установлены подслушивающие устройства в его квартире. Вынужденно сделали так, чтобы без телефона обошлось. У него аппарат определяет прослушивание. Есть в этом большие неудобства. Неизвестно, что будет говорить звонивший. Но иначе — никак... Объект — человек осторожный и опытный, судя по его послужному списку. Мы и не знали, что у нас в городе живут люди с таким прошлым, пока вы не прислали на него документы. Рисковать мыне стали.

Майор почесал затылок и выдал фразу, которую ни генерал, ни тем более капитан не поняли до конца:

— Если определитель прослушивания реагирует на изменение токовой нагрузки на линии, то его можно обойти. Существуют мини-чипы, которые стабилизируют ток на конечном проводе, точно самоподстраиваясь под момент прерывания. Я такую технику на брюссельской выставке видел...

— У нас, к сожалению, в области Брюсселя нет, — пробурчал капитан слегка недовольно. — Есть только Париж и Варна, Фершампенуаз и Берлин. Населенные пункты так называются. В прошлом веке казаки с войн возвращались и так свои хутора называли. Но техникой такой мы

не обладаем даже в этих населенных пунктах. Про областной центр я уже и не говорю...

— Санкцию получали? — продолжая прерванный майором разговор, спросил генерал почти презрительно. Он всегда был плохого мнения о сотрудниках своего ведомства на местах — в провинции, и потому хорошего от них не ждал.

— Зачем же, как было приказано... Все негласно.

— А здесь хоть «прослушки» нет? — спросил генерал, оглядывая комнату.

— Ну что вы, товарищ генерал... Это же служебная квартира. Здесь все стены нашпигованы электроникой. Генератор на генераторе стоит — глушат. Даже при открытом окне с дистанционным лазерным звукозаписывающим устройством прослушать невозможно. Окно, кстати, открыть? — спросил он, шагнул в сторону и уже взялся было рукой за штору.

Капитан сам почувствовал, каким он оказался плохим актером под пристальным начальственным оком — заволновался и предложил открыть окно только для того, чтобы отвлечь внимание от своего лица. Боялся, что выдаст себя неуверенным выражением — в квартире прослушивающая и записывающая аппаратура стоит, и все действия московских гостей должны строго контролироваться и документироваться. Такую установку дали из отдела внутренних расследований головного управления. И предупредили о предельной осторожности. Генерал со спутником не должны ничего знать.

— Не надо, — сказал генерал коротко, но категорично. — Еще не жарко. Продолжайте докладывать.

— Ангелов вернулся...

— Объект!.. — поправка прозвучала резко.

— Объект вернулся только вчера во второй половине дня. Пока отдыхает. Ни в какие контакты не вступал. Никуда не ходил и у себя никого не принимал. Единственно, пытался дозвониться какой-то женщине — одной из многочисленных своих подруг, — но не застал ее дома...

— Они должны были приехать позавчера.

— На сутки задержались в Уфе. В Чечне и уфимцы дислоцируются. И наши везли попутно подарки от башкирского совета ветеранов. Их так попросили. На обратном пути пришлось остановиться, рассказывали, как там парням служит. В Уфе им стол накрыли, так что — не смогли вовремя выехать...

— Понятно. Объект, кстати, не сильно удивился, что его пригласили в Чечню съездить?

— А чему тут удивляться? Он уволен из армии с правом ношения формы. Имеет четыре боевых ордена и кучу медалей. Если уж с ними ветеран Второй мировой ездил — старик за семьдесят, то как же ему отказаться... Нет... Все чисто прошло. Предложили из облвоенкомата, он сразу согласился.

— Понял. Второй объект?

— У второго объекта работает на нас секретарша. Она уже третий год потихоньку «постукивает». С ее помощью был установлен «жучок» в телефонный аппарат Захватава...

— Объекта... — теперь уже более жестко поправил генерал несообразительного офицера.

— Объекта, — торопливо согласился капитан. Очень торопливо. Он умышленно показывал свое трепетное отношение перед сотрудниками центрального аппарата. Пусть считают его таким. Глуповатым, хотя и желающим услужить. А он будет про себя посмеиваться. Очень они сейчас боятся, что кто-то сможет подслушать, кто-то сможет записать их разговор и выяснить предмет интереса москвичей. А капитану дано задание провоцировать приезжих, раскрывать так, чтобы дискеты с записью разговоров могли стать неопровержимым документом. Что он с удовольствием и делает.

— Вот и все... Ждем дальнейших событий. Второй объект обязательно позвонит первому. Насколько я понимаю, вы все для этого сделали? — И наивная улыбочка провинциального клоуна в погонах. Без такой улыбочки никак нельзя...

Капитан может задать такой вопрос — должны понимать приезжие — только от непробудной глупости, природной болтливости и желания угодить. Генерал не нашел нужным ответить, но майор, уже раскрывший на столе свой ноутбук и разматывающий провод, чтобы присоединить модем к телефону, человек добродушный. Он не может сердиться, когда к нему обращаются с открытым сердцем.

— Мы-то все сделали... И никуда они, голубчики, от нас не денутся... Как, товарищ генерал?

Генерал опять промолчал. И даже не обратил внимания на то, что капитану и знать не положено, что и как они делали...

2

Уже спускаясь по лестнице в стрельбище динамовского тира, я по звуку понял, что там нечто необычное происходит. Стреляли явно не из табельного и тем более не из спортивного оружия.

Директор тира отставной майор внутренней службы Миша Саночкин встретил меня у самой лестницы.

— А, это ты... Ладно, заходи уж, коли пришел.

Я так понял, что он желал посторонних развернуть уставной командой «кругом» и добавить не менее понятную команду «наверх шагом ма-арш». Но у меня с Саночкиным хорошие отношения с детства.

Мы в одном дворе выросли, хотя и в другом городе. Случайно здесь встретились. Естественно, друг друга не узнали, только потом разговорились — фамилии и у того, и у другого не слишком часто встречающиеся. И весьма удивились, обнаружив, что когда-то — до тринадцатилетнего возраста — были друзьями. В тринадцать лет я с родителями в другой город переехал. Мы вообще много ездили. Отца часто переводили из одной воинской части в другую.

— Фээсбэшники ствол пробуют... — прокомментировал Миша свое поведение. А взгляд майора показал его отношение к способностям фээсбэшников в стрельбе. — Просили посторонних придержать.

Тир этот работает не только для динамовских спортсменов, ментов и фээсбэшников, но и на

коммерческой основе. Те, кто имеет разрешение на оружие, приходят сюда пострелять. Патроны им выдает Саночкин. Естественно, без кассового аппарата. Но поскольку даже налоговая полиция тренируется здесь же, то налоговую инспекцию сюда не пускают и на такие пустяки, как отсутствие фискальных кассовых устройств, внимания старательно не обращают.

Сейчас на огневом рубеже встали трое.

Миша подвел меня, подталкивая в спину рукояткой малокалиберного спортивного пистолета Марголина. Если уж арестовал, то подталкивал бы стволом, а если нет, то и пистолет мог бы в другую руку переложить. В отношении оружия я не люблю неаккуратность.

— Знакомьтесь. Мой друг детства, отставной капитан спецназа ГРУ Ангелов.

— Ангелов? — переспросил один и протянул мне руку. — Где-то я уже слышал эту фамилию... Майор Угрюмое, — представился он.

Протянули руки и остальные.

— Капитан Стрекалов.

— Капитан Югов.

У меня по коже пробежал холодок такой же, какой я ощутил при посещении кабинета Труповоза. Но опасаться нечего. Никто не знал, что я в тир соберусь. Я сам только недавно решил это.

— Попросите спецназовца, он покажет вам класс стрельбы, — сказал Миша. — Нет, серьезно... Он здорово шмалает. Даже из вашей машинки.

Я уже увидел в руках майора Угрюмова «глок-17». Большая семнадцатизарядная дура с пластмассовым корпусом. Если ладонью не можешь трехлитровую банку с пивом обхватить так же, как обычный человек обхватывает пальцами бутылку, за «глок» лучше не берись — двухрядный магазин делает рукоятку неудобно толстой. У меня пара таких лежит в тайнике. Приобрел по случаю, но пользоваться этой штукой в работе еще не пробовал. Говорят, сейчас это модное оружие, но я за модой не гонюсь. Традиционный «ПМ» я стараюсь вообще в руки не брать. Из него можно только ворон пугать — попасть в цель проблематично. По мне, гораздо удобнее и надежнее старый и проверенный «ТТ», хотя я бы предпочел в любой обстановке пистолет Стечкина — «АПС». У «АПС» тоже обойма широкая, но рукоятка удобно ложится в ладонь. И хотя сам он размерами и «ТТ», и «глок» превосходит, но при стрельбе создает ощущение продолжения твоей руки, даже когда стрелять приходится очередями в автоматическом режиме.

— Доводилось таким оружием пользоваться? — спросил капитан Югов и посмотрел на меня так ехидно, что мне его взгляд просто физически понравиться не мог.

— "Глок", что ли? Нет... Только по литературе знаком. Почитываю спецжурнальчики. Куда без этого с моим военным прошлым...

Я принял из рук майора Угрюмова пистолет. Капитан Стрекалов закончил набивать патронами обойму и протянул мне.

— Большая дура, а легкая, — притворно удивился я, прикидывая в руке вес.

Посмотрел на третьего офицера, не сводившего с меня взгляда с ехидцей. И вспомнил. Как перекад-ровка в видеоманитоне — промелькнули перед глазами картинки. Капитана Югова я видел вчера вечером, когда мы приехали из Чечни. Меня высадили из автобуса, не заезжая во двор. И рядом с моим домом стояла «жучка». Один человек сидел справа от водительского места, второй стоял рядом с открытой дверцей. Увидев меня, тут же сел в машину. Демонстративно отвернулся. Он был, как и сейчас, в гражданской одежде.

В такие совпадения верится с трудом, хотя совпадения в жизни случаются всякие. Уж, казалось бы, на столько лет развело нас с Мишей Саночкиным, а встретились. Но даже самые невозможные совпадения мне не всегда нравятся. Однако это не та ситуация, из-за которой я могу разволноваться, зная, что волноваться мне не следует. Любая реальная опасность вызывает у меня только повышенное хладнокровие. И я лишь усмехнулся. Без волнения.

Миша как раз вернулся, установив три новые мишени. И посматривал на фээсбэшников тоже с легким смешком. Но не в унисон смешку моему. У Миши свои основания. Он принес их отстрелянные поясные листы. Я глянул туда мельком. Паршивенько для двадцатипятиметровой дистанции. Я с такими стрелками на серьезную операцию не пошел бы. У меня солдаты в роте — когда я ротой командовал — стреляли лучше этих фээсбэшных офицеров. Потому что я их лучше учил.

Огневой рубеж в трех шагах. Я эти три шага сделал неторопливо. Пару секунд рассматривал мишени, просчитывая угол для стандартного спецназовского фокуса, который на дураков действует безотказно. После этого повернулся к контрразведчикам.

— Вообще-то «глок» в современной армии считается больше устрашающим оружием, чем боевым. Для долговременного боя он плохо пригоден. Даже рукояткой по голове никого не стукнешь — пластмасса расколется, — сказал, не поворачиваясь к огневому рубежу, отвел за спину руку и выстрелил шесть раз подряд.

Миша прильнул к окуляру смотровой трубы, подкручивая колесико, чтобы перейти с мишени на мишень.

— Пятьдесят шесть очков, — сказал он.

— Пистолет незнакомый. Может быть, плохо пристрелян, — пожаловался я и так же, не поворачиваясь, выдал следующую серию из шести выстрелов.

— Еще пятьдесят пять... — восхищенно констатировал Саночкин. — У тебя одного результат лучше, чем у них троих, вместе взятых.

— Вы стреляете, как профессиональный киллер, — сказал капитан Югов. — Так же, не глядя, Солоник в Москве ментов клал. Только тот еще и на бегу, и под огнем преследователей...

— Я стреляю, как профессиональный спецназовец. Можно было бы и на бегу, и даже сразу из двух пистолетов. Но здесь бежать некуда, — посетовал я, понимая, что Югов дурак. Он сразу себя выдал, желая меня «подколоть». С уличными хулиганчиками можно так разговаривать, а не с профессионалом, прошедшим подготовку у лучших специалистов страны. Еще той страны, когда она была мощной супердержавой.

Югов себя «сдал».

Значит...

Значит, меня «ведут» фээсбэшники!

— Кстати, Солоник стрелял хоть и на бегу, но останавливаясь и оборачиваясь, — добавил я, — из-за дерева. У него не хватало квалификации для слепой стрельбы. Миша, свет! — дал я команду.

Саночкин был готов и дернул ручку рубильника.

В темноте я повернулся и выпустил в мишени оставшиеся пять пуль. После этого директор тира снова включил рубильник и прильнул к окуляру смотровой трубы.

— Сорок семь, — сообщил он.

— А что касается огня преследователей, то, если желаете пострелять в меня — я согласен. Но буду отвечать, естественно, тем же... Думаю, у меня это получится лучше, чем у Солоника. Он тренировался на мишенях и не имел боевой практики. Потому и не хватило хладнокровия. У меня же такая практика есть, и очень богатая... В девяти странах мира, исключая Россию, поскольку тогда, когда воевал я, в нашей родной стране не воевали.

И я посмотрел Югову прямо в глаза. Откровенно, словно на диалог вызывая и едва-едва, с легкой кошачьей нежностью угрожая. Он, кажется, тоже понял. Но не поняли другие. Или они актеры хорошие, или просто не в курсе текущих дел Югова. Скорее всего второе, потому что на актерстве непрофессионалы обычно прокапываются быстро. У меня очень острое ощущение опасности, и я понял бы их не хуже, чем Югова.

— Для стрельбы на бегу нынче погодка не та... Жарковато. Может, лучше пивка попьем... — добродушно засмеявшись, выложил майор Угрюмов качественную замену моему предложению. У него глаза демонстративно открыты излишне широко. Так майор восхищение показывает.

— Я за рулем и потому пью только французский коньяк, — отказался я, показывая, что знаю зарплату офицеров ФСБ. — От него запах не тот, а в жаркую погоду вообще может за туалетную воду «прокатить». У гибэдэдэшников нюх плохой, потому что сами пьют много и что подешевле...

Капитан Стрекалов по-прежнему стоял с растопыренными глазами и открытым ртом. Он не мог отойти после впечатления от стрельбы. Я, честно говоря, тоже рот от удивления раскрыл бы, но давно привык к тому, что стреляю не совсем плохо. Тренироваться приходилось на живых мишенях и в условиях, когда от твоей стрельбы зависела твоя жизнь.

Майор Угрюмов достал из объемной спортивной сумки бутылку пива и протянул Стрекалову. В сумке загремела большая бутылочная батарея. Очевидно, соблюдался привычный ритуал, связанный с посещением тира. Сразу появилось на свет табельное оружие [1]. Досталась пара бутылок и Саночкину, но я попросил его до начала трапезы сменить мишени. Миша вздохнул и пошел выполнять мою просьбу, не выпуская из рук бутылки. По дороге делал длинные глотки. И бутылку оставил на огневом рубеже. Так что вернулся уже с пустыми руками. Он опять поставил три мишени.

— Сколько тебе патронов? — спросил.

— На три обоймы.

Миша отсчитал двадцать четыре патрона.

— Калибр 5, 45, — сказал оказавшийся опять рядом Югов, рассматривая патроны. — «ПСМ»?

— Наградной, — кивнул я и достал из поясной кобуры пистолет.

Югов пристроился рядом и поднял «глок». Я не заметил, когда он успел перезарядить его. Или это уже другой пистолет? Капитан явно целился в бутылку. Это, по его мнению, должно было произвести хоть маленький, но эффект. И, на удивление, не промазал.

— Вот так... — сказал он, уважая себя, и сделал большой глоток из бутылки, которую держал в левой руке, словно точку поставил.

— В стоячую бутылку и заяц попадет, — усмехнулся Саночкин. — А вот ты попробуй в летящую да еще вдогонку... Сможешь вот так?

Он выхватил из руки капитана недопитую бутылку и, коротко посмотрев на меня, проверяя готовность, бросил ее плавно, чтобы поменьше кувыркалась. Потолки в тире высотой никогда не отличаются, и подобная мишень, запущенная почти параллельно полу, долго лететь не может. Я вскинул руку и выстрелил. Бутылка качнулась и упала на пол целая.

— Промазал! — радостно воскликнул Югов.

— Не-а, — не согласился Саночкин. — По касательной задел. Видел, как она качнулась?

— Промазал... — Югов пошел смотреть.

И вернулся с отвисшей челюстью. У бутылки пробито дно. Пуля вошла через горлышко и пробила дно, не разбив саму бутылку.

— Такого не бывает! — сказал Угрюмое. — Сможешь повторить?

— Я сюда пришел не цирк устраивать, а потренироваться, — ответил я. — А вообще вам давно пора бы знать, что такое спецназ ГРУ...

И, повернувшись лицом к огневому рубежу, я поднял пистолет. Конечно, сам я понимал, что произошла случайность. Я даже и не видел это горлышко. Но в летящую таким образом бутылку я попадаю семь раз из десяти. Разбиваю или задеваю по касательной. Во втором случае бутылка остается, как правило, целой, только с небольшой выбоиной сбоку. Иногда я успеваю добить ее второй пулей. На сей раз счастье просто улыбнулось мне, чтобы утереть фээсбэшникам нос. Между нашими ведомствами всегда существовала ревнивая неприязнь, а показать свое превосходство бывает приятно.

Я спокойно, оборачиваясь только за патронами, отстрелял свои три обоймы. Офицеров, наблюдавших за мной, словно и не видел.

— Одна «шестерка», одна «восьмерка», две «девятки», остальные в «яблочко», — сказал Миша, отрываясь от трубы. — Стареешь... Раньше у тебя «шестерок» не было.

1

Пистолет Макарова с отведенным в заднее положение и «запертым» кожухом представляет собой идеальную «открывалку» для пивных бутылок.

— Нормально. Давно не тренировался и много в последние дни пил, — сказал я, перезаряжая обойму уже для себя. Пистолет я обычно держу заряженным. — Спиртное здорово зрение сажает. Хоть и не навсегда, но тоже неприятно.

Говоря честно, это был и для меня весьма хороший показатель, если не считать «шестерку». Но Миша поддержал мой имидж своей оценкой. Я оказался не против. Имидж нужен всем.

— А все-таки, пробитое дно — случайность, — сказал упрямый Угрюмов. Такого, мне кажется, убить легче, чем переубедить. А он, дождавшись, когда я закончу заряжать пистолет, бросил бутылку, даже не спросив моего согласия.

Стрелять я не собирался, но реакция от обиды сработала. Рука поднялась сама. Бутылка осталась не разбитой. Но я-то видел, что попал в нее.

Угрюмов вернулся и показал. Опять дно пробито. Теперь уже, кажется, челюсть готова была отвиснуть у меня. Но я успел придержать ее рукой, почесав, расплатился с Мишей за патроны и пошел к выходу. И опять по коже пробежал неприятный холодок.

Не умею я так стрелять!

Но я так стреляю!

Фээсбэшники провожали меня молча. Их немигающие взгляды я чувствовал спиной, вдруг покрывшейся потом в подвальном холодке тира. Но в этих взглядах страха было больше, чем восхищения. Да мне и самому стало слегка страшно. Хотя я и чувствовал, что стану теперь предметом разговора многих спецов. Иногда это бывает приятно. Мужское тщеславие...

Но часто мешает. Человеку моей профессии...

На улице, открывая свой серебристый «Крайслер», я осмотрелся в поисках красной «жучки», которую видел вчера рядом со своим домом. Багажник машины выглядывал из-за угла здания.

Значит, я не ошибся.

3

Генерал Легкоступов мог целый час простоять у окна, ни с кем не разговаривая. Просто стоять. Однажды майор Мороз заметил даже, что генерал стоит с закрытыми глазами. Как кот, жмурится на солнце и, похоже, спит стоя, заложив руки за спину.

Конечно, генерал не спал. Так только со стороны казалось. Но эта его привычка подолгу стоять у окна, и участвуя в разговоре, и не участвуя в нем, просто о чем-то думая с закрытыми глазами, — многим казалась странной.

Что касается закрытых глаз, то это майор Мороз понимал хорошо. Привычка офицера-оперативника — смотришь на свет, обязательно нужно жмуриться. Иначе потом, когда повернешься к чему-то или кому-то, находящемуся в менее освещенном месте, ничего не увидишь. И это может в критический момент подвести.

Майор терпеливо ждал, что скажет генерал. Они только что прослушали записи двух телефонных разговоров первого объекта со вторым и запись их разговора в кабинете второго. Все пока шло точно по плану. Если бы кто знал, какого труда стоило Легкоступову,

пренебрегая обычными и законными методами своей Конторы, потому что никак не удавалось добиться результата обычным путем, прижать серьезного мафиозного бизнесмена Таманца из большого приволжского города... Прижать так, чтобы тому срочно понадобились крупные наличные деньги и он начал вытрясать их из всех солидных и даже мелких своих должников. И одновременно пришлось придумать легенду, чтобы почти официально не менее серьезно прижать откровенного похоронного бандита, хоть и бывшего подполковника ФСБ, в крупном уральском городе.

— Как ты думаешь, Дмитрий Федорович, почему второй объект не желает просто обратиться к первому и попросить его об услуге? — спросил генерал, не оборачиваясь от окна. — Они же вместе работают, кажется, уже второй год... От второго объекта зависит работа первого. Должны бы и наладиться у них добрые отношения. Что помешало ему? Не доверяет?

— Я думаю, у них отношения чисто партнерские. Не выходящие на дружественный уровень.

— Но в любом случае первому выгодно, чтобы второй нормально работал и давал ему «заказы». Случись что со вторым, первый останется без «заказов».

— Скорее всего первый сумел себя поставить так, что он каждый «заказ» принимает, будто одолжение делает. Мне так показалось по тону разговора. Он себе цену знает и уверен, что без работы не останется. Мы ведь, Геннадий Рудольфович, не в курсе всех его дел. Вполне может быть, что он работает от разных посредников. И сотрудничество со вторым объектом — только незначительный эпизод его биографии.

— Да, это тоже стоит допустить... Но у второго объекта нет другого такого же надежного человека, как первый. И он не сможет найти его достаточно быстро. Вернее, найти бесплатно... Нет, абсолютно точно — что-то между ними не так... Где-то кошка пробежала...

— Но первый, скажу я вам, принаглед... Устраивает свои дела за счет беды другого... Цену заламывает... — Майор даже слегка засмеялся. Он легкий человек по натуре, и даже в серьезном разговоре своей легкости не теряет.

— Ты считаешь, первый понял, что заказчиком является именно второй?

— Я в этом не сомневаюсь. Такие нотки в голосе читаются легко...

Зазвонил телефон.

— Слушаю вас, — не представившись, спокойно сказал майор в трубку. — Да... Да... Объект... Понял. Так... Так... Хорошо... Доложу.

Он положил трубку и вздохнул.

— Судьба, товарищ генерал, я не пойму — за нас или против нас? Но она определенно толкает объект к нам в руки. Звонил капитан Югов. Они с группой офицеров ходили на учебные стрельбы в тир. Там же случайно оказался первый объект. Он знакомый директора тира и часто ходит туда тренироваться. Объект показывал нашим офицерам класс стрельбы вслепую. Потом стрелял из пистолета в брошенную бутылку так, что пуля проходила в горлышко и пробивала дно.

— Что за ерунда... — покривился генерал, наконец-то отвернувшись от окна. — Таких стрелков не бывает...

— Югов тоже, говорит, сначала так думал. Пока своими глазами не увидел. После первого выстрела решили, что это случайность. Но объект повторил. Однако главное не в этом. Главное, что объект сам идет туда, где находится под нашим контролем. Вот я и говорю — судьба... Югова теперь от операции придется отстранить?

Легкоступов думал больше минуты.

— Не надо, — сказал тихо, — пусть лучше попытается наладить с объектом контакт. Если познакомились, пусть постарается стать его близким другом...

Оператору, сидящему в соседнем подъезде на прослушивании, очень хотелось потребовать, чтобы генерал с майором разговаривали громче — раньше он работал оператором на радио и давал такую команду говорившим. Но сейчас в системе, к сожалению, не было микрофона...

Глава III

1

Окна в полуподвальном помещении вообще никогда, похоже, не открывались. Решетки на окнах устанавливались давным-давно, может быть, когда дом только построили, и какой-то дурак бездумно воткнул мощные металлические прутья между двойными рамами. Если внутреннюю раму еще можно было распахнуть, то внешняя открывалась на полтора сантиметра и упиралась в прутья. Из-за этого в помещении в жаркую погоду дышалось так, словно на лицо тебе сыпанули совковую лопату горячего асфальта.

Кабинет Захватава вообще отличается буйным тропическим характером — за стеной бойлерная, где проходят трубы горячего водоснабжения дома. И приходится только удивляться, почему по стенам не растут цветущие лианы. Сам Михал Михалыч даже зимой сидит из-за этого с мокрой спиной. Но зимой такое положение приятно, потому что в других кабинетах бюро ритуальных услуг, особенно в бухгалтерии, сотрудникам приходится работать, накинув на плечи пальто. Но вот лето становится для директора временем невыносимым. И к середине дня, когда дышать уже трудно, а кондиционер не помогает, Михал Михалыч начинает нервничать.

Летом он берет с собой на работу два носовых платка. Вот и сейчас один из них уже можно отжимать — пропитался вытираемым с шеи потом. Но шея у директора такая, что в лучшем случае хватило бы только банного полотенца. А еще приходится лысину вытирать и лицо. Неприятно, когда пот с носа капает. Но бороться с погодой бессильны и сам Захватов, и его вампирская секретарша Наталья Викторовна.

Потому Захватов и не пытается. И без погоды есть отчего понервничать.

— Ты, Мастибек, с ним и поедешь... — продолжая начатый разговор, сказал Захватов. Почти зло сказал, потому что Мастибек ехать явно не желает.

— У тебя что, своих парней не хватает?

Мастибек — высокий и сухощавый, словно из виноградных лоз сплетенный парень, покачивает ногой, заброшенной на ногу. Тоже злобно покачивает, не нравится ему такая опасная игра в кошки-мышки с профессиональным гробовщиком. Только гробовщиком он про себя называет

не директора бюро ритуальных услуг, а человека, который умело в гроб других отправляет. Понимает он, что такая игра слишком опасна. Это с другими, даже с достаточно крутыми парнями, но доморощенными самоучками, потягаться можно. А здесь многоопытный профи...

— У меня парней хватает, — Захватов на хитрость пошел, — но, во-первых, нет таких, как ты... Мои парни против Ангела не потянут. А во-вторых, ты слишком плотно завяз во всей этой истории, чтобы в стороне оставаться. Мои парни тоже там будут, не беспокойся. С тобой вместе их отправлю. Якобы Ангелу в помощь. Но у них связей там серьезных нет. Так, кто-то кого-то на зоне боком знал. А ты своих друзей потрясти можешь.

— А откуда у меня-то там связи? Я там не был ни разу.

— В каждом большом городе базар есть. На базаре всегда земляков найдешь. Они помогут и сведут, с кем следует...

В этом Михал Михалыч прав, и Мاستибек не может не согласиться. Но он молчит, не торопится с окончательным решением. Другое бы дело здесь, на месте разобраться, когда Ангел атаки не ожидает. В этом случае можно попробовать сработать четко и быстро. Но тогда отпадает смысл во всем мероприятии. А там уже, на месте, сразу после операции — киллер будет предельно насторожен и стократно опасен. Гораздо опаснее, чем дома. Уж Мастибек-то отлично знает, что такое настороженный спецназовец. Пусть не с этим грушником, а с другими спецназовцами сталкиваться приходилось. У себя в республике, когда шли бои власти с оппозицией. Потому и пришлось перебираться с теплого юга на Урал. Дома Мастибек в розыске.

— Иначе... — Захватов решил последний и самый веский козырь пустить в ход. — Ты уж извини старика... Иначе я буду вынужден на тебя стрелки перевести. Мы с тобой в доле работаем. Пусть Таманец хотя бы половину с тебя спрашивает.

И сердито замолчал, засопел, вытирая пот с шеи.

Мастибек резко встал. Этого он от Захватова не ожидал. Но не нашел что возразить и потому тут же сел снова, понимая, что Труповоз припер его к стенке. Придется ехать и ввязываться в это дело.

— Сколько человек мне дашь?

— Двоих Ангелу отдаю. В помощники. Один из них — самый лучший, что у меня есть. Я на него надеюсь. И двоих тебе дам. Также в помощники. А там уже сам ищи, сколько тебе понадобится. Своих земляков поднимай. Вы же всегда друг друга выручаете.

2

Я наглядно показал господам офицерам, как следует стрелять. Не знаю, понял ли капитан Югов намек. Судя по физиономии, он хитрый, как все остроносые и быстроглазые, а вот насчет ума — следует еще разобраться. И поверит ли он, что я не отличаюсь стеснительностью — в преследователя стреляю даже с большим удовольствием, чем в преследуемого. Не мучает потом комплекс вины — я только защищался. Впрочем, этот комплекс давно перестал меня мучить, потому что я знаю, в кого стреляю. И в каждого стрелять не буду. Когда-то, во времена своей армейской службы, за меня выбор делало командование, а за командование — политики. Тогда я отвечал за Родину. Сейчас я сам за себя отвечаю. Но и за Родину — тоже.

Без политиков.

Со своей точки зрения.

По своим понятиям.

У меня есть собственный критерий выбора.

И при этом я не собираюсь дать себя в обиду никому. Ни уголовникам, ни ментам, ни фээсбэшникам. Но откровенно бросаться на них тоже не собираюсь. Не психопат.

На перекресток я заскочил на последней фазе зеленого света и захватив желтый. И чуть не столкнулся с торопливым «БМВ». Вывернул только за счет реакции и благодаря навыкам вождения в «экстремалке» — это тоже входило в курс нашего обучения. Мое слегка нервное состояние понятно. Даже если человек не чувствует за собой никакой вины, ему все равно не по себе становится, когда он замечает пристальное недоброжелательное приглядывание к собственной персоне. Особенно со стороны такой серьезной конторы, как ФСБ. А уж в моем-то положении это приглядывание совсем протухшей килькой отдает — ни один бродячий облезлый кот полакомиться таким блюдом не пожелает.

Знать бы только, что им надо...

Где-то я «наследил»?..

В себе я уверен и одновременно — сомневаюсь.

Читаю иногда детективы и очень веселюсь, когда суперагенты и супербоевики все предусматривают, вплоть до лживого прогноза погоды. Только дурак может быть уверен, что все сделал чисто. Или имеет право быть уверенным — если один работал. То есть вообще — один. Даже без заказчика. Чего в существующей природе киллеров не бывает. Киллер не убивает ради собственного удовольствия и тренировки нервной системы. Он трудится в холодном поте лица своего, чтобы кому-то или лучше жилось, или просто спокойнее. И сам за это платит своим беспокойством.

Первое, что мне необходимо выяснить, — каким образом я смог заинтересовать ФСБ, по какой причине и что мне следует ждать от них? Естественно, имей они какие-то улики или серьезные подозрения, меня бы уже повязали. За «заказуху» и фээсбэшников, и ментов сильно по голове лупят. Постоянно ходят с шишками. Не тянут они на раскрытие таких вещей, не доросли. Особенно если работают против профессионала. И потому те и другие стремглав бросаются ловить и кусать всякого, на кого падает малейшее подозрение. На меня такое подозрение упасть может достаточно легко. Потому что я — специалист, прочно прописанный в картотеке ФСБ по своей предыдущей многолетней службе в армии.

Если опять возвратиться мысленно к популярным романам, то постоянно встречаешь на занимательных страницах рассказы о том, как киллеры или ликвидаторы работают в гордом одиночестве. Но не бывает такого в природе. Это шалопай какой-то, желающий стрельнуть удовольствия ради, возможно, и будет так работать. Тот самый знаменитый Карлос, который никому не доверял — террорист наших дней, числящийся под первым номером, — всегда имел мощную профессиональную группу обеспечения, оснащенную самыми современными приборами. Но в одном романисты правы — прокалывается большинство как раз на своей «поддержке». Кто-то сам провалится, а потом и сдаст...

Если бы меня сдали, уже подкатали бы ребята в кевларовых бронежилетах, уже заломили бы мне руки за спину и оттащили бы побитого инвалида в камеру, где, чтобы поломать волю, утром и вечером делали бы уколы анабазина в пять точек. Это для будущих допросов, чтобы подследственного в полу-придурка превратить. Такие методы достаточно популярны и, как правило, оказываются эффективными.

Но меня еще не взяли. А зная мою квалификацию, зная, что я могу просто исчезнуть из их поля зрения, они должны были бы это сделать, будь у них хоть что-то на меня, хоть самый мизер.

Значит, ничего пока, к счастью, на меня не имеют...

Эти размышления в том случае справедливы, если «хвост» за мной с прошлых дел тянется. Много таких дел, и много может потянуться «хвостов».

А что-то еще — может быть?

Может, если поразмыслить... Навскидку просматриваются сразу два вероятных варианта.

Первый — они разрабатывают Труповоза, и я нечаянно попал в сферу их повышенного интереса. Есть много причин, по которым его обязаны трясти. За Труповозом «хвостов» тянется гораздо больше, чем за мной. Он не слишком чистоплотный.

Второй вариант — сами желают меня на какое-то мероприятие посвятить. Такие случаи бывали, слышал я, что другие наши пенсионеры получали предложения. Но то, насколько я помню, отставники. А я — инвалид третьей группы, хотя и с правом трудоустройства.

Однако моя инвалидность еще и хорошая «крыша». Фээсбэшники это понимают. И им может понадобится специалист моего класса. У них самих сейчас с этими людьми бедновато. Когда-то ПГУ [2] имело классный состав ликвидаторов. И все КГБ могло этим составом пользоваться при надобности. После разделения ликвидаторы остались за Внешней разведкой, которая уже не выделяет их для нужд ФСБ. Вот они и ищут кого-то со стороны. Возможен такой вариант? Возможен. Любой вариант возможен, даже самый фантастический. Но мне кажется, что тогда местных спецов к этому делу не подпустили бы. Разработку вели бы москвичи. Если только я не понадобился исключительно местным.

Но пока о подобных планах я не могу даже догадываться. А если не могу догадываться, то не стоит и голову ломать — само когда надо всплывет.

А вот вариант с плотной разработкой Труповоза и его бюро вполне реален, и стоит над ним поломать голову. Здесь я могу вместе с жирным ублюдком влипнуть в неприятную историю.

Это совсем некстати...

При сложившихся обстоятельствах мне бы следовало залечь на дно и «не подавать пеленга». Но Труповоз уже высказал желание задействовать меня в работе и даже назвал имя объекта. В этом случае, если киллер идет на попятную, он считается обреченным. И просто потому, что его постараются убрать — нет в наше время дураков, которым требуются лишние свидетели, и потому, что в дальнейшем, если убрать себя он не позволит, он не найдет заказчиков — какой идиот решится с таким ненадежным работать? Потому в нашей профессии и не бывает отказников.

Но не следует и такой вариант отбрасывать — ФСБ разрабатывает меня точно так же, как в

свое время разработал сам Труповоз, Он когда-то, я подозреваю, сам подставил меня, чтобы использовать. Подставил, имея еще во время службы какие-то документы на руках. Он знал, что я собой представляю. Тогда я еще не был киллером, я просто преподавал рукопашный бой в школе охранников и в дополнение получал свою нищенскую пенсию.

Я не подозревал никакого подвоха, когда в один прекрасный день ко мне обратилась едва знакомая подруга бывшей жены. Обратилась потому, что ей было больше не к кому обратиться за помощью. На ментов она надежду давно потеряла. Муж этой женщины много задолжал. И прятался от достаточно крутых кредиторов неизвестно где. Но долг мужа пытались вытрясти с нее. Заставляли отдать квартиру. Женщине пришлось прятаться вместе с двумя дочерьми по знакомым. Неделю у одних, неделю у других. Потом мужа убили. И хоронить его было некому, кроме вдовы. А она боялась выйти на свет. Думала, что теперь ее обязательно схватят вместе с дочерьми и заставят отдать квартиру. Женщина не знала, что делать. Увидела меня по телевизору. Вспомнила, что тогда еще, когда я женат был, она была у нас несколько раз в гостях. Сумела разыскать. Напомнила о себе. Попросила совета.

2

ПГУ — так называемое Первое Главное управление КГБ СССР, впоследствии выделенное в отдельное учреждение — Внешнюю разведку.

Я был в отпуске и изнывал от безделья. Взялся за организацию похорон скорее из-за этого, а не потому, что я хороший парень, готовый всякому прийти на помощь. И в первый же день столкнулся с Захватовым, обратившись в его бюро.

— Слышал я про этого парня... — сказал похоронный директор, рассматривая свидетельство о смерти. — Покуролесил он... Смотрите, как бы неприятностей у вас каких не возникло... Осторожнее будьте.

Это я уже потом, задним умом анализируя ситуацию, понял, что Захватов с первой же встречи дал мне настрой. Жестко меня запрограммировал, чтобы я поглядывал по сторонам. Естественно, я не мог пропустить мимо ушей подобную информацию.

И сразу обнаружил постороннюю суету вокруг. Не все, видимо, считают похороны святым делом.

Я подключил ребят из школы охранников. Только на несколько часов, чтобы выяснили, куда стекаются концы. Они «провели» показанных мною людей. И тогда я определил место сбора. Частная автомастерская среди кооперативных гаражей. Парни туда приходят, но не уходят. Похоже, к чему-то готовятся. Поговорив с вдовой и дав ей указания, я оставил охранников на квартире, а сам, предварительно просчитав ситуацию, отправился в автомастерскую.

И застал в сборе компанию из восьми человек, шестеро готовы уже сесть в машины и выехать на «дело». Двое, посолиднее, их отправляли. Пришлось попросить ребят задержаться.

— Тебя Захват послал? — сразу спросили у меня.

— Кто такой Захват? — Я тогда еще не знал фамилию Труповоза.

— Что ты мне лепишь... — вдруг заорал один из парней. — Я сам тебя вчера у него в офисе видел.

И он слишком резко для вежливой беседы попытался схватить меня огромной лапицей за горло.

Руку я сломал без проблем. Но под вопль пострадавшего в вечернем сумраке появилось оружие. И не только пистолеты, а даже тупорылый «калаш». Признаться, я не ожидал такого обострения, иначе подготовился бы на обе руки. Со мной же был только наградной пистолет «ПСМ».

Позже я сам удивлялся, как умудрился выкрутиться. Но знаю за собой такую особенность — в критической ситуации быстрота действий переходит, кажется, за предел возможного. Я перемещался и стрелял, и снова перемещался, и снова стрелял.

В итоге я оставил два трупа. Раненых не добивал. Лишь предупредил, что, если побеспокоят вдову, я вернусь...

На следующий день были похороны. Все прошло спокойно. Охранники посматривали по сторонам. Ничего подозрительного не заметили. А уже после поминок, едва я домой вернулся, ко мне пришел Захватов. Тогда и познакомились. И принес мне видеозапись вечерних событий. Оператор поработал на славу. Не хуже, чем я. А себе я просто удивлялся. Со стороны всегда виднее, как все выглядит. Красиво все было. Особенно интересно смотрелось, как я подбирал свои гильзы.

— Ствол можно идентифицировать и по пулям, — сказал тогда Труповоз. — Если знать, где этот ствол искать.

— А где тебя будут искать? — поинтересовался я.

— Обижаешь... — сказал отставной подполковник спокойно. — Я аккуратный. Подстраховался...

С тех пор мы иногда и сотрудничаем. И ждем, когда порвется связывающая нас ниточка. Оба ждем, только с разным чувством.

...Я поколесил по городу, проверяя, насколько прочно меня оседлали?

Нет. Слежки не обнаружил.

Неужели отпустили? Или моя излишняя профессиональная подозрительность опять дает о себе знать? Может, никакой слежки и быть не должно? Но мне всегда с трудом верится в совпадения. Дважды за достаточно короткий срок встретить одного и того же сотрудника ФСБ — это не к добру. Лучше уж пусть баба с пустыми ведрами навстречу десять раз попадется. Значит, «ведут» еще недостаточно плотно или имеют другие средства слежения? Может быть, в машину радиомаяк поставили? Может быть, телефон на «прослушке», может быть, квартиру мою «жучками» нашпиговали?..

Может быть все...

И это я проверить обязан.

Я хорошо знаю, что ощущение легкого морозца, пробежавшего по коже, не появляется у меня

случайно. Это воспитано годами работы в экстремальных условиях. Это выше физического понимания сути вещей. Такое ощущение призвано меня насторожить. Я слегка напряг память и попытался вспомнить, когда еще оно появлялось в ближайшие дни.

Появлялось. В кабинете Труповоза... И дома, когда я вернулся... И утром во время первого телефонного звонка, когда за меня автоответчик ответил, а я продолжал педали крутить. И... И в тире, когда Югова увидел. Связаны ли между собой все эти ощущения? Являются ли они сигналом тренированного подсознания, которое лучше самого человека знает, что ему следует делать и чего необходимо опасаться?

Проверить... Срочно проверить...

И потому, даже дожидаясь звонка от Труповоза, я обязан потерять некоторое время на обеспечение необходимых мер безопасности. Без этого не проживешь.

И я, приняв решение, на ближайшем перекрестке развернулся. Решил заглянуть в школу охранников и телохранителей, где раньше преподавал и где всегда себя прекрасно чувствую.

Плохой директор и хороший человек Слава Трудогоров оказался в своем маленьком кабинетике.

На столе перед ним лежало много денег, и Слава занимался сложным процессом пересчитывания.

— Привет, — сказал я. — Столько денег сразу можно увидеть только в фильмах про мафию. Поэтому против желания появляется мысль — или ты сам стал мафиозным, или ты какому-то мафиози помогаешь, или ты какого-то «креза» от мафии спасаешь. Кроме того, при виде такой суммы я думаю, что тебе следует их пропить, а то быстро истратишь...

И сел на шаткий стул, показав ангельское терпение.

Слава поднял на меня глаза.

Хотя он и работал когда-то, как и Труповоз, в КГБ, только в «девятке» [3], но в отличие от бывшего подполковника шутки понимать умеет. Улыбнулся и молча кивнул на мое приветствие. Молча, как я понял, потому, что боялся сбиться со счета. И продолжал неслышно шевелить губами, перебирая пальцами бумажки. Я тут же проявил чудовищную изобретательность и пододвинул директору с другого края стола газету и ручку.

— Запиши здесь, чтобы не сбиться, — предложил я, ткнув пальцем в чистые поля газеты.

Он тут же записал и беззвучно шевелить губами перестал. Доказал человечеству в моем лице, что голос он все-таки имеет.

3

«Девятка» — девятое управление КГБ, занималось охраной высокопоставленных партийных и государственных чиновников.

— Привет, Ангел. Давно приехал?

— Вчера.

— И как там?

— Хреново, как и везде. Но подробности только во время застольной беседы, чтобы не тошнило от воспоминаний о человеческой гадости. А такая беседа предвидится не скоро, потому что у меня уже пот после этой поездки имеет устойчивый спиртовой запах. Отдохнуть хочется от излишеств.

— Мне тоже не до того. Нам тут клиент попался перспективный. Ему нужно создать команду охранников для офиса и полностью оборудовать систему охраны и сигнализации. Платит черным налом. И хорошо платит. Можно на эти деньги новый класс оборудовать. Хочу сразу заняться, пока в самом деле не пришлось все истратить. Помнишь сам, наверное, как у нас бывает... Там надо, тут надо — по мелочам любая сумма разлетится, и ничего путного сделать не успеешь. У тебя дело или просто проведать забежал?

— Дело.

— Валяй выкладывай...

— У тебя сканер под рукой есть?

Пожав плечами — не от незнания того, что у него есть, а чего нет, а от незнания ситуации, — Слава повернулся к стоящему в углу пенальному оружейному сейфу, повернул ключ и достал сканер.

— Проверь меня... — попросил я со значимым взглядом. Слава умеет взгляды читать профессионально.

Он опять пожал плечами и выбрался из-за стола.

— С превеликим удовольствием...

Полную проверку не проводил — в штаны не лазил, но прозвонил обычные места, где пристраивают «жучки» — под воротником, под мышками, в рукавах, в поясе брюк. Через минуту положил сканер на стол.

— Чист, как стеклышко... Можешь даже жениться. А за тобой что, «хвост» тянется?

— Подозреваю. Машину мою проверить можешь?

— Бога ради. Самому это сделать или разрешишь курсанта для практики послать?

— Можешь послать.

Слава со смешком застучал длинным пальцем по кнопкам телефонного аппарата и дал поручение. При этом назвал номер моей машины. Вот что такое профессиональная память охранника. Он мою машину в глаза-то видел всего два раза. И только около года назад, когда я купил ее и не преминул похвастаться, прокатил своего бывшего шефа по городу.

— Что-то серьезное подозреваешь?

К серьезным вещам Слава относится серьезно, хотя глазами не перестает посмеиваться. У него самого были крупные неприятности во времена самого большого разгула демократии в Москве

— в начале девяностых. Когда разгоняли КГБ. Почти по-футбольному пинали под зад сотрудников «девятки» — прислужников коммунистического режима. Слава оказался на пенсии, которую платить и не собирались, в майорском звании. Срочно нужно было искать работу. Он нашел. По своему профилю. Там же, в Москве. И выполнил ее, когда подошло время, слишком хорошо. Не только сумел защитить свой объект, но и «повязал» двух нападавших. Нападавших выпустили через пару дней. И Слава вынужден был срочно продать квартиру в столице и прятаться с семьей в глубокой провинции. Чтобы не достали — угроза по тем временам была вполне реальной. Тогда достать могли любого.

Сейчас время иное, обстоятельства изменились. Слава мог бы и вернуться, но уже не тянет по финансовым возможностям на покупку московской квартиры — инфляция сделала его таким же нищим, как почти все население страны. Так вот он и остался провинциалом с легким московским акцентом. Вернулся посланный на проверку курсант.

— Чисто.

— Хорошо. Спасибо, — Слава посмотрел на меня вопросительно.

Я кивнул удовлетворенно.

— С машиной — отлично. А квартира? И достал связку ключей.

Слава продиктовал курсанту адрес. Помнит еще, хотя я давно в его школе не работаю. Курсант вышел.

— А «хвост» за мной повесить сможешь? Учебный. На пару дней... Только с условием, что я должен знать номера машин ведения. А то ненароком решу вдруг отрываться в жестком режиме....

— Практика в нашем деле, сам понимаешь, первое дело... Можно и «хвост» тебе повесить.

Слава легко идет мне навстречу, но вопрос в голосе звучит все явственнее — интонацией выделяется. Это и понятно. Он не слишком рвется снова в какую-то историю вляпаться. За Уралом уже Сибирь, останется там прятаться, за Сибирью — Дальний Восток. Потом будет уже некуда.

— Только предупреди ребят, что они могут столкнуться с другим «хвостом». Достаточно профессиональным. И это для них будет хорошей школой.

— Кто?

— Твои бывшие коллеги.

Глаза у Славы блеснули почти радостно.

— В провинции никогда не было хороших профессионалов. Я бы любого из них вычислил в два счета.

Он не хвастает. Я его уровень знаю. Директор и финансист он никудышный, а вот охранник и телохранитель высокочеловеческий. Советской школы.

— Согласен. Но это — ты. А курсантам необходимо учиться на лучшем, что есть в наличии.

— Ты уверен, что это именно они? Может, менты? В том, что меня «ведут», Слава не

сомневается.

Он тоже знает мой опыт и навыки.

— Ментов бы я уже в речке утопил. С ними церемониться нечего...

— А моих парней в неприятности не втянешь?

— В какие неприятности я могу их втянуть? Если бы вы вели слежку против моей воли, вам могли бы вменить вмешательство в частную жизнь. Но я согласился на твоё предложение помочь школе с практикой для курсантов. Все в порядке...

— И обещаешь, что они не станут свидетелями чего-то экстраординарного? О чем будут обязаны информировать начальство, то есть — меня, а я обязан буду принимать меры, то есть — стучать на тебя, если не «забуду». А если «забуду», кто-то может в иные инстанции на меня стукнуть. Понимаешь ситуацию, в которую может попасть школа? Так обещаешь?

— Обещаю.

— Тогда договорились. Телефон проверять надо?

— У меня определитель прослушивания. Если подключатся, придется поискать «жучок». Через станцию они сейчас редко работают. Там санкция нужна. Обычно ставят аппаратуру на ящик с «развязкой».

— Это я знаю. Проверим. Для ребят это хорошая практика. Пока они к тебе поехали, может, пивока?..

Пиво у них продают в буфете на четвертом этаже. Школа занимает весь третий этаж большого административного здания.

— Нет. Хочу дать организму разгрузку.

— Тогда чайку?

— Это можно.

Пока Слава убирал недосчитанные деньги в сейф, я занялся приготовлением чая. Но едва чайник закипел, как в дверь постучали. Вернулись курсанты. Втроем ездили. Удовлетворенно улыбаясь, выложили на стол пять небольших и симпатичных электронных приборов, чем-то напоминающих аккумуляторы для наручных электронных часов, с той только разницей, что у аккумуляторов не бывает тараканьих усов и креплений-липучек. Курсанты в самом деле приняли свою работу за учебную и были несказанно рады, что справились. Меньше, признаться, обрадовался я. Значит, опасения имеют под собой основания.

— Что и требовалось доказать... — сказал я тем не менее достаточно бодро, но понимая, что дело может для меня обернуться хреновенько.

— Молодцы, спасибо... — поблагодарил Слава курсантов. — Следующую вводную дам через двадцать минут. Будьте готовы. В том же составе.

— "Жучки" на другую аппаратуру перенастроить можно? — поинтересовался я.

— Можно. Есть у нас спец. Только не сами «жучки» перенастроить, а настроить на них свою аппаратуру. Спец толковый. Уже после тебя пришел.

— Тогда прими этих «насекомых» в качестве оплаты за работу. Мне они все равно ни к чему.

— Ты серьезно?

Слава достал из ящика стола большую лупу и принялся исследовать ближайший «жучок».

— Израильские. Долгоиграющие. По полторы штуки баксов. Это же семь с половиной тысяч.

— Бери-бери...

— Щедрый... — Слава несказанно рад. Так рад, что не имеет сил отказаться.

А я поморщился. И не стал пить чай. Почувствовал внезапно, что у меня вот-вот может начаться приступ. Слишком много сегодня психовал. Лучше быстрее добраться до дома. О чем и сообщил директору.

— Может, тебя отвезти?

— Нет, спасибо. Пока еще ничего... Терплю... Успею добраться.

3

Капитан Югов получил сообщение на сотовик в машине, когда пиво закончилось и офицеры уже выехали из тира. Долго матерился под понимающие ухмылки товарищей, довольных, что служба отвлекает от самых интересных дел на нынешний вечер не их. За что капитан высадил Угрюмова со Стрекаловым за целый квартал от полукруглого крыльца управления, а сам сразу отправился на служебную квартиру.

Необходимо было доложить.

Вообще-то, можно бы и просто позвонить, но, во-первых, с московскими чиновниками такие разговоры не ведутся по телефону городской линии, и не ведутся даже через сотовики — как ему самому сообщили, а во-вторых, он понимал, что его присутствия так и так сразу же потребуют. Ожидал, что генерал может устроить ему разнос. По дороге пришлось купить жевательную резинку, в надежде, что она хоть немного забьет запах пива, но на полный успех надеяться было нечего. Это Югов знал по опыту общения с собственной женой. Она любой запах чувствует сразу, даже если он только посмотрел на рюмку водки с желанием выпить завтра — так он рассказывал о ней сослуживцам.

Любой офицер понимает, что московскому начальству без необходимости лучше не появляться на глаза с запахом. Даже если учесть то обстоятельство, что из головного управления на имя начальника местного пришла шифровка от отдела внутренних расследований — просят полностью проконтролировать деятельность генерала и майора в городе. Строго негласно. Однако это дело не новое — сегодня они контролируют друг друга, а завтра вместе коньяком балуются. И обязательно находят какого-то «стрелочника», которому коньяк по штатному расписанию не полагается даже нюхать. Но в любом случае показывать это москвичам нельзя. Если произошло ЧП, грозящее срывом операции, в которую московские гости местных оперов подробно не посвящают, то лучше все же явиться пред генеральские светлые очи немедленно,

чем откладывать дело в долгий ящик и дожидаться, пока тебя попытаются выискать и вызвать. Сейчас можно встретить раздраженное беспокойство, а позже появишься — могут и последствия грянуть. Последствий за их непредсказуемость никто не любит, в том числе и капитан Югов. Тем более что он даже не знает, насколько операция важна — не его это ума дело.

И он выехал на параллельную улицу, чтобы добраться быстрее — там движение меньше и нет светофоров. Но раньше времени Югов предпочитал не огорчаться. Кто знает, может быть, и с москвичами так же быстро расстанется. Тогда удастся к товарищам вовремя вернуться.

Вообще, эти москвичи раздражали капитана еще до их приезда. Он по слухам знал, что в подобных операциях успех обеспечивает повышение только тем, кто погонями посolidнее и должностью повыше, а провал всегда списывают на местных сотрудников. Те времена, когда могли человека за деловые качества в Москву перевести, минули безвозвратно. Сейчас на деловые качества внимания не обращают. Никто их оценить не сможет. Ни москвичи, ни местное руководство. И перспективы никакой, если нет высоких дружеских или родственных связей. А у капитана их нет...

На подъезде к дому Югов вдруг сообразил и набрал на сотовике номер заместителя начальника своего управления. Доложил ситуацию.

— По-моему, они мне не сильно доверяют. И попытаются все на нас свалить.

— Это пусть. Ты, Аркадий, попроще себя с ними води. Под провинциального дурачка кати. Такое они понять могут. Они всех нас за дурачков держат.

— Я так и делаю. Сейчас еще пивка попью, чтобы запах шел. Изображу провинциальную непосредственность. Как думаете, товарищ полковник?

— Это тоже можно. Только не переусердствуй.

Таким образом, капитан обеспечил себе прикрытие с тыла. Теперь можно спокойнее ситуацию воспринять и не слишком беспокоиться, если генерал пожалуется на него прямому руководству. Ход хитроумный, и капитан похвалил себя за удачно воплощенную мысль.

Югов заехал во двор, поставил машину на стоянке у крайнего подъезда — так он всегда делал в целях конспирации. Рядом стоял золотистого цвета «Форд Фокус», взгляд от непривычных футуристических форм его оторвать было трудно. Аркадий обошел новенькую машину со всех сторон, внутрь заглянул и языком поцокал от зависти.

Вот бы такую занять! А что, может, и даст бог...

Он прошел вдоль дома, привычно-цепко осмотрелся и поднялся на этаж. У него был свой ключ не только от подъезда, но и от квартиры, но показывать это тоже пока ни к чему. Потому позвонил. Увидел, как тень закрыла дверной «глазок».

— Это Аркадий пришел, — сказал голос майора Мороза, и неуверенно защелкал замок. Так всегда бывает, когда человек впервые с чужим замком общается — сразу механизм норов показывает и открываться не желает. Наконец, майор проявил талант — справился. Дверь распахнулась.

— Заходи...

У майора физиономия добродушная. Но Югов уже звонил в Москву и наводил справки через однокашников. На добродушие надеяться не стоит. Мороз — мужик в нужный момент очень даже жесткий. Кое-что кое-кому при случае «пообморозить» может — так, с каламбуром, предупредили...

— Новости какие-то? — сразу верно воспринял его приход Мороз и подтолкнул капитана легонько в спину. Значит, уже принимает по-хозяйски. Освоился на месте. Командует.

Аркадий вошел в комнату и, как на штык, напоролся на прямой и внимательный взгляд генерала. Этот даже не спрашивает.

— Что-то экстраординарное? — продолжил за генерала допрос майор, потянув большим носом картошкой и почувствовав запах. Он сразу понял, что без срочных новостей, требующих принятия решения, капитан с запахом спиртного не посмел бы заявиться. Даже если бы коньяк в виде компенсации с собой принес.

— Нехорошие новости, — мрачно ответил Югов. — Все «жучки» в квартире первого объекта дезактивизированы. Очевидно, он нашел их.

Тишина длилась почти минуту.

— Кто «жучки» устанавливал? — наконец поинтересовался генерал. — Вы?

— Нет, что вы... Работали специалисты. И не наспех делали. Без специальной аппаратуры обнаружить их невозможно.

— Значит, у объекта есть аппаратура? — спросил Мороз. — Вы этого не знали?

— Мы вообще почти ничего про него не знали до вашего запроса. Мы права не имеем вводить в спецкартотеку бывших и настоящих сотрудников ГРУ. Они только по общим спискам проходят, как имеющие допуск по «форме один». Но в самой квартире приборов не было. Там проведен тщательный обыск. Я лично присутствовал и готов дать гарантию.

Генерал прогулялся вдоль окна. Туда-сюда.

— Визуальное наблюдение за квартирой велось?

— Ангелов слишком опытный человек, чтобы мозолить ему глаза. Он быстро бы вычислил слежку и насторожился. Нет. Мы боялись спугнуть его. Только в соседнем дворе, вне пределов постоянной видимости, стояла машина с прослушивающей аппаратурой.

Москвичи были так озабочены случившимся, что даже не поправили Югова, когда он назвал объект по фамилии. Капитан сразу, отметил это. Вот и еще одно подтверждение для контрольной записи. Запись завтра же будет отправлена в Москву. Это хорошая плата хотя бы за то, что ему даже сесть не предложили. Словно в линейной части служат. Армейские дуболомы...

— Что будем делать?

Ему никто не ответил. Только генерал снова загулял у окна, заложив руки за спину. Очевидно, так ему лучше думалось. Майор Мороз тоже прошелся по комнате — в противоположной стороне, вдоль дивана. И лишь после этого заметил, что докладывающий капитан все еще

стоит.

— Ты садись, садись... — гостеприимным хозяйским жестом показал он на стул.

— Надо подключиться к его телефону, — сказал генерал. — Хоть что-то будем знать...

— Я уже докладывал, что у него аппарат с определением прослушивания. Кроме того, дома лежит сотовик. Мы проверяли. Оплачен. «Золотая» карточка. Но объект предпочитает им не пользоваться. Подключение к телефону ничего не даст. Сотовик без санкции прокурора нам прослушать не разрешат. А Ангелов просто все поймет и не будет из дома разговаривать по важным делам. Тогда мы рискуем вообще потерять всякую вероятность контроля.

— Есть возможность установить лазерные звукозаписыватели? — поинтересовался майор.

— У объекта на окнах стоят вакуумные стеклопакеты. Эти модные звукоизолирующие штучки нам океан крови портят. По многим «делам». А изнутри вместо штор в квартире металлические жалюзи. Мы часто сталкиваемся с такой проблемой, — покачал головой Югов. — Ничего не слышно. Сами стеклопакеты глушат звук на семьдесят — семьдесят пять процентов, в зависимости от добросовестности мастеров, которые их устанавливают. А закрытые металлические жалюзи слишком тяжелы для чтения и передачи речевых колебаний воздуха и вообще способны полностью звук заглушить.

— Это технические проблемы, — сказал генерал, по-прежнему не обращившись. — Сегодня я, возможно, позвоню в Москву, вызову специалиста. Пусть обеспечивает. Меня другое интересует. Объект только что вернулся из длительной поездки. Какие он имел основания так тщательно обследовать свою квартиру на предмет поиска «жучков»? Вы там наследили?

— Это исключено, — ответил Югов. — Все трижды проверено. Даже входная дверь — никакой «контрольки» не нашли. Если бы Ангелов чего-то опасался раньше, он, со своим опытом, обязательно поставил бы «контрольку» на дверь. И в квартире все было сделано предельно аккуратно.

— И еще, Геннадий Рудольфович, учтите маленькую деталь, — заметил Мороз. — Объект не сразу произвел осмотр. Утром он разговаривал со вторым объектом по телефону. Не похоже, что тогда у него уже были подозрения. Когда дезактивизированы «жучки»?

— После посещения тира. Когда мы с ним познакомились. Но это знакомство состоялось совершенно произвольно. Мы не могли знать, что он там появится. И вообще не знали, что он в этот тир ходит. Директор тира представил его нам как отставного спецназовца. И познакомил. Спонтанность естественная.

— Тогда разгадку следует искать именно здесь... — сказал Легкоступов категорично. Он словно и не слышал объяснений капитана, и совсем не считался с его мнением, что выглядело даже оскорбительно для Югова. — Думайте, думайте...

Югов в ответ пожал плечами. Он был не против мыслительного процесса, но не верил, что путем простого размышления можно решить проблему. Капитан хорошо понимал, что Ангелов для этого слишком сложен как личность. И не понимал другого — что Ангелову достаточно было один раз мельком увидеть его в своем дворе, чтобы вспомнить при следующей встрече. Югов сам такого не смог бы, и потому просто не придавал значения эпизоду, когда дожидался в машине приезда объекта. Не вспомнил потому, что вел себя в тот момент правильно, как и учили его в свое время хорошие и грамотные специалисты. В нужный момент он не смотрел на грязный, прибывший издалека автобус, остановившийся перед въездом во двор. Югов свободно

разговаривал со своим помощником, старшим прапорщиком из «прослушки», и посматривал время от времени в другой конец большого двора, словно дожидался кого-то с той стороны, из противостоящего дома. Объекту должно быть в такой обстановке непонятно, куда смотрит посторонний человек, потому что он не знает о зеркале, укрепленном на правой дверце, не знает, что старший прапорщик распахнул эту дверцу под строго определенным углом не для того, чтобы дым от его сигареты не оставался в салоне автомобиля. Этот угол распахивания дверцы они вымеряли специально. Не один раз пробовали и так и сяк, пока не установили хороший обзор под нужным углом — чтобы было видно единственный тротуар.

Не мог Югов об этом думать, потому что впервые вошел в противостояние со спецназовцем ГРУ и не знал еще, что за люди там служат и какую имеют подготовку. И даже недавний случай в тире, когда Ангелов наглядно продемонстрировал различие в квалификации офицеров двух конкурирующих ведомств, не насторожил Аркадия. Капитан отнес подобную стрельбу к личным талантам человека, но совсем не к частице подготовки. В этом была его главная ошибка...

— Какие вы видите пути для возобновления контроля? — спросил генерал.

— Жду приказаний. — Капитан проявил скромность и не стал высовываться — не он проводит операцию. Он только входит в местную группу обеспечения.

— Тогда постарайтесь войти с объектом в близкий контакт. Подружитесь с ним...

— До прибытия спеца, — вставил слово и майор Мороз, — это единственная возможность не выпускать его из виду.

А Легкоступов поморщился и распахнул окно. Он явственно показывал, что местный капитан принес в комнату запах, который нос московского генерала переносит с трудом и только по необходимости — до определенного момента.

Это уже походило на молчаливое оскорбление. Югов только закусил нижнюю губу. Но сдерживать себя он умел. Иначе не дослужился бы даже до капитана.

— Вы свободны. Действуйте по обстановке, — так Легкоступов попрощался.

Югов вышел из квартиры и на лестничной площадке обернулся на дверь. Во взгляде его было больше ненависти, чем уважения к погоням без просветов. Он по натуре был человеком мстительным и знал, что отомстить сумеет. Уже завтра утром, когда будет отправлять в Москву донесение о деятельности командированных. Каждый факт в комментарии можно трактовать по-разному. Он сумеет сделать правильную трактовку. Можно сказать, что он обладает некоторым специфическим литературно-аналитическим даром. Уже приходилось заниматься подобными вещами.

Глава IV

1

Головная боль преследовала меня всю дорогу к дому, и усиливалась резь в глазах. Обычные симптомы, к которым привыкнуть невозможно. Последствия ранения в голову — БМП

подорвалась на mine в момент, когда я сидел на броне. Возвращались с операции из глубокого тыла. Более того, из чужой страны. Прорывались до границы страны дружественной. Хорошо хоть, впереди не было войсковых заслонов, а что касается жандармерии и пограничников, то их мы опасались мало. БМП было жалко. Мы с трудом захватили эту технику, поставляемую по всему миру русскими оружейниками. И теперь, после взрыва, без техники предстояло идти пешком без остановки, чтобы успеть к условленному сроку. На другом берегу пограничной реки нас должны были встречать и, после визуального опознавания, выслать за нами вертолет — нарушить чужую государственную границу. Ребята меня вытащили. На своих плечах. Трое суток волокли, сами чуть не падая. Меня и Виталия Пулатова. Он умудрился в последние дни подцепить серозно-вирусный менингит. Говорили, смеясь, что это детская болезнь. Но Виталия свалила какая-то африканская разновидность, которая распространяется и на взрослых. И не просто свалила, а скрючила ему все суставы так, что он идти не мог, хотя и был в полном сознании. Потом нас самолетом отправили домой и долго лечили. Мне делали операцию дважды, но один осколок из-под основания черепа достать не смогли. Железяка уплыла к коре головного мозга и застряла там. После хирургии, как и положено, нас долго мучили психотерапевты. Восстанавливали кондиции и снимали психологическую нагрузку. Но не до конца. Ни к чему было это восстановление. В итоге меня и Виталия отправили на инвалидность. Его по другому диагнозу, но тоже на третью группу. Мне же рекомендовали больше не пытаться пробивать головой башню боевой машины пехоты. И не использовать свой затылок в качестве щита для БМП. Повезло, что осколки в меня летели каким-то немыслимым рикошетом от окружающих дорожку скал. Иначе могло бы и голову оторвать. С тех пор приступы головной боли и рези в глазах время от времени повторяются. Особенно после того, как я понервничаю.

В такие моменты, а они наступают с периодичностью раз в месяц-полтора, предпочитаю отлеживаться на диване. Что пожелал сделать и сейчас. Но на подъезде к дому боль почти прекратилась. Словно организм почувствовал опасность — раскисать сейчас не время. Ситуация не та...

На всякий случай я оставил машину под окном. Вдруг Труповоз спохватится и позвонит. Тогда может возникнуть необходимость в срочной поездке. И совершенно ни к чему бегать на стоянку.

Первое же, что я сделал, вернувшись в квартиру, это проверил автоответчик. Нет, очевидно, сегодня день особый, и на этот день выпало слишком много похорон — работодатель в суете будней про меня забыл. Тоже, сволочь жирная, нервы треплет, как я собирался потрепать ему. Ну и дурак! Он дурак, естественно... Потому что его, возможно, пасут бывшие коллеги. Причины пасти меня я не вижу. Если бы что-то знали за мной, то уже давно бы повязали.

Но Труповоз может по незнанию меня подставить. Я понимаю его неприязненное отношение ко мне и вполне допускаю мысль, что он с удовольствием в какой-то момент подставит меня под пулю. А вот под допрос — нет, не решится, потому что ему самому не слишком нравится прокуренная и пропитанная запахом нестираных носков атмосфера камеры следственного изолятора. Но подставить он может и не специально.

А что, если в его кабинете тоже стоят «жучки»?

И мы, забыв про их сверхмузыкальные мембраны, так мило сегодня беседовали. И даже предполагаемого моего клиента называли. Очень любезно это было с нашей стороны. Всю информацию, как на блюдечке. Готовьте, господа «тихушники» и менты, наручники. Мы сами к вам придем и выложим недостающие остатки информации...

Я сомневался недолго и решил, что из двух зол следует выбирать меньшее. Мои игры с Труповозом, конечно же, представляют определенный коммерческий и психологический интерес. Но этот интерес не настолько велик, чтобы перебороть инстинкт собственной моей безопасности. Надо предупредить Труповоза. Чтобы лишнего не болтал ни при мне, ни без меня.

Стоп-стоп-стоп! Здесь есть и еще некоторые скользкие нюансы. У меня нет гарантии, что не сам Труповоз установил «жучки» в моей квартире. Кто знает, до какой степени он желает меня контролировать?

Цель?

Самое первое, что в голову приходит, — после акции, о которой мы договоримся, Труповоз желает со мной «попрощаться». А этот капитан Югов по какой-то старой дружбе или без нее — просто за зеленые хрустящие бумажки — помогает ему. Ему, а не своему управлению. А я разинул рот и размышлял о собственной значимости. Надо же — ФСБ меня «ведет»...

Вероятен интерес Труповоза?

Вполне...

Что тогда? Тогда получается — я предупреждаю Труповоза. Он начинает суетиться. Будет искать «жучки» и обязательно «найдет» их, чтобы подтвердить мою версию. И будет со мной советоваться, чтобы отвести от себя подозрения, вывести мои взгляды на случившееся и при удобном случае подsunуть какую-то съедобную версию. Глотайте, господин капитан, и постарайтесь подавиться!

Это один вариант. Есть и другой.

Он «жучки» не найдет — побоится...

Ведь тогда я посчитаю его угрозой для себя. И он решит, что я не пожелаю оставлять в живых свидетеля моей трудовой биографии. Труповоз ни за что не захочет стать моим клиентом. Он знает мою квалификацию и, как человек умный, предпочтет не рисковать своим объемным животом.

А как его проверить?

А проверить его просто.

Взять прибор и в присутствии Труповоза обследовать кабинет. Будет хоть один «жучок», значит, его «ведут», а я прилип «прицепом». Количество «жучков» не обязательно обозначает главную фигуру. Не хочется верить, что главная фигура — это я.

Стоп-стоп-стоп!

Вот и второй раз прокололся!

Ведь в этом случае он посчитает, что и я представляю для него слишком серьезную опасность. И хотя со мной справиться гораздо сложнее, нежели с ним, от выстрела из снайперской винтовки с чердака соседнего дома не застрахован никто. В такую погоду не будешь постоянно носить бронежилет. Да и бронежилет не будет панацеей. Квалифицированный стрелок в отличие от Вильгельма Телля ставит яблочко не на голову, а в голову. Прямо посреди лба. И

стрелять нынешние квалифицированные снайперы предпочитают пулями с закаленным стальным сердечником — такую ни один бронежилет не выдерживает. Не думаю, что черепные кости могут составить кевлару конкуренцию.

Но я еще нужен Труповозу для «беседы» с Таманцем. Достаточно ли это серьезная причина для отсрочки? Ведь все равно, похоже, он попытается после этой «беседы» меня убить.

Трудно сказать, какой вариант Труповоз выберет.

Нет, торопиться никак нельзя. Необходимо каждый шаг тщательно обдумать, прежде чем приступить к действиям. Хотя и разогнали в определенный период лучших сотрудников КГБ, в ФСБ успели вырастить своих, которые работать постепенно учатся. И у меня нет гарантии, что Югов работает на Захватава. Может быть, в самом деле ФСБ рвется со мной пообщаться. Ко всему надо быть готовым.

Думай, голова, думай...

Телефонный звонок оторвал меня от размышлений. Я глянул на световое табло аппарата и снял трубку до включения автоответчика.

Что-то пожелал мне сообщить Миша Саночкин. Он звонит редко и, как правило, по делу. Хочется надеяться, что сегодня он выпил недостаточно много пива с офицерами ФСБ, чтобы возжелать продолжения, для чего надумал занять у меня денег. Если это не так, то готов поспорить, что капитан Югов интересовался моей персоной. И Мифе не понравилась его дотошность.

— Слушаю, друг дорогой...

— Алло!

— Да-да, Миша, слушаю тебя...

Очень уж у него простая армейская консервативная душа. Давно пора сообразить, что я настроил свой аппарат так, что определитель номера не подает дополнительный сигнал звонившему.

— Как ты узнал, что это я?

Так удивляться может только Саночкин. Он с самого детства наделен этой простой, но редкой способностью — удивляться любому пустяку и радоваться своему удивлению.

— Разведка донесла...

— Нет, серьезно?

— А если серьезно, то это мой профессиональный секрет. Ты что, забыл, где я служил?

А это уже моя профессиональная манера. Пусть человек думает обо мне больше, чем есть на самом деле. В какой-то момент это может сгодиться.

— Леха, что тобой так фээсбэшник интересуется?

— Югов?

— Ну, который капитан...

— Югов. Понравился, наверное...

— Он полчаса меня расспрашивал.

— О чем?

— О тебе. Как ты живешь, чем интересуешься, почему с женой развелся, по какой причине инвалидность получил. И вообще, все о твоём характере. Даже про детство спрашивал. И, как у них положено, просил оставить разговор в тайне. Я и решил никому не рассказывать. Кроме тебя...

— Думаю, капитана поразила моя способность стрелять по бутылкам.

— Это — да...

— Вот-вот, и тебя тоже, да и меня самого она поразила... Честно могу признаться.

— А что этому капитану надо?

— Это я у тебя хотел бы спросить. Но вообще-то, спасибо, что предупредил. Я не люблю, когда фээсбэшники в мои дела суются. Спасибо. На днях еще к тебе забегу. Надо восстанавливать квалификацию.

— Жду... — друг детства положил трубку.

А я снова убедился, что не ошибся в предположениях — Югов сильно моей личностью интересуется. Но теперь он уже не решится попадаться мне на глаза лишний раз. Даже случайно. Или?.. Или что-то другое следует из этого? Как бы я повел себя на его месте?

Я бы попытался воспользоваться моментом и превратить мимолетное знакомство в подобие дружбы. Если он правильно соображает, то постарается меня найти. И это в любом случае — на кого бы он ни работал...

2

Приступ уже заявил о себе серьезно. Вот — последствия встречи с фээсбэшником и обнаружения в своей квартире «жучков». Тихо поспиховал, и результат ударил по голове...

Телефонный аппарат я поставил поближе к руке, чтобы не вставать лишний раз. Принял лекарство и лег на диван. Стал терпеливо дожидаться самых неприятных минут и часов. Да, бывает, что и часов.

Лекарство свое действие показало стандартно. Напала апатия, и лень туманом связала все тело. Даже в голову этот туман проник — думать не хотелось. Насколько я умею себя ощущать, как всегда при подобной процедуре, сильно упало давление. Обычно это длится около двух часов, хотя бывает иногда, что и на целый день растягивается. Но два часа — это терпимо и привычно. Потом следует залезть под прохладный душ, и только тогда я снова стану относительно дееспособным, если раньше не усну.

Но я уснул. Вернее, не полностью уснул, а просто провалился в болезненную бездонную

полудрему. С такой головной болью полноценно спать невозможно. Как и предполагал, разбудил меня телефонный звонок. Не вовремя. Боль уже сдавливала голову пульсирующим обручем, приподнимала верхнюю часть черепной коробки, и создавалось ощущение, что весь череп становится вытянутым вверх, как дыня. Лекарство только растягивает процесс, не устраняя полностью. И в таком состоянии приходится отвечать на звонки.

На табло определителя номера я глянул мельком. Высвечивались три двойки. Значит, кто-то добирается до меня с уличного телефона-автомата. Это не Труповоз. Тому трудно будет дойти до автомата, даже если он обнаружит у себя в кабинете целый склад прослушивающих устройств. Я его понимаю. Даже до ближайшего угла такой живот донести — это проблема.

— Слушаю, — сказал я, бодрясь и стараясь не показать свое хреновенькое состояние.

— В двадцать три часа, — знакомый хрипловатый голос, как всегда, краток.

— Понял, — ответил я, но мой ответ услышали только короткие гудки.

Свидание назначено совсем не вовремя. Но к тому времени я уже должен прийти в себя. Только что за срочность такая возникла в этом свидании?

Я откинулся на подушку и расслабился. В последний раз я разговаривал с куратором [4] накануне отъезда. Никаких поручений он мне не давал. Следующий — его звонок ожидался через пару недель. Но — нет, позвонил сейчас. И, мне кажется, не для того, чтобы расспросить про поездку.

Через десять минут опять зазвонил телефон. Теперь я уже не засыпал и сразу посмотрел на табло. Определитель номера опять не показал абонента. Загорелись три восьмерки. Это значит, что звонят по междугородной связи. Таких звонков я не жду, и потому с полминуты подумал, прежде чем взять трубку. Но все же решился ответить:

— Слушаю.

— Алло, Леха, это ты?

— Я.

— Пулатов беспокоит...

— Привет, Виталька. Ты откуда?

— Из одного неопределенного места. Из дома звонить по некоторым причинам не стал. Как у тебя дела?

4

Куратор — должность сотрудника ГРУ на местах, как правило, в крупных городах. Куратор контролирует жизнь и деятельность отошедших от дел агентов и вообще всех бывших сотрудников ведомства, имевших доступ к засекреченным документам или принимавших участие в секретных операциях.

— Почти нормально. Вчера из Чечни вернулся. С делегацией всяческих ветеранов ездил к нашим парням. А сегодня с приступом слег...

— А ничего необычного?..

— Что ты имеешь в виду?

— Тут вокруг меня суeta непонятная началась. Вижу, что меня «ведут» несколько дней. Потом мне сообщили, что какие-то люди сильно интересовались историей моей болезни и особенно процессом лечения. Я тут постоянно с одним врачом-пенсионером консультируюсь. Чаще всего за бутылкой. Так и его расспрашивали на предмет моих откровений.

— Не совсем понял.

— Я тоже. Только у этого врача спрашивали и про тебя. Нас же вместе лечили. Не упоминал ли я тебя? Не рассказывал ли что-то о твоей болезни? Не о работе в ГРУ, а именно о болезни...

— Ну и что?

— Ничего особенного. Я просто подумал, раз «ведут» меня, расспрашивают обо мне и о тебе, то, возможно, и тебя задевают.

— Задевают... — нехотя согласился я. Головная боль и действие лекарства помешали проявить большую заинтересованность.

— Значит, есть?

— Есть. Только я сам не могу разобраться в ситуации. Но постараюсь. Причем не только меня обложили, но и мое окружение. Ты тоже свое проверь.

— Вот это я и хотел выяснить. Все. Вводная получена, и теперь знаю, от какой печки плясать следует. Извини, дольше разговаривать не могу. Я с чужого служебного телефона до тебя добрался. Потом позвоню. Или ты сам звони, посоветуемся. Мне кажется, дело заваривается серьезное. Большими силами идут... Я хочу к своим обратиться.

— Спасибо, что предупредил. Действуй по обстановке. Что будет, я сообщу.

Я положил трубку и закрыл глаза. И даже зажмурился. Под веками намертво встала непроходящая резь. От головной боли черепная коробка готова лопнуть по всем швам одновременно. Поганю. Самый разгар приступа. И тут такая вестъ. Трудно думать. Лучше не ломать себе голову. Лучше уснуть. Что я и попытался сделать повторно.

Однако это оказалось сложным. Сон — тоже лекарство от головной боли. Но головная боль не дает нормально спать. Замкнутый круг, из которого как-то следует вырываться.

И мысли. Они и не мысли сейчас. Они обрывки... Рваные куски чего-то, что не поддается классификации. И это тогда, когда необходимо все обдумать. Надо перебороть себя. Надо силой воли притупить боль. Когда-то я хорошо владел методом саморегуляции. Мог по команде «ключ» [5] остановить кровотечение из раны. Но слишком давно не практиковался. Боюсь, сейчас не сумею...

Все сумею... Сумею притупить боль, сумею совсем прогнать ее... У меня сильная воля, и никто не сможет отнять ее.

Я расслабил тело и задышал глубже — и понял, что организм мой по-прежнему управляем. Я так старался, что не сразу почувствовал результат. Боль стала замирать. Хотя совсем не прошла. Но мысли уже не метались. Приступ подошел к концу.

Тогда я встал и принял душ. И сквозь шум водяных прохладных струй слышал, как в комнате звонил телефон. Но мокрым выходить в комнату не хотелось. Не то у меня состояние, чтобы спешить. И только завершив туалет и растеревшись жестким полотенцем так, что по всему телу забегала кровь, я включил автоответчик. Наконец-то...

— Ангел, как появишься, позвони мне...

Объявился Труповоз. Созрел, жадюга, до принятия решения. Каким оно будет, я знал заранее. И потому даже сейчас, даже в своем городе, буду предельно осторожным. Хотя вполне возможно, что это простая перестраховка. Труповоз, а вернее — его люди, наверняка начнут активно действовать только после выполнения мною «заказа».

Сейчас, получив информацию из Электростали от Пулатова, я могу мыслить уже более направленно. Если «ведут» меня, значит, мне следует Труповоза убирать. Михал Михалыч очень нежелательный свидетель. Он этого пока не знает. Лучше будет, если не узнает дольше.

Более того, я могу и ситуацию при удачном стечении обстоятельств обострить до предела. Труповоз, как обычно, выплатит мне только пятидесятипроцентный аванс. Остальные деньги он платить не пожелает. Не собирается он этого делать, в надежде что больше со мной не встретится. А я постараюсь заставить его заплатить все. И будем считать, что в достаточно крупную сумму, которую он обязуется мне выплатить, входят и деньги за обеспечение моей безопасности. Возможно, сюда же придется причислить и гонорар за жизнь самого отставного подполковника. Если он так настаивает... Ведь любая работа должна оплачиваться. А опасная для жизни исполнителя — по повышенной ставке.

Да, это нужно сделать. И одновременно побеспокоиться о другом. Я не знаю, где Захватов хранит свой экземпляр видеокассеты. А она мне очень нужна. Если с ним что-то случится, кассета может всплыть. Необходимо ее найти. Просто нельзя, чтобы кто-то другой увидел меня в ненужном для общества ракурсе.

Но теперь я могу не спешить. И даже получу удовольствие, потрепав Труповозу своим молчанием нервы. Пусть ждет моего звонка. Пусть до завтра дожидается. А мне еще предстоит его проверить. И я набрал номер Славы Трудогорова. Выложил свою просьбу:

— Вариант с проверкой «хвостов» отменяется. Я все уже сам выяснил. А на сегодняшний вечер мне сканер нужен. Завтра утром верну.

— Как скажешь... — Слава — человек без претензий, сговорчивый. — А то ребята уже готовы. Ждут команды. Сканер сейчас пришлю.

— Жду...

3

«По мнению обозревателей американских газет, самое великое открытие уходящего тысячелетия совершили американские ученые. Они сумели записать генетический код человека, — вещал диктор. — Таким образом, станет возможным изменение генной структуры

людей при лечении таких заболеваний, как рак или СПИД...»

Генерал Легкоступов смотрел телевизор. Как всегда, невозмутимо. И даже не обращал внимания на ерзанье по дивану большого крепкого зада майора Мороза. Очень громкое ерзанье — пружины в диване старые и скрипучие...

В программе «Время» показали президента США Клинтона. Обычное обращение к американскому народу с трибуны на крыльце Белого дома. Хорошо живет американский президент, если к народу традиционно с крыльца обращается. Раньше так же и цари на Руси поступали. Сейчас цари пошли не те — обмельчали, сейчас им видеокамеры в персональный рабочий кабинет ставят. Вещают оттуда... Тема выступления президента не совсем обычная. Но генерал и не вслушивается в слова автора полутораминутного сюжета. Он сам об этом знает гораздо больше. Он знает эту тему прекрасно.

5

«Ключ» — метод саморегуляции. В последние годы широко известен как метод саморегуляции Хасая Алиева, но в той или иной интерпретации использовался в лечебной психиатрии и при подготовке разведчиков и сотрудников спецслужб задолго до того, как был запатентован Х. Алиевым.

— Значит, америкашки решили все рассекретить! — досадливо ударил себя по колену майор Мороз.

— Они пока ничего и не сказали, — генерал спокоен и даже чуть презрителен. — А сообщение — только потому, что уже все в мире это знают. Из тех, кому положено знать. А к самим технологиям по-прежнему не подступиться. Но и это не самое главное. Всю шумиху американцы подняли для того, чтобы получить дополнительное финансирование. На самом деле их результат только-только перешагнул нулевую отметку. Они пока нашли полено. Чтобы сделать Буратино, нужен еще инструмент и папа Карло.

— Наши разработки?

— И наши тоже... Беда только в том, что полностью считывать код наши не умеют. Но расшифровывают отдельные участки. Сумели подобрать «ключ». А американцы не умеют расшифровывать — «ключ» не знают.

Генерал встал и прошел к окну. Занял любимую позу и долго смотрел на вечерний двор. Такое время ему нравилось больше дневного. В вечерней прохладе и думается легче.

— Ты, Дмитрий Федорович, завтра с самого утра в управление сходи. Мое появление будет заметно, а на тебя внимания не обратят. Проверь, что там за план оперативных мероприятий Югов разработает. Каким образом он соберется втереться объекту в доверие... Подкорректируй, потом мне доложишь.

— Есть, товарищ генерал...

— А пока завари чайку.

Мороз ушел на кухню, сообразив, что генерал не желает разговаривать на рабочие темы. А генерал в самом деле не хотел никого подпускать достаточно близко к своим мыслям. По сути дела, все сотрудники, работающие под его командой, занимались своим строго определенным участком. Лично им определенным. И он сам решал, кому и сколько следует знать. Лишнего не говорил. Легкоступов сам держал все нити операции в руках, отчитываясь только перед директором ФСБ, который план и утверждал. Другое дело, что многие методы, применяемые генералом, не мог бы одобрить и сам директор. По крайней мере, он не смог бы сказать, что дал свое «добро» на ту или иную акцию. Хотя после ее проведения может просто традиционно не все расслышать. Или задуматься и пропустить некоторые слова мимо ушей. Или понять правильно построенную фразу не так, как понял бы другой.

В начальный период операции отдел внутренних расследований дважды затребовал к себе документацию, касающуюся подготовительной стадии. Кто-то «капал» на не совсем корректные методы работы с Таманцем. Слава богу, пока не добрались до конечной цели — до привлечения в операцию Ангелова. Оба раза генерал предоставлял только те документы, которые считал возможным предоставить. Но не более.

Точно так же Геннадий Рудольфович не доверял своим сотрудникам. Даже майору Морозу, который заваривает сейчас на кухне чай. Майор только знает, что как-то их операция связана с работами по генетике и с попытками изменить генетическую карту человека. Но он не знает, что и эта тема — лишь составляющая большой и важной операции.

Глава V

1

К назначенному куратором часу я уже почти пришел в себя. Болезнь не то чтобы полностью отступила, но затаилась, спряталась в глубине организма, готовая через какое-то время снова прорваться наружу. Чтобы совсем сбросить расслабленность в своем теле и неприятную неуверенность, я уделил еще десять минут тренировочному мешку, опять представляя на его месте объемного Труповоза. Для выработки необходимой злости. Сам Труповоз еще дважды звонил мне, но я не брал трубку.

В двадцать два часа я поставил машину на стоянку. На ней добираться к месту randevu нельзя. Для негласных встреч и мероприятий она слишком заметна. Я специально покупал такую. Исходил при этом из парадоксальных соображений. Человек моей послеармейской профессии никогда не желает быть на виду у других. Он должен быть незаметен и привычен, как трава в газоне или как лужа на дороге. А я все делаю наоборот. Я даже по телевидению выступаю как консультант по военным действиям в «горячих точках». Кто может предположить, что специалист моего уровня настолько обнаглеет? Но в этом уровень специалиста и заключается. Так я извращенно маскируюсь. Кому-то это может показаться слишком замысловатым. Но действует безотказно.

От стоянки я поехал на троллейбусе. Как и рассчитывал, прибыл на место за полчаса. Тщательно смотрел, нет ли «хвостов». Таковых не оказалось. И потому ровно в двадцать два сорок пять я поднялся на крыльцо гостиницы. Фокус простой. Если куратор сказал строго — двадцать три часа, это значит, что встреча должна произойти на пятнадцать минут раньше.

В ресторане ночная жизнь только начинается. Два «быка»-вышибалы окинули меня взглядом, оценивая по внешнему виду финансовые возможности. Причем оба одновременно задержали

взгляд на левом плече. Проверяют. Если человек носит подмышечную кобуру, то плечо слегка стягивает, и при движении это заметно. Дураки. Я ношу кобуру, поясную. Причем даже стандартная кобура, которую в магазинах продают, сделана так, что подвесить ее можно и с внутренней стороны — под поясной ремень. И никаким взглядом не обнаружишь, если только я оружие показать не пожелаю. А это бывает в тех случаях, когда я работаю. То есть, достав пистолет, я уже стреляю.

Сразу за дверью в зал меня встретил пожилой официант и проводил к свободному столику, выполнив обычную работу мэтра. Мэтр же куда-то удалился. Но официанты всегда с удовольствием его заменяют, чтобы затащить клиентов к себе.

— Столик на двоих, — сказал я. — Ко мне товарищ подойдет.

Официант кивнул молча, с профессиональным лакейским достоинством, и отошел к столику соседнему, забрал оттуда меню, чтобы предложить мне выбор. Я сделал заказ и демонстративно обернулся на дверь — если кого-то ждешь, то надо ждать натурально. И в это время увидел через три стола от себя сегодняшних знакомых. Майор Угрюмов вовсе не выглядит угрюмым. Наоборот, он что-то рассказывает капитанам Югову и Стрекалову и сам хохочет громче других. Добродушный здоровенный мужик. В компании такой должен быть хорош. Югов улыбается скучно, словно ему к пельменям подали неразбавленную уксусную эссенцию. Должно быть, он не в настроении. А Стрекалов вообще сидит с каменным огрубевшим красным лицом. Есть такая категория людей, которые по мере выпивания все больше мрачнеют. Он, похоже, из них. К тому же у Стрекалова или не все в порядке с артериальным давлением, или он питает противоестественную страсть к аллергии — обычно люди так сильно не краснеют от выпитого, если пьют не в парном отделении бани.

Сволочи! Никуда от них не деться. Даже здесь достают. Опять по коже пробежал холодок.

Что произошло?

Подвело меня устройство, определяющее прослушивание телефона? При нынешнем развитии техники сегодня уже нельзя быть полностью уверенным в том, в чем был уверен вчера. Они прослушали разговор с куратором и приготовились для встречи с отставным капитаном спецназа ГРУ? Да, но по телефону не называлось место встречи. Тогда они должны знать самого куратора и его социальный статус. И пришли пораньше, чтобы встреча не выглядела случайной. С этой же целью слегка выпили, хотя, возможно, чуть-чуть перестарались. Особенно капитан Стрекалов. Это в профессионализме провал очевидный.

В то же время мне сложно допустить, что в ФСБ работают такие дураки. Мыслить здраво — на уровне определенных рефлексов, насколько я знаю, можно научить даже обезьяну. Они просто обязаны предположить, что меня так часто повторяющиеся встречи должны насторожить. Или они тоже действуют по моему излюбленному принципу — я не должен думать, что они дураки, и потому не могу предположить, что встреча организована. Принцип Геббельса — ложь должна быть чудовищна, чтобы в нее поверили. Наврешь немного, это посчитают враньем. Наврешь такого, чего не бывает, этому поверят. Это вариант, но при таком варианте именно эти фээсбэшники должны быть умнее нивелированного уровня своей среды.

Пока я размышлял таким образом, официант успел обслужить меня. На столе появились тарелки с чем-то, выглядящим аппетитно. Графинчик с коньяком сам просится в руки. Непонятно только, почему графинчик запотевший. Коньяк из холодильника пьют только негры в самых дремучих джунглях. И то лишь потому, что им никто не объяснил — коньяк вне холодильника не прокисает. Даже эскимосы слегка подогревают его.

— Ваш товарищ скоро подойдет? — спросил официант. Лицо его выражает деловую приветливость и предупредительность.

— Должен скоро.

— Я к тому спрашиваю, чтобы сразу что-то заказать. Может, вы сами сделаете...

— Нет. У моего товарища вкусы не поддаются классификации. Ему можно не угодить...

Но рюмки на столе уже две. Официант только-только закончил протирать вторую.

— Я так понимаю, что вторая рюмка для меня? — Из-за моей спины раздался слегка ехидный, но достаточно пьяный голос капитана Югова. Вообще то я, когда сам трезвый, пьяных не люблю, но стараюсь терпеть. Пока они не становятся слишком назойливыми.

Официант коротко глянул на него, потом уже внимательно на меня — не этого ли товарища я жду? Такая уж у него работа — клиентов ловить.

— Это не он...

Я с улыбкой развел руками и повернул голову к Югову.

— Увы, капитан. Я жду товарища. Позвонил и назначил мне встречу. Но пока можете занять его место. Только временно. Договоримся сразу — товарищ подойдет, вы возвращаетесь за свой столик. У нас конфиденциальный разговор. — И я посмотрел на часы, давая понять, что заждался товарища, которому появиться уже давно пора.

— Бога ради... — Югов обошел столик, сел и улыбнулся почти приветливо, хотя взгляд у него совсем не радостный. — Как только, так я сразу, и с большой готовностью...

Я налил рюмку себе и ему. Официант от стола не отошел, дожидаясь, не поступит ли от капитана заказа.

— Я за другим столиком сижу, — сказал ему Югов, желая избавиться от посторонних. — Сюда поболтать подсел...

Официант ушел, всем видом показывая недовольство. Известное дело, официантам платят с заказов.

— А мы, как истые русские офицеры, — Югов кивнул в сторону своего стола, — исключительно водочкой с пивом балуемся.

— Вы балуетесь — как советские офицеры, — поправил я с улыбкой. — Русские офицеры когда-то баловались "шампанским. Ну и коньяком тоже... Те еще русские офицеры, когда российская армия носила императорские регалии.

— Вы бы еще декабристов вспомнили...

Я протянул рюмку. Слабый звон чоканья заглушила музыка. Выпили. Югов сразу, как водку, я только пригубил. Демонстративно, чтобы показать аристократичность манер настоящих русских офицеров. Но капитан едва ли это понял.

— А почему же не вспомнить декабристов? Это один из самых славных периодов русской

истории. Тогда вкусы были те же самые...

— Но вы же не русский?

— По отцу. Но в Болгарии тоже делают коньяк. Конечно, не французский, как в Польше, но, независимо от названия, неплохой на вкус...

— А пиво не любите?

Мое лицо, по замыслу, изобразило отвращение.

— У меня от пива приступы головной боли. И вообще, это не напиток спецназа. Слишком сильное мочегонное средство. В какой-то момент подобная привязанность может помешать. Поэтому стараюсь не привыкать.

— Но вы ведь давно не служите? Вы же совсем мирный человек! Как пиво может помешать вам?

Здорово! Он поймал меня! Даже пьяный, он не такой дурак, каким показался при первой встрече. Надо быть осторожнее в выражениях, чтобы не влипнуть в чем-то более существенном.

— Привычки военного времени впитались в кровь слишком прочно. Я уже и мыслить иначе не умею. — Я мягко улыбнулся и проводил взглядом длинноногую стервозу, прошеествовавшую мимо.

— Это подружка одного из местных крутых парней, — предупредил меня Югов. — Мы его два месяца «вели», а подцепить не сумели.

— Чем этот парень занимается?

— Наркотой. Оптовик. Скупает большие партии и развешивает. У него целая сеть реализаторов работает по квартирам. Реализаторов брали — его никто не сдал.

— Подружка тоже имеет дурные привычки?

— Нет. Она пьет и пьяная скандалит.

— Вот такие мне и нравятся больше всего...

Это опять сказала моя привязанность к нестандартной маскировке. В самом деле, кто, занимаясь моим ремеслом, пожелает попадать в скандалы? Вывод — я не занимаюсь этим ремеслом. Соображай, капитан, независимо от выпитого. Иначе грош тебе цена как профи...

Хотя я, кажется, начал метать бисер перед свиньями. Капитан уже дошел до той кондиции, когда мои сложные методы ему абсолютно непонятны. И могут привести только к обратному эффекту.

Я опять посмотрел на часы, скорчил недовольную гримасу и неторопливо принялся за уничтожение съестного. Во-первых, потому, что почувствовал элементарный голод. Во-вторых, потому, что когда-то изучал психологию. И знаю, что любой человек, сидящий напротив жующего за тем же столом, будет испытывать дискомфорт. Даже пьяный должен понимать, что он мешает, и удалиться.

Югов понял. Но все же сделал слабую попытку продолжить знакомство:

— Может быть, пересядете за наш столик? Когда ваш товарищ появится, вернетесь...

— Я не официант, чтобы таскать туда-сюда тарелки, — ответил я почти грубо.

— Тогда мне остается пожелать вам приятного аппетита. И попрощаться.

Ему в самом деле ничего другого не оставалось. И я кивнул, потому что разговаривать с набитым ртом не люблю. Сам себя с трудом понимаю.

Еще рюмка коньяка. Без тоста и без чоканья. Маленькими глоточками, со смакованьем. Без ненужных разговоров. В гордом одиночестве. Так вкус напитка чувствуется лучше.

На часы я посмотрел еще трижды за непродолжительный период. Потом потанцевал с какой-то блондинкой, потом с ее подружкой брюнеткой. И постоянно ловил взгляды из-за столика, где сидели офицеры ФСБ. Потом две девицы уже сидели за моим столиком и хохотали так, что музыку было слышно плохо. А я рассказывал анекдоты.

Вскоре я попросил официанта рассчитать меня. Он кивнул и быстро принес счет. Я глянул в бумажку, сунул ее в карман и расплатился. Сдачу взять не забыл. Но на чай тоже дал. Чтобы не выглядеть перед девицами слишком жадным. Судя по тому, как они следили за этой процедурой, содержимое моих карманов интересовало и ту и другую.

Из ресторана мы вышли вместе. Подруги уверенно вели меня под руки, как на эшафот. Хотелось надеяться, что они хотя бы не «щипачки».

— Куда? — спросил я.

— У тебя хаты нет?

— Увы... Жена дома...

— Поехали ко мне, — предложила блондинка. — Правда, у меня только комната в коммуналке...

— А у меня сегодня мамаша дома. Скандалить будет... Пьяная...

У всех свои неудобства.

Я остановил такси. Дорога заняла десять минут. Девицы вышли, я остался в машине, якобы чтобы расплатиться с водителем, но захлопнул дверцу и скомандовал со смехом:

— Поехали...

Таксисты видели в своей жизни много странных ситуаций. И потому удивить их труднее, чем невозмутимую статую Будды. Этот тоже не удивился, только коротко глянул на меня со смешком. Подумалось тут же, что таксист — очень удобный вариант для связника. Надо будет этот вариант обдумать.

— Куда?

Я назвал свой адрес.

Он включил скорость и надавил на акселератор. Высадил меня на нужном перекрестке. Там под фонарем я прочитал оборотную сторону второго листка ресторанный счета. Куратор подал его вместе с первым — счетом настоящим. Не терпелось мне узнать, что за срочность возникла во встрече, — в данном случае, читая так открыто, я не пренебрег осторожностью. Вдруг меня ждет сообщение, что появляться дома мне нельзя? Такое тоже возможно. Значит, надо прочитать срочно. В первый же момент, когда я один остался. Тем более что со стороны любой при виде меня подумает, что человек рассматривает бумажку с адресом. Ничего странного.

Куратор открытым текстом, только кодируя отдельные выражения, сообщил, что персоной капитана-инвалида Ангелова сильно интересуется ФСБ. Причем занимается им не местная Контора, а головное управление. Из Москвы прибыли генерал-майор Легкоступов и майор Мороз. Специально по мою душу. Кроме того, куратор просил вспомнить, что может сильно занимать ФСБ в том периоде моей жизни, когда я лечился в госпитале после ранения в голову. Того ранения, которое и привело к инвалидности. От меня потребовали обо всех вынужденных и случайных контактах с ФСБ докладывать немедленно. И просили быть осторожным.

Я прочитал, скомкал бумажку и убрал в карман. Уничтожить ее следует незаметно — не посреди тротуара. А потом подумать, что доложить куратору. Да, с подобными докладами недолго и спиться. На встречу — если не хватает телефонного разговора и возникает какая-то надобность — я обычно прихожу к нему в ресторан. Этот куратор появился у нас около года назад. Прежнего повысили в звании и перевели для продолжения службы в столицу. Прежний был врачом-психотерапевтом. Подполковником медицинской службы. И мне, инвалиду, постоянно страдающему от приступов головной боли, встречаться с ним было весьма удобно. С другими психотерапевтами, даже для лечения, скажем, от алкоголизма, я встречаться не имею права. Более того, мне запрещено даже стоять на учете в гражданской поликлинике. Моя медицинская карта хранится в реабилитационном центре ГРУ, расквартированном в нашей области под видом военного санатория. Возникает надобность во встрече, я звоню. На следующий день врач появляется.

Из всех медиков, с кем я имею право контактировать, можно назвать только врачей «Скорой помощи» и стоматологов. Но первые — только в случае, близком к смерти, а вторые — только в случае острой зубной боли. Плановое лечение проводить можно исключительно у специалистов реабилитационного центра.

Со стоматологами такая сложность возникла тогда, когда в печати появились сообщения о создании на Западе приборов прослушивания, устанавливаемых в зубы вместо пломб. Если появилось на Западе, быстро внедрится у нас. Кроме того, в последнее время стало модным проводить лечение зубов под общим наркозом или под гипнозом. Этр вообще для меня не подходит. Нарушается принцип подконтрольности сознания. А мое чистое сознание родная служба оберегает тщательно.

Неудобства с медицинским обслуживанием я переживаю молча — предпочитаю вообще не обращаться к врачам. Даже когда два года назад сломал руку — сам себе лубок наложил и ходил неделю с повязкой. Ничего, срослось. Но и без курьезов дело не обходилось. Три года назад завел я себе подружку — врача-кардиолога. Хорошая была женщина. Сердечная. Некоторое время мы встречались по ночам, не горя желанием перебраться один к другому на постоянное местожительство. Откуда стало известно о нашей связи — не знаю. Но меня довольно впечатляюще «проработали» после этого. Так «проработали», что я вынужден был чуть не демонстративно в спешном порядке искать себе подружку новую.

Продолжая разыгрывать человека, ищущего какой-то дом — это на случай слежки, я через

проходные дворы вышел к дому своему. Первое, что сделал, это сжег записку и смыл пепел в унитазае.

2

После сообщения куратора настроение мое, естественно, не улучшилось. Нехорошее сообщение. Значит, «ведут» не Труповоза, а ко мне прицепились. И не кто-нибудь из уголовных или полууголовных авторитетов, на которых Югов, как я предположил, работает. С этими я быстро бы разобрался. И Труповоз обеспечил бы им место в кладбищенском «общежитии». А ко мне клешни протянула сама пресловутая Контора, симпатии к которой у меня нет причин испытывать. Военная разведка всегда имела натянутые отношения с КГБ — ФСК — ФСБ и старалась не допускать ее в свою святая святых — тайные действия. Инерция мышления с тех пор у меня, как у сотрудника разведки, изменилась мало. Но не в этом главное. Неприятно мне находиться под контролем именно в такой ответственный момент. Когда и с Труповозом отношения придется, возможно, на самом лезвии выяснять, и «заказ» предстоит выполнить серьезный. Но от контроля уходить я умею. И постараюсь это продемонстрировать.

Но не сразу. Сначала необходимо провести анализ.

Что значит положение подконтрольного микроба в фээсбэшном микроскопе лично для меня? И как ситуация может повлиять на мои планы?

Начнем по порядку.

Первое — лечение. Мое лечение после ранения и лечение Виталия Пулатова. Его тоже «ведут» и тоже интересуются лечением. И мной интересуются. Значит, это звенья одной цепи. И все дело в чем-то, с этим лечением связанном. Только вот в чем? Этого я навскидку определить не могу. Требуются дополнительные данные. Поэтому пока голову ломать не стоит. Подойдет время, все выплывет само.

Второе — Труповоз... Ему про ребят из ФСБ знать вовсе не обязательно. Иначе он начнет замечать следы. И моментально пошлет на меня «охотников». Это не так страшно, но тоже неприятно. Я случайностей не люблю, а они — пардон! — случаются. Хорошо, что я не сообщил раньше времени про «жучки» в своей квартире. Но если ФСБ проконтролировала наши с Труповозом отношения и при этом наверняка знает грязную репутацию моего работодателя, то его могут и должны взять под контроль. В офисе установят «жучок», и после этого можно строевым шагом в колонну по одному отправляться в СИЗО. Это мне, скажу откровенно, не нравится.

Вывод какой? Надо проверить офис Труповоза. Негласно. И его следует спасти, не ожидая ответной благодарности, и себя не подставить. Очень уж не хочется его спасать, но придется проводить мероприятие в целях сохранения собственной драгоценной и любимой шкуры. Это же, впрочем, я собирался сделать и раньше — надо еще видеокассету поискать. Потому и попросил Славу Трудогорова прислать мне сканер. Сканер привезли еще днем.

Значит, мне следует действовать так, как я и планировал до сообщения куратора. И потому я достал сканер и инструменты, которые приготовил заранее. Подумал и прицепил за пояс на спине кобуру пистолета. Привычка ходить на операцию вооруженным — никуда от этого не денешься.

И отправился в бюро ритуальных услуг. Пришлось долго ждать на остановке один из последних трамваев. Время позднее. Но мне подходит даже тот, который отправляется в депо. Расписание я примерно знаю и потому не стал беспокоиться. Так и произошло — сел в предпоследний.

Вышел на одну остановку раньше. На нужной мне находится мини-рынок, где постоянно дежурят менты. При моей чернявой внешности они вполне могут принять меня за чечена, дагестанца или еще какого-то кавказца и проверить документы. Документы у меня в порядке и даже разрешение на ношение оружия имеется, как у всякого лицензированного телохранителя. Более того, на пистолете есть дарственная надпись: «Капитану Ангелову от лица службы». И выгравирован номер приказа МО. Но вовсе ни к чему, чтобы менты могли вспомнить, что видели меня в этом районе именно в это время. Кто знает, как завтра поведет себя Труповоз?

Пешком я прошел через дворы. Не торопился, присматривался. Обошел стороной компанию подвыпившей веселой молодежи. Им тоже вовсе ни к чему меня встретить и узнать потом, если что-то произойдет не так, как я рассчитал. И поскольку план был продуман заранее, я подошел к нужному дому с другого торца. Там, насколько я помню, есть дверь в царство слесарей и бомжей — в подвал. Куда я и проник, без труда открыв отмычкой простейший замок. Дверь изнутри заложил обрезком трубы, подвернувшемся кстати. Чтобы никто не зашел ко мне со спины и не полюбопытствовал родом моей деятельности. Подвалы в подобных домах стандартные. Я изучал такие специально, когда выполнял один из «заказов». И потому добрался до бойлерной без проблем и блужданий по лабиринту. В бойлерной даже летом жарко. Горячая вода, как ни странно, в этом доме не отключена.

Теперь задача встала более сложная. Я знаю, что в бюро по ночам дежурит охранник. Но он сидит рядом с входной дверью. Там у него диван и телевизор. Телевизор из-за позднего времени уже может быть выключен. Поэтому охранник, если не спит, то вслушивается в тишину. А мне следует простучать стену, чтобы найти ту самую нишу, в которую Труповоз прячет холодильник. Там стена выложена, как мне показалось, в полкирпича. Проломить ее можно только в этом месте.

Я достал фонарик и осмотрел стену. Более свежая кладка заметна. Не совсем свежая, но отличная по цвету раствора. Закладывали некогда существующую дверь. Но на всякий случай, чтобы лишнюю работу не выполнять, я дважды стукнул в кладку, потом дважды на два метра левее. Примерно против того места, где сидит сам Труповоз. Разница в звуке подтвердила мою правоту. Я снял пиджак, чтобы слишком не потеть и не пачкать его — предстоит ведь еще возвращаться через весь город, и стал ножом проковыривать отверстие под кирпичом. На один кирпич у меня ушло два часа. Но зато, вытащив его, я увидел, что цель близка. Теперь осталась несложная работа. Захватил второй кирпич, дернул раз, дернул два, после третьего рывка он вывалился вместе с тремя соседними. Еще десять минут, и готов лаз, в который легко можно пробраться.

Жарко и грязно. Пришлось брюки тоже снять и повесить на вентиль какого-то агрегата. Сначала я просунул в отверстие сканер, нож, отмычки, миниатюрный, как авторучка, фонарик и пистолет, поло-Жил их на крышку холодильника. И только потом пролез сам. Крышка холодильника небольшая, но поместиться там, согнувшись, оказалось возможным, что я и сделал, открывая ножом дверную защелку. Сам утром снаружи закрывал ее. Может, после меня и Труповоз в холодильник лазил. Этот — аккуратный. Любит, чтобы все защелки и замки были закрытыми. Канцелярская привычка старого фээсбэшника.

Нож свое дело сделал в три минуты. Я открыл дверцу на пару сантиметров. В кабинете нет света. Чего я и ждал. И только после предварительного осмотра места предстоящей работы

смело прыгнул на пол.

Осмотрелся еще раз — и за дело. Сканер фонит, когда находится от искомого прибора на расстоянии в двадцать сантиметров. Поэтому следует осмотреть весь кабинет предельно тщательно. Начал я, естественно, со стола, за которым Труповоз прячет, как клад, свой объемный живот. Меньше чем через минуту появился фон. Пара движений руки указали направление поиска. Телефонный аппарат. «Жучок» умело приклеили скотчем почти вплотную к мембране микрофона. У мембраны телефона прибора не оказалось. Значит, одностороннее прослушивание разговора. Недоработка. Или ограниченные возможности для установки. Если за дело взялись спецы из ФСБ, то я предположил бы второй вариант. Не сами ставили. «Уговорили» или «купили» кого-то из сотрудников. В этом случае выбор падает или на секретаршу, или на уборщицу — как правило, с них и начинают, когда ищут подступы к объекту. Но у меня в квартире устанавливали кучу «жучков». Здесь тоже должны быть другие. И я дважды обследовал весь кабинет. Бесполезно. Сканер упорно молчал.

На улице уже начало светать, подсказали зарешеченные окна. Времени у меня осталось не так и много. А предстоит выполнить еще одну задачу — заставить Труповоза заплатить мне всю сумму целиком.

Обычно мы работаем на условиях доверия. Пятьдесят процентов я беру авансом на текущие расходы, пятьдесят он выплачивает по завершении дела. Но в данном случае Труповоз, как мне кажется, не собирается расплачиваться со мной. Думает выплатить аванс, чтобы не вызвать подозрений, и все...

Я же предпочитаю честную сделку. Вот потому и подступил вплотную к сейфу. Сигнализацией хранилище погребальных тайн не оборудовано. Сейф самый примитивный. Замок еще примитивнее. Я справился с ним за десять минут. И нашел на верхней полке то, что и ожидал найти, — свои пятнадцать тысяч баксов. Но расписку решил не оставлять, поскольку привык в бюро не расписываться. Мы же с Труповозом доверяем друг другу...

Внутри сейфа еще одно отделение. Обычно в маленькое и кладут деньги. В этот раз деньги лежали в большом. Что же в маленьком он хранит? С надеждой я приступил к «беседе» со вторым замком. Он оказался слегка посложнее. Пятнадцать минут у меня ушло на работу. Открыл и сразу почувствовал удовлетворение. Целых две видеокассеты. Одна из них точно должна быть моей. Вторая, возможно, компромат еще на кого-то. Я забрал обе, решив чужую после просмотра уничтожить, потому что не занимаюсь шантажом. И здесь же еще десять тысяч баксов. Я не вор — пришел только за своими законными баксами, но пришлось и лишнее забрать, чтобы хозяин не подумал сразу на меня. Кто еще может прийти за кассетой, забрать пятнадцать тысяч, которые предстоит мне выплатить, и оставить десять штук?

Пришлось еще пятнадцать минут потерять на то, чтобы сейф закрыть. Это оказалось сложнее, чем первоначальная операция. Но сам процесс мне понравился, и потому я завершил его.

Итак, дело сделано.

Я выбрался в подвал, не забыв прикрыть дверцу ниши как можно плотнее, чтобы сразу не бросилось в глаза мое проникновение. В подвале переоделся, привел себя в божеский вид, пожалев при этом, что не имею привычки носить с собой карманное зеркальце. Но одежду и щетку положить в инструменты я не забыл. Сейчас она очень сгодилась.

— Пока! — сказал я кабинету Труповоза. — Я вернусь через несколько часов. Только с другой стороны. Ты меня не выдавай...

Телефонный звонок разбудил майора Мороза в начале седьмого. После предыдущей бессонной ночи, проведенной в неудобном кресле самолета, они с генералом рано легли спать. И потому Мороз успел основательно отдохнуть и трубку схватил быстро.

— Алло! — гаркнул бодро, но тут же понизил голос, боясь разбудить генерала. — Слушаю вас.

— Это Югов. Не разбудил?

— Разбудил. Но это не страшно. Какие новости?

— Не слишком приятные. Ночью кто-то снял или дезактивизировал «жучок» в кабинете Захватава. Теперь мы и этот канал информации потеряли.

— Опять? Сам Захватов не мог? Он же опытный оперативник...

— Нет. Он даже не подозревает. Мы от него на дистанции держались. К тому же он не тот человек, который будет ночь в офисе проводить. У него жена суровая и мужа блюдет.

— Может, первый объект? Больше никому...

— Первый объект отпадает. Он был занят совсем не тем. Мне следовало с этого доклад начать, но самому только что позвонили насчет «жучка», потому я сразу и сообщил.

— Приезжай. Доложишь лично.

— Здесь ничего серьезного. Можно и по телефону. Я сейчас хочу одно дело организовать, потому боюсь время потерять.

— Ладно. Докладывай.

— Ангел вчера вечером отправился в ресторан. Занял отдельный столик. Нам пришлось последовать за ним и, чтобы это выглядело естественно, прилично выпить... — Капитан говорил так громко, что Мороз догадался — он объясняет ситуацию не столько собеседнику на другом конце провода, сколько собственной жене. — Я даже подсел к нему за столик на правах знакомого. Чуть-чуть поговорили. Объект сказал, что товарищ назначил ему там встречу. Постоянно всем видом показывал, что товарищ опаздывает. Так и не дождался его.

— С кем-то там контактировал?

— Сначала только со мной. Потом «снял» сразу двух девиц легкого поведения...

— Может, с ними встречался? Капитан хмыкнул с пониманием дела.

— Это местные профессиональные шлюхи. Он уехал вместе с ними.

— Сразу с двумя?

— Сразу с двумя.

— Вот молодец! — искренне восхитился майор Мороз. — Даже завидно...

Капитан Югов его восторг разделять не стал. В трубке слышалось завистливое сопение. Очевидно, жена капитана стала подслушивать разговор. Ее, наверное, сильно интересовало — откуда муж знает в лицо профессиональных шлюх из ресторана?

— Домой объект не вернулся. Я лично проверял. Решил разыграть из себя совершенно пьяного и завалился к нему. Света в окнах не было, на звонок никто не открыл. За дверью была тишина. Значит, он поехал к какой-то из этих девиц.

— Постарайся это выяснить.

— Проститутки у нас на учете не стоят. Действовать придется через милицию.

— Отставить. Этого делать нельзя. Ментов к объекту близко не подпускай. Спугнут и все испортят. Их интересы вообще старайся не учитывать.

— Есть. Понял.

— Но кто же мог снять «прослушку» со второго объекта? Кто был в помещении?

— Только дежурный охранник.

— Проверьте его. Что за человек...

— Проверим, — и капитан вздохнул еще раз. Даже слегка демонстративно.

— Тяжело после вечерней работы? — усмехнулся майор, зачем-то оглянувшись на дверь в комнату, где спал генерал.

Капитан Югов в ответ честно застонал вместо очередного вздоха. Очень красноречиво это у него получилось. Майор вроде бы даже слегка опухшую физиономию Югова перед собой увидел.

— Больше сообщений нет?

— Что будет, я позвоню. А сейчас мне надо найти одного человека. Пошлю его сразу к открытию в бюро ритуальных услуг. У него теща умерла. Свидетельство о смерти на руках. Никаких подозрений быть не может. И он лично Захватава знает. Придет как к старому товарищу. Пусть проведет разведку.

— Добро, — согласился майор и оглянулся на скрип двери.

Генерал вышел одетый. Похоже, он уже встал и умылся, когда майор продолжал сладко посапывать во сне.

Глава VI

1

Труповоз позвонил ровно в семь. Мне бы поспать в это время после приступа да после ночных хлопот, но делами тоже иногда следует заниматься. Приходится себя пересиливать. Я как раз закончил просматривать кассеты из сейфа Труповоза. Свою я сразу уничтожил. Хочется

надеяться, что похоронный директор не провел массовое тиражирование такого видеодокумента. А вторую уничтожить не поспешил. Перемотал для повторного просмотра. Интересный материал. Разговор большого ментовского чиновника с группой откровенных крутых уголовников. Разговор за общим столом. Под выпивку с хорошей закуской. Похоже, в отдельном кабинете какого-то заведения. Несколько раз заходит официантка с подносом. Стол сервирован по всем правилам этикета. Братва так себя обслуживать не умеет. Это — класс заведения. Мент обещает им закрыть кое на что глаза в ответ на их услугу. Эта кассета, очевидно, берегла от ментов Труповоза. Кто знает, может, и меня она когда-то сбережет. Ее следует спрятать в надежное место.

Остановив видеомэгнитофон, я снял трубку.

— Привет, Ангел.

— И тебе нечто похожее...

— Вчера тебя весь вечер разыскивал. Куда ты потерялся?

— Сначала в тире твоим бывшим коллегам показывал, как надо стрелять...

— Кому?

— Фээсбэшникам. Такой класс выдал! У них глаза на лоб полезли...

— Ты доиграешься... — сказал Труповоз осуждающе. Он никогда не понимал, насколько приятным бывает подергать за усы тигра. А кто не испытал такого, не постигнет великого и прекрасного чувства наслаждения боем. Страшно потом в бою такому человеку будет.

— Я просто показал разницу в обучении в вашей школе и в нашей. Могу и тебе как-нибудь продемонстрировать.

— Мне не до игрушек. Балуйся с другими. Но я и вечером тебе звонил.

— А вечер я провел в ресторане за соседним столиком с теми же офицерами ФСБ. И даже увел у них из-под носа двух шлюшек, к которым и отправился продолжать ночь. Только что вернулся.

— Что — сразу с двумя?

— Ага!

— Молодец. Уважаю твои таланты. Так ты пьян?

— Я не бываю пьян после душа, — я категоричен, словно в самом деле пьян.

— Прекрасно. Короче, я твои запросы согласовал. Приезжай к половине девятого. До планерки мы с тобой все обсудим и решим.

— Буду.

Я положил трубку и усмехнулся. Очень мило будет посмотреть на решение предполагаемой проблемы. Главное, не дать уговорить себя. Остаточные пятнадцать тысяч баксов Труповоз обязан найти. Деньги у него есть где взять. Другое дело, что он слишком неохотно с ними расстается.

С этими мыслями я сел на велотренажер и стал изгонять из организма вместе с потом остатки вчерашнего коньяка. Куратор постарался — коньяк был хорош и основательно впитался в кровь. Ни о какой похмельной головной боли и речи не было. Но Труповозу мне следует показать, что я слегка перестарался в прошедшую ночь. Впрочем, здесь и изображать ничего не нужно. Я в самом деле на славу потрудились. Бессонницей я не страдаю — такой организм, и если не выплусь основательно, то днем глаза слегка краснеют, как после продолжительного запоя. И мешки под ними появляются. Есть и еще испытанное средство. Я не любитель грима, но быстротечный курс обучения тоже когда-то проходил. Более подробный курс — это удел агентов-нелегалов. Спецназу же гримерное мастерство преподавали наспех, да и то лишь тем, кому это могло пригодиться во время конкретной операции. Что-то я из тех уроков помню и до сих пор. И два мазка кисточкой с лаком — чуть ниже уголков глаз — добавляют к внешнему облику лапки морщин. Характерный признак усталости.

Все это я обдумал, монотонно крутя педали тренажера. Последующее традиционное десятиминутное общение с тренировочным мешком с мыслительным процессом трудно совместить. Здесь работает воображение, подсказывающее нестандартные ситуации. На одних и тех же ситуациях я принципиально стараюсь не заикливаться, хотя тоже имею излюбленные каскады ударов.

А ровно в половине девятого я остановился напротив прикрытого шиферной крышей спуска в подвал — обиталища Труповоза и его труподельной фирмы. В прямом и переносном значении — труподельной.

Сам директор стоял на лестнице и размахивал руками перед носом своих парней — специалистов по трупodelанию. Живот Михал Михалыча при этом колыхался то в одну, то в другую сторону, словно он им дирижировал — любопытное, надо заметить, зрелище.

Я длинно просигналил, чтобы обратить на себя внимание. Вышел, включил противоугонную сигнализацию и демонстративно вытер платком пот со лба. Не одному Труповозу разрешается потеть. Если у меня есть к тому основания, я потею с удовольствием не только в бане или на тренировке. А сейчас у меня основания веские. Жара наступила с утра, обещая сумасшедший день. С похмелья и после бессонной ночи в такой день никто не может чувствовать себя прекрасно.

Труповоз глянул коротко, заметил меня и, хочется надеяться, оценил состояние. Но от вдохновенной ругани не отвлекся.

— А на какой хрен они вообще тогда здесь сидят?.. — кричал он, слегка срывая свой высокий голос на сип. — Если он один всю сумму не осилит, бригадой собирайте. Чтoб к вечеру деньги были...

«Вот так-так... — подумал я. — Ведь не хотел кому-то доставлять неприятности. Я удовлетворил собственные нужды, а отвечать за это придется людям посторонним, с которых рэкетеры Труповоза будут деньги стрясать. Не хотел... Честное слово, не хотел... Не думал, что дело так повернется...»

— Сделаем, шеф, — скромно, но уверенно кивнул небольшого роста круглолицый крепыш. — Я на себя беру. Обещаю!

Я видел его несколько раз. Он у них за бригадира. Маленькие хитрые глазки блестят, как маслины. И таким добреньким кажется, что подланы от него почти не ждешь. За хитрость Труповоз его и держит. И еще за артистические способности. Кого угодно разыграть может.

Так, что люди верят — и попадают. Из таких парней кидалы [6] хорошие получаются. Но он в рэкетеры подался. Мельчает народ. Впрочем, для кидалы он порой излишне суетлив. Солидности нет. И иногда лишку бухает. Но и кидалы разными бывают.

6

Кидала — мошенник, аферист.

Другие парни, стоящие тут же, слушали молча.

Труповоз протянул мне руку.

— Заходи, — бросил почти зло. — Полюбуйся, что там... Я сейчас подойду...

Не спрашивая объяснений — какие объяснения можно воспринять с похмелья! — я протиснулся сквозь небольшую толпу трупodelателей и двинулся по коридору в самый конец, к кабинету, который посещал ночью. В приемной никого не оказалось. Вампироподобная секретарша и еще несколько человек стоят, разинув рты, как двери кабинета. Дверца сейфа распахнута. А я ведь столько времени потратил на то, чтобы закрыть ее! Распахнута и дверца стенного шкафа. Холодильник выдвинут в комнату.

— Ментов, Наталья Викторовна, уже вызвали? — спросил я, изображая такое траурное участие, будто из сейфа похитили важного покойника.

— Михал Михалыч не велел, — испуганно, абсолютно севшим голосом, словно только что ведро мороженого заглотила, ответила секретарша.

— Много украли?

Она только нервно передернула плечами. Не пожала, показывая, что не знает, а просто передернула, будто сказала — не доставай...

Я молча подошел к нише, потрогал руками дверцу, рассматривая плоды своего ночного труда. Выглянул в пролом стены. С той стороны проводили осмотр двое парней. Пусть смотрят, сыщики... Я старался не оставить следов. И надеюсь, что не оставил. Хотя опыт вора у меня и небогатый.

Завершив осмотр, я сел в кресло, забросив ногу на ногу. Вздыхнул, изображая многовековую усталость. Это далось с трудом. Мое состояние было чем-то сродни состоянию художника, представившего свою картину — плод кропотливого труда — на отчетной престижной выставке. Люди смотрят на нее, испытывают чувства, но не знают, что ты автор. А автор пылает гордостью, однако скромность заставляет его молчать.

Вошел Захватов.

— Освободите кабинет, — рявкнул. Приказания такого рода здесь выполняются быстро. Труповоза сотрудники боятся.

Я так понял, что приказание меня не касается, несмотря на нашу разницу в воинских званиях. Что-то, впрочем, не так понял и еще один человек. Потоптался, смешно перебирая

стоптанными башмаками.

— Михалыч... — позвал от двери.

— А... Здравствуй, Петрович... Ты ко мне по делу?

— Теща вот у меня скопытилась...

— Поздравляю. Только извини, сам понимаешь, форс-мажорные обстоятельства. Подожди пять минут. Я сейчас с человеком поговорю...

Петрович вышел, плотно закрыв за собой дверь. По форменным брюкам я определил военного. По обращению с Труповозом — сотрудника ФСБ. Так сколько же их вокруг меня вертится? Но хочется надеяться, что долго я их дожидаться не буду. Сегодня или завтра постараюсь отбыть на тысячу километров западнее. Если Труповоз не пожадничает и заплатит мне аванс.

— Видишь? — спросил он, показывая на сейф.

— Вижу. Много там было?

— Шестьдесят тысяч баксов. Из них пятнадцать твои — аванс. Что думаешь?

Брешет, как сверхзвуковой самолет! Тебе кажется, он в небе над тобой, голову невольно задираешь, чтобы посмотреть, а на самом деле он уже за горизонтом крылышками сверкает. Аж завидно...

— Что я могу подумать? Я же не сыскарь. Я по своей квалификации больше на роль грабителя подойду. Тебе думать сейчас сподручнее. Ты же юрист по образованию. И практика есть.

Интересно, решится он сообщить мне про видеокассету? С одной стороны, это ниточка, на которой он меня держит. А с другой стороны, вариант включить меня в активный поиск вора. А про кассету можно сказать, что украли предпоследнюю копию.

— Но какие-то мысли и у тебя могут быть.

— Могут. Даже более того тебе скажу — есть. И весьма конкретные. Кто заказчик?

— При чем здесь заказчик?

— Он знал о деньгах. И мог предположить, что ты не положишь их в карман. Кстати, сейф в бухгалтерии тоже вскрыли?

— Нет. Дверь в бухгалтерию видно охраннику.

— Какой это охранник... Деревенский сторож в треухе, в валенках и с берданкой на этом месте был бы больше кстати. Ладно хоть, самого не кастрировали... Так кто все-таки заказчик? — Я уперся, словно ничего не подозреваю.

— Заказчик ни при чем. В этом я уверен. Своей уверенностью Труповоз и меня заражает.

Теперь и я полностью уверен — кто заказчик...

— Он мог кому-то сказать. Или еще кто-то знал. В конце концов, кто-то подслушал твои разговоры...

Как некстати я снял «жучок». Запросто можно было бы ограбление на ФСБ свалить. Вот только плохо, что тогда они слышали бы и наш разговор. Хотя я вполне допускаю, что они слышали предыдущую беседу. И сделали выводы. Но имя Таманца им ничего не говорит. Таманец живет за тысячу километров от нас. Так далеко слух о нем не доходит — не дорос.

Я встал и подошел к нише. Заглянул Пара доморощенных сыскарей продолжала обшаривать бойлерную. И, естественно, они наш разговор слышать вполне могли, хотя и говорили мы вполголоса. Но я таких нечаянных свидетелей не люблю.

— Вот тебе пример... — показал я. — Что мне теперь с этими парнями прикажешь сделать?

Труповоз, океанской волной всколыхнув пузо, метнулся к отверстию. Заглянул.

— Что там ищете?

— Вы же сами велели...

— Идите отсюда. Бесполезно после драки...

Я подошел к сейфу, стал осматривать замок. Боковым зрением наблюдал, как Труповоз открыл холодильник и достал оттуда бутылку коньяка.

— Будешь?

— Только минералку.

Скажет или не скажет про кассеты?

Он достал бутылку минералки, протянул мне, а сам сделал из коньячной бутылки большой глоток. И сел в кресло, где раньше сидел я.

— Почему сигнализацией брезгуешь? Он пожал плечами.

— Кто ж подумать мог...

Да, он не мог предположить, что найдется вор, готовый обчистить сейф у бандитов и убийц. Но и такой нашелся.

— Ключ от сейфа у кого есть?

— Только у меня.

— Да он и не нужен. Такой замок ребенок отмычкой откроет. Раньше надо было думать...

Я сел в его вертящееся кресло. Хорошее кресло. Но в таком телевизор смотреть неудобно. Только для работы за столом и годится. Посмотрел на Труповоза измученным взглядом страдающего человека и налил себе стакан минералки. Выпил с наслаждением и еще налил. Снова на него посмотрел. Получилось, что мы местами поменялись. И очень захотелось Труповозом покомандовать. Должно быть, командирское место таким образом действует на подсознание.

— Ладно. Ты заплатить мне, как я понимаю, не готов?

— Видишь же... Давай уж сразу после выполнения. Полностью...

Да как же его, такого хитрого, умудрились из ФСБ выгнать? Неужели там еще более хитрые работают? И смогли такого толстого перехитрить?

— Нет. Ты же знаешь, что аванс мне обеспечивает накладные расходы. Оружие и все остальное. К тому же это вопрос принципиальный. И...

— Один-то раз мог бы от принципа и отказаться. Войти в положение старого товарища. Не впервой с тобой работаем. Можешь и довериться...

Он сказал это с таким откровенным упреком, что, не зная я Труповоза достаточно, мне стало бы стыдно. Браво, старина! Я готов мысленно поаплодировать твоему актерскому мастерству. Но этим меня не прошибешь. Мы не пили с тобой гнилую воду из одной лужи, и потому я не тороплюсь записывать тебя в друзья. Извини...

Признаться, в какой-то момент меня вдруг стало подмывать желание сохранить справедливость и потребовать хотя бы пять тысяч. Тогда сумма была бы выплачена полностью. Но я побоялся, что он тоже умеет считать и может догадаться. Рискованно подставлять себя в разговоре с таким человеком. Можно из этого подвала и не выйти. А если и выйти, то только по трупам.

Потому я продолжил настаивать:

— ...И примета нехорошая. В приметы я верю особо. Без этого человеку, играющему в чет-нечет со смертью, нельзя. Я знаю, что каждый принятый мной «заказ» может оказаться последним. Потому говорю категорично — как только будешь готов, звони. У меня на бензин еще мелочь осталась. Подъеду.

Я встал.

— Подожди...

Он тоже встал и, хмурый, вышел из кабинета. Я успел допить остатки минералки и достать из холодильника вторую бутылку, когда Труповоз вернулся.

— Пришлось из кассы брать... — протянул мне недовольно пачку баксов.

— У тебя по бухгалтерии проходят валютные расчеты? — притворно удивился я. — Покойников на экспорт гонишь? И как, выгодно?

Он не ответил.

Деньги любят счет. Особенно если получаешь их из рук такого человека, как Труповоз. Я принялся считать, все еще надеясь, что он сообщит мне про видеокассету. Хотя бы заботясь о моей безопасности. Чтобы не имели посторонние на меня такой материал.

— Все правильно, — я спрятал деньги в карман. — Теперь обеспечение...

— Я дам тебе пару человек.

— Транспорт?

— Обязательно. Они отсюда поедут на машине.

— Хорошо. Пусть возьмут с собой новый сотовик с роумингом [7] . Обязательно новый. Чтобы никаких следов за ним не тянулось. Номер сообщи мне на мой сотовик. Завтра около шести вечера пусть будут на месте, ближе к центру города. Я позвоню им и назначу встречу. Парни надежные?

Он раздраженно шевельнул животом.

— Я в них не сомневаюсь, но тебя знаю. Ты же проверить захочешь. Водилу зовут Сергеем. Не сильно крут, ленивый, смешливый, порой подгонять надо, но хорошо стреляет. Охотник. Даже на промысел когда-то ходил. Второй — Веня. В десантуре служил. Парень тренированный. Этот — лучший, что у меня есть. Он тебе должен понравиться. Но с гонором парень. Себя очень уважает. Поставь его сразу на место, и он будет твой.

— Сейчас я отсыпаться поеду. К шестнадцатичасам жду их у себя. Оружие в дорогу пусть не берут. По пути слишком много постов. Там найдем. И вообще мне ситуация не нравится. Ситуация вокруг тебя. Ощущение такое, что тебя пасут...

— Что? — переспросил Труповоз.

— Пасут тебя. Так мне кажется...

— Кто?

— Не знаю. Может, бывшие твои сослуживцы. Может, еще кто-то. Присмотрись к секретарше и уборщице.

— Ты что-то знаешь?

Я посмотрел на потолок. Словно там нечто читаю.

— Чаще я сначала чувствую, потом начинаю понимать.

Люблю, признаюсь, выглядеть загадочным. Но Труповоз тоже знает меня достаточно хорошо. И верит мне и моим ощущениям, как собственным.

— Нет, — он покачал головой в раздумье. — Это скорее Таманец ребят прислал...

Он проговорился.

— Сколько ты ему должен?

Труповоз сразу понял свою ошибку. При всей внешней противности образа в уме ему отказать трудно. И понял, что закипать уже бесполезно.

— Триста пятьдесят тысяч.

— В баксах?

— Да.

— Солидная сумма. Игра стоит свеч.

— Вот и договорились. Ты уж не подведи. Одного только не пойму... Объясни, если не трудно, старому дураку... Что не сейчас ты сообразил — это я заметил. Но — где я прокололся? Когда

ты узнал?

— Я ждал этого «заказа» после приезда Таманца сюда.

Труповоз задумчиво поджал губы и закивал:

— Понял...

— До моего возвращения не увидимся, — сказал я и посмотрел ему прямо в глаза. С доброй улыбкой посмотрел. Он взгляд отвел. Хотя тоже улыбнулся. Постарался изобразить смущение хорошего малого. Кажется, у него на душе от моего взгляда полегчало.

Дурак!

Он не знает, что, выполняя «заказ», я перед выстрелом тоже всегда смотрю клиенту в глаза с такой же доброй улыбкой...

2

Первое, что я сделал, покинув ограбленный неизвестными злоумышленниками офис Труповоза — поменял часть долларов на рубли. При всей моей воспитанной за годы службы нелюбви ко всему американскому наличные деньги я предпочитаю держать в валюте, хотя, как истый патриот, жду, когда, наконец, рубль начнет обретать почву под ногами. Потом я заехал в магазин, а оттуда отправился в железнодорожные кассы, где навестил знакомую. Большую, кстати, любительницу конфет. Хорошую коробку ей принес, красивую. Время летнее, отпускное, с билетами проблемы. Но только в том случае, если нет в запасе знакомой любительницы сладостей. Билет я приобрел по одному из запасных паспортов на имя, которое сластене известно. Глупо отправляться под собственным именем туда, где вскоре произойдет шумное заказное убийство. Из железнодорожных касс я отправился в кассы авиационные и купил на сегодняшний вечер билет на самолет до Москвы. В железнодорожных кассах тоже есть окошко, где продают авиационные билеты, но там меня знают, опять же, под другим именем, а мне необходимо, чтобы в Москву улетел именно Ангелов Алексей Викторович. Теперь уже билет приобретен на имя собственное и хорошо известное тем, кто моей сущностью интересуется.

Пока колесил по городу, постоянно следил в зеркало заднего вида за дорогой — нет ли «хвоста». Мою заметную машину «вести» просто. Издали можно наблюдать. Поэтому осторожен я должен быть вдвойне.

7

Роуминг — услуга сотовой телефонной связи, возможность пользоваться сотовым телефоном в других городах, имеющих сотовую связь.

«Хвост» я не определил. Сознаюсь честно, я не настолько глуп, чтобы категорично заявить — за мной не следят. Жизнь — не занимательная книжка. И настоящие спецы в жизни умеют оставаться незаметными даже тогда, когда ты сталкиваешься с ними нос к носу в течение часа через каждые пять минут. К счастью, таких спецов мало. И хочется надеяться, что они сегодня

заняты какой-то более значительной персоной, чем отставной капитан ГРУ.

Для окончательной проверки я заехал еще и на вещевой рынок — давно собирался купить себе легкую летнюю куртку. Это сейчас жара. А завтра может дождь пойти. Особенно там, в тысяче километров к западу от нашего города. На рынке, где так много народа что легко потеряться из поля зрения, «хвост» будет вынужден прижаться вплотную. Вот тогда я и обязан проявить отработанную наблюдательность разведчика. Там и оглянуться не грех. Прошел прилавок, уже у следующего остановился. И вдруг подумал, что на предыдущем товар интереснее. Вернулся. И глазами успевай постреливать. На лица не смотри. Лица запоминаются по выражению. А «хвост» будет в первый момент косить, во второй хмуриться, а в третий с наглой самодовольной улыбкой к торговке под юбку заглядывать. Легко спутать. Запоминай галстук или рубашку, брючный ремень или носки, если их видно. Пиджак и брюки сменить легко. Прямо в машине. Или здесь же на базаре в примерочной кабинке. Обычно так и делают, если работают несколько человек. Рубашку, галстук, брючный ремень и носки обычно не меняют.

Я погулял среди лабиринта прилавков. Купил себе новые кроссовки и легкую бежевую куртку. Китайскую, самую что ни на есть незаметную. Такие в любом городе продают. Иногда и мне следует быть незаметным. Убедившись в отсутствии «хвоста» и успокоившись, я вернулся к машине.

Основные дела сделаны. Надо еще отметить у куратора. По графику он сегодня выходной. Официанты два дня работают, потом два дня отдыхают. График я запоминать и не стараюсь — слишком часто он ломается, поэтому каждый раз приходится заново высчитывать. От момента последней встречи.

Я остановился возле первого же таксофона, из машины осмотрел окрестности — спокойно, и только после этого подошел к автомату и набрал домашний номер куратора.

— Алло! Добрый день. Это я.

— А... Привет, старик...

Все правильно. Разговаривает он, не называя имени. Кто даст гарантию, что его самого фээсбэшники не пасут?

— Как у вас дела обстоят?

— Нормально. У тебя как?

— Прогуляться вышел. Дома дезинфекционные мероприятия провел. Всяких «жучков» и тараканов выводил.

Он понял.

— Много развелось?

— Много.

— Я у себя такого не допускаю.

— Я теперь тоже постараюсь не допускать. Но хочу вот на несколько дней уехать. Может, даже на неделю. Так опять мою квартиру облюбуют. Приеду, снова травить придется.

— Ты за этим следи... А куда едешь? Сообщение я передал. Куда и зачем еду, ему знать не обязательно. Вообще ему не обязательно знать, что я не всегда бываю военным пенсионером-инвалидом. Это дело сугубо личное.

— Алло... Алло... Что за черт?.. — сказал я, словно в трубке звук пропал. И трубку тут же повесил.

И опять проверил «хвост».

Тишина!

Отсыпаться, как я сказал Труповозу, я, естественно, не собирался. Ночь в поезде проводить — будет время выспаться. А сейчас еще следует навестить старого приятеля. Я его всегда навещаю перед командировкой. И я направил машину к выезду из города.

3

Капитан Югов сам чувствовал, что сильно перестарался вечером. Хорошо майору Угрюмову. У него здоровья на три войны хватит. Может каждый вечер потреблять лошадиную дозу спиртного, а утром как огурчик. Мамонт, а не майор — так его порой и зовут в управлении. Сам Угрюмов это объясняет знаком зодиака, под которым родился. Козероги могут пить без конца, пить всю жизнь, спаивать других толпами, но на них это сказывается мало. Иные знаки зодиака уже подберут себе места или в могиле, или в психушке, а Козерогу все равно — его выпивкой не прошибешь. Единственно, нос слегка сизеет. Но это, как говорится, издержки производства.

Окончание прошедшего вечера вспоминалось с трудом. Из ресторана вышли поздно. Но, кажется, еще до ухода он, капитан, выскакивал на крыльцо, смотрел, как Ангелов садится в такси с двумя шлюхами. А может быть, собирался выскочить. Точно он не помнит. Не помнит и того, что ходил ночью проверять — дома ли Ангел. Аркадий сказал об этом майору Морозу только потому, что проснулся на скамейке во дворе Ангела. Только у соседнего дома — через двор. Проснулся и первым делом проверил пистолет. На месте. Не украли у пьяного и не потерял. Тогда успокоился. И не мог сообразить, как сюда попал и зачем. На окна Ангела он посмотрел. Это точно. Света в окнах не было. Впрочем, к тому времени уже рассвело и свет зажигать было ни к чему. Добравшись до дома, Югов попытался уснуть. Но долго спать мешало похмелье. А потом и ругань поднявшейся ни свет ни заря жены. А потом позвонили дежурные из машины «прослушки». Они всю ночь сидели на месте. И сообщили, что слышали странный шум. А потом погас сигнал связи с «жучком».

Но это уже была причина, чтобы заняться делом и отвязаться от жены. Или хотя бы показать ей, что напиться он был вынужден — работа такая. Что с бабы возьмешь — она не понимает...

Попить пива по дороге в управление Югов не решил. Надо было подписать у заместителя начальника управления шифротелеграмму в Москву. Полковник после доклада поймет вчерашнее, но не одобрит сегодняшнее продолжение, если капитан зайдет к нему с запахом. Хотя можно перед ним и отработанный вариант разыграть. Дескать, специально для московских гостей выпить следует. Однако это тоже не сразу.

Так Югов и сделал.

Полковник, недобро хмыкнув, идею поддержал с неудовольствием, и только лишь потому, что

она легко вписывалась продолжением во вчерашний день.

— Не переусердствуй...

— Я аккуратно, товарищ полковник...

По мере выполнения срочных служебных обязанностей — от текучки Югова никто не освободил — приближалось время возможности уйти со службы без контроля. А тогда уже здоровье подправить. И уже от предчувствия этого капитану стало легче.

Телефонный звонок на сотовик застал Югова уже на крыльце управления, когда он, доложив начальству, что уходит к московскому генералу, собирался свернуть в сторону совершенно противоположную — к недалекому кафе, торгующему по приемлемым ценам.

— Слушаю, капитан Югов.

— Аркадий... Я только что из конторы Захватава...

— Привет, Петрович. Что вынюхал?

— Принял он меня. Только не сразу. Сначала с каким-то мужиком долго беседовал. На кавказца похож. Из кабинета выходил и вернулся с большой пачкой баксов в руке. По ситуации я понял, что баксы для того мужика. Наверное, отдал...

— Выглядит лет на сорок пять, крепкий и — одновременно сухощавый. На пружину чем-то похож. Стрижка короткая. В себе уверен. Взгляд слегка высокомерен. Бабы на таких с разбега кидаются. И внешность опасностью отдает. Этот?

— Да. На таких кидаются. И с такими предпочитают не связываться.

— Он там и должен был быть. Спасибо.

— Это не самое интересное.

— Что еще?

— Сегодня ночью ограбили контору Захватава. Из соседней бойлерной проломили стену в его кабинет, вскрыли сейф. Увели шестьдесят тысяч баксов.

— Телефонный аппарат случайно не прихватили? Там был вмонтирован «жучок», который сейчас не подает признаков жизни.

— Не знаю. На столе у него аппарат стоит. Может, успел другой поставить?.. Не знаю... Но он об этом сказал как бы между делом. Полчаса мне плакался, что его со всех сторон кредиторы обложили, а теперь еще и ограбление. Думаю, сказал бы и про аппарат. Он вообще очень разговорчивый был, возбужденный. Слишком много для себя говорил. Не привычно как-то.

— Хорошо, Петрович, спасибо.

— Не торопись. Раз уж попросил меня... Еще один маленький момент.

— Что?

— Я же Михалыча хорошо знаю... Мы с ним четыре года в одном кабинете просидели. Не так он себя вел... У меня осталось ощущение, что он подозревает о моей миссии. Свидетельство о смерти я, правда, показал, он, как положено, поздравил, но это его не убедило. Я уверен. Что-то он в уме держит...

— Знал о «жучке» в телефонном аппарате?

— Может быть.

— И сам снял его?

— Может быть.

— А может так быть, что он сам кого-то послал деньги выкрасть?

— Я думал о такой возможности. Если жалуется на долги и не может их сразу отдать, то это вполне приемлемый для него вариант. Обокрали — придется кредитору подождать. Если кредитор с пониманием. Но таких, с пониманием, сам знаешь, сейчас немного. Большинство все равно с горба не слезут.

— Ладно. Будем соображать. Это все?

— Все.

— Спасибо, Петрович. На работу когда выходишь?

— Завтра хороним... Значит, послезавтра. Обстоятельства опять вынудили Югова отложить долгожданный момент посещения кафе. Пришлось вернуться в кабинет, потому что он не помнил телефонного номера секретарши Захватава. Позвонил из-за рабочего стола.

— Бюро ритуальных услуг, — ответил деловой голос.

Аркадий его сразу узнал. Но на всякий случай переспросил:

— Это Наталья Викторовна?

— Да.

— Это Югов.

— Да-да, слушаю вас, — она заторопилась и, похоже, звонка испугалась. Испуг секретарши понятен — Захватава в любой момент может снять трубку параллельного телефона, и тогда она «засветится».

— Говорить можете?

— Да.

— У меня только маленький вопрос. Я в курсе того, что у вас сегодня ночью произошло. Во время ограбления телефонный аппарат, в который вы вставляли «жучок», украден не был?

— Нет.

— Все. Спасибо. Хорошо бы вы вечером позвонили мне. Встретимся, обговорим новости.

— Ладно. Мы работаем до пяти часов.

— С пяти до шести жду вашего звонка.

Он положил трубку. Секретарша в самом деле имеет основания быть испуганной. Если Захватов узнает, ей не поздоровится. Югов рисковал, позвонив Наталье Викторовне на работу, но выяснять обстоятельства нужно было срочно. Чтобы не возникло со стороны генерала Легкоступова дополнительных вопросов.

Теперь можно и генерала навестить, но зайти по дороге в кафе все равно необходимо. Здоровье дороже мнения московского начальства...

Глава VII

1

Раньше этот поселок выходил за черту города. Но уже пару десятков лет, как его включили в городской район и сделали на окраине поселка кладбище. В противоположной от кладбища стороне — на самой окраине, окнами в поле — мне принадлежит небольшой домик, и живет в нем хороший и добрый старик с недобрым и нелегким прошлым. Он провел в местах не столь отдаленных от звонка до звонка пятнадцать лет — за попытку вооруженного ограбления сберкасс. В советские времена к такого рода ограблениям относились строже, чем к убийствам — покушение на социалистическую собственность считалось верхом цинизма. Откинулся [8] он, не имея ни угла, ни временного пристанища. И даже родственников всех растерял. Судьба свела нас случайно в поезде. Я старика пригред и поселил в том самом домике, который купил недавно. Кому-то надо было за строением присматривать, а на соседей надежды мало — со всех сторон сильно пьющие. Тогда еще я думал, что домик буду использовать как дачу — под летнее жилье. Но так получилось, что навещаю я в поселок от случая к случаю. Иван Иванович же — так старика зовут — осел там прочно, обзавелся основательным хозяйством, разводит цветы, кур и свиней, чем обеспечивает себе существование. Ну и я иногда помогаю. Почти по-родственному, потому что привык к нему. Правда, сам домик, объяснив ситуацию и взяв обязательства Ивана Ивановича не обижать, я переписал на сына. Но сын сейчас далеко — служит во французском иностранном легионе в жарком Джибути, и неизвестно еще, вернется ли в Россию. После определенного срока службы легионерам дают французское гражданство. А мать не воспитывала его, как меня воспитывал отец, в духе патриотизма. И поэтому я могу ожидать всякого.

Я подъехал к воротам и просигналил, предупреждая старика. Но не собирался дожидаться, когда Иван Иванович выйдет. Задерживаться надолго я не думал. Самому открыть ворота гораздо быстрее. Но он поторопился или уже был во дворе. Деревянные створки колыхнулись и стали отворяться. Пришлось вернуться в машину и заехать во двор.

— Навестить старика решил? — спросил Иван Иванович, ухмыляясь ртом, наполненным металлическими зубами. Оскал из-за этих зубов получается хищный и почти угрожающий. — Надолго?

— На пяток минут... — Я опустил стекло, но из машины не вышел. — Открой сарай.

Иван Иванович тут же распахнул и ворота каменного сарая, превращенного моими стараниями в гараж с хорошей смотровой ямой. Занимать сарай под что-то другое я, на правах хозяина,

запретил. Но во дворе есть и другой сарай, деревянный, который более подходит для хозяйственных нужд. Старик его отремонтировал и использует по надобности.

Я заехал, поставив машину над ямой, вышел и закрыл изнутри ворота.

— Подожди, я скоро... — сказал старику.

Он опять ухмыльнулся. Но пятнадцатилетняя суровая школа приучила его не задавать лишних вопросов и в чужие дела не соваться. Этим Иван Иванович и ценен. Может быть, он догадывается о чем-то, но реагирует на все мои действия только неизменной ухмылкой.

Я размотал висящий на стене провод с лампочкой-переноской и спустил его в яму. Включил свет и спустился под поддон машины сам. Тайник оборудован в стене смотровой ямы. Механизм действия прост. Ступней сильно надавливаешь на нижнюю кафельную плитку, наклеенную прямо на пружинную педаль. Освобождается стопорный штырь, и после этого можно выдвинуть во втором сверху ряду кафеля спрятанный в стену ящик. Слабая лампочка освещает яму плохо, и несуществующих швов не видно. Поэтому тайник можно обнаружить, только зная о его существовании. А поскольку дом оформлен на сына, сын носит фамилию бывшей жены, никто не посчитает меня владельцем данной недвижимости и не подумает искать здесь.

Пара пистолетов «ТТ» с глушителем. Один для работы, второй про запас. Пистолеты в заводской смазке. Один, к сожалению, китайского производства, второй польского. Польский у меня последний. Надо подумать, как пополнить запас. Здесь же лежат и мои «глоки-17». Точно такие же, какие были у фээсбэшников в тире. Но им я не доверяю, как проверенным моделям «ТТ». И еще в тайнике хранится «АПС». Этот я держу на всякий случай. Как память. Как экспонат. Как реликвию. У меня руки от возбуждения дрожать начинают, когда я ощущаю в ладони его привычный вес. Сила появляется во всем теле, будто перекачивается в меня из оружия невиданная энергия. Сейчас я только достал его, сжал в руке и перевел предохранитель в режим одиночной стрельбы, потом в режим автоматической. И поставил на место. Не пришло еще время пользоваться любимым «стечкиным». Кто знает, может быть, и придет...

Все. Иван Иванович уже заждался меня во дворе. Я убрал в тайник «АПС» и видеокассету с интересной записью. Выбрался из ямы, быстро спрятал оружие под сиденье автомобиля, не забыв стереть с него отпечатки пальцев. Обычная процедура, связанная с тем, что даже незаряженное ружье один раз стреляет. Всегда есть риск нарваться на случайную проверку. Тогда смело можно говорить, что оружие мне подсунули. Но сколько раз меня уже останавливали, и после того, как я предъявлял разрешение на ношение оружия, досмотр машины не производили. Кто может подумать, что у человека, кроме именного пистолета в поясной кобуре, есть и другие пистолеты, предназначенные для основной работы?..

Судя по звукам, Иван Иванович находился в деревянном сарае. Оттуда раздавалось возмущенное кудахтанье кур. Я сам открыл ворота сарая каменного и выехал во двор. Звук двигателя поторопил старика, и он вышел. В целлофановом мешочке — десяток яиц. Яйца крупные, пегие — таких в магазинах не бывает.

— Держи... — протянул мне мешочек. — Подкормись. Зелени с огорода не желаешь?

— Желаю, если это быстро получится, — поблагодарил я его улыбкой.

Иван Иванович заспешил в огород.

Чтобы это больше походило на натуральный обмен, я поставил на крыльцо бутылку водки. К выпивке Иван Иванович пристрастия не питает, но при случае не отказывается.

Он принес еще один целлофановый мешочек с зеленым луком, петрушкой, укропом. Заметил водку:

— Спасибо.

8

Откинулся — освободился (блатн. жарг.).

— Тебе спасибо.

— В дом не войдешь? Я посмотрел на часы.

— Время поджигает. В командировку сегодня еду. Вернусь — заскочу к тебе с бутылочкой. Тогда посидим, покалякаем...

Старик пожал плечами. Он все понимает, принимает свою роль и с расспросами никогда не пристаёт.

Я выехал, но повернул в противоположную от города сторону. С шоссе свернул на проселочную дорогу. Подальше в лес, где нет посторонних глаз. Достал оружие, выбрал подходящее дерево и, не покидая машины, отстрелял из каждого пистолета по обойме. Проверка. Без проверки нельзя. Плохо, что сразу не удалил заводскую смазку. Времени и правда мало. Теперь чистить будет труднее — стволы пригорели. Но дома отчищу. Оружие я люблю и люблю за ним ухаживать.

Теперь снова протереть пистолеты — чтобы не оставалось отпечатков. Спрятать под сиденье. И пора домой. Скоро должны появиться «приговоренные» Труповозом его ребята. В том числе самый лучший из них. Труповоз и должен был приставить ко мне самого лучшего.

2

Внешний вид капитана Югова раздражает генерала. Несмотря на все самообладание, выработанное за годы продвижения к высокой должности начальника отдела и к генеральским погонам — а кто знает этот процесс, тот понимает, какое самообладание здесь нужно, — нестерпимо хочется поморщиться и высказаться. Геннадий Рудольфович не ханжа и допускает, что у мужчин возникает порой желание выпить. Он сам такое желание не однажды чувствовал. Сейчас он ситуацию просчитал. Да, вчера этот капитан дело, как доложил, делал: плотно держал объект и даже — только что про это рассказал — беседовал с ним, пытаясь наладить дружеские отношения за рюмкой коньяка. И вынужденно пил, чтобы выглядеть соответствующим образом. Даже двух сослуживцев за компанию привлек. Чтобы все выглядело естественно. С точки зрения соблюдения режимности работы привлечение сотрудников без санкции руководства недопустимо, но обстоятельства требовали естественности. Генерал принимает такое. Но выпил Югов, должно быть, слишком много, чтобы работу до конца выполнить. Объект упустил, не сумев наладить с ним прочной связи. Сил, похоже, не

рассчитал. Но и это прощается. Не всегда объект идет на сближение. Даже за столом. Даже во время совместной выпивки. Не прощается лишь то, что от капитана пахнет не столько вчерашним перегаром, сколько сегодняшним свежим спиртным. Запахи Легкоступов различает достаточно легко. Даже жена доверяет ему определять в магазине по запаху духи — настоящие они французские или болгарская, а то и польская подделка. По запаху, идущему от капитана, генерал легко сообразил, что тот выпил сначала рюмку коньяка, подражая объекту, за которым вчера вел наблюдение, а потом, уже прикинув финансовые возможности, рюмку водки. И пытался убрать запах жевательной резинкой «Орбит». Но высказывать недовольство перед подчиненными — это не в принципах генерала. Капитана можно просто отстранить от работы. Но смысла в этом уже нет. Надобность в капитане, судя по развитию событий, отпадет через несколько часов. Он только что доложил, что объект получил деньги в руки. Значит, машина завертелась. Не слишком качественно, но Югов свою работу выполнил. Хорошо, если не «наследил». Обнаружение объектом «жучков» в квартире дает основание предположить и такой вариант. Еще больше настораживает дезактивизация «жучка» в телефонном аппарате второго объекта. Хотя второй объект уже вообще перестал волновать генерала. Этот свою часть работы выполнил, и в дальнейшем пусть его разрабатывают местные спецслужбы. Милиции его, естественно, не передадут — слишком долго Захватов в КГБ, а потом и в ФСБ проработал. Судить его тоже нельзя. Скорее всего директора бюро ритуальных услуг ждет какая-то неприятность типа случайного нападения бандитов — ограбление и прочие сопутствующие атрибуты, которые и привели к смертельному исходу, или автомобильная катастрофа. Это правильно. Пачкать мундир ни к чему. И так с трудом удалось отмыться после открытия многих архивов КГБ. Возможно, местные поступят так, как поступил бы сам Легкоступов. А он оставил бы Захватава временно в покое, продолжая собирать на него досье. При конкретных данных и неопровержимых уликах в нужное время им можно будет легко воспользоваться для своих нужд. Старое правило старой школы КГБ, которую генерал с успехом прошел, — не торопиться использовать данные, которые имеешь. Только так можно людьми манипулировать, как марионетками. А манипулирование людьми — это и есть задача каждой власти. И что бы ни говорили доморощенные недоразвитые демократы, а ФСБ, как раньше КГБ, остается самостоятельной неофициальной властью. Более того — государством в государстве. Сателлитом.

— Прикажете установить наблюдение за квартирой Ангелова? — спросил Югов.

В голосе капитана нет сосредоточенности. Он спрашивает так, словно отмахивается. И из-за этого Легкоступову тоже хочется поморщиться. Генерал повернулся от окна, куда смотрел, чтобы не портить себе настроение опухшей капитанской физиономией.

— Отставить. Считайте, что вы свою задачу выполнили. Можете отдыхать после вчерашнего трудного для вас вечера. Если понадобится, майор Мороз позвонит вам на сотовик. Но постарайтесь держать себя в форме. Возможно, вы еще на что-то и сгодитесь.

Капитан по-уставному щелкнул грязноватыми кроссовками.

— Мы, вероятно, сегодня уедем, — продолжил Легкоступов. — Ключи оставим на столе. На всякий случай позвоните сюда после двадцати трех. Если никто не ответит, значит, мы уехали.

— Разрешите идти?

— Идите.

Майор проводил Югова до двери и даже подмигнул ему на прощание. Но, почувствовав настроение генерала, разговаривать не стал.

А Югов вышел из служебной квартиры довольный. У подъезда осмотрелся, заметил вчерашний автомобиль «Форд Фокус» и еще раз, как вчера, в восхищении обошел его вокруг. Вот на таком бы ездить. Но при нынешних заработках это — сказки.

Теперь... Теперь... Капитан принял решение. В управление пошел не напрямую, а сделав маленький круг, чтобы еще раз заглянуть в кафе.

Но после возвращения сразу направился в кабинет заместителя начальника.

— Мне уже привезли пленку прослушки, — полковник не прошел генеральской школы и от запаха поморщился. — Подготовь текст. Внимательно вычитай, копию сдай в «секретку» и отправляй. Не забудь про осторожность в тексте. Эти москвичи сегодня враги, а завтра рядом работают и друг другу помогают. Как Легкоступов тебя воспринял?

— Как мы и думали... Принял за штатного управленческого пьяницу.

Югову показалось, что полковник думает точно так же. Это слегка обидело. Сам он себя таким не считал. Только позволяет себе изредка. Не в ущерб же службе.

— Ну, и отлично. Такого не заподозрит. Видок у тебя, надо сказать, соответствующий.

— Я специально ночью не ложился. Чтобы совсем «устать». И с утра выпил «разнокалиберное». Чтобы запах был сильнее.

— И хватит, — полковник категоричен. — Текст подготовь и отправляйся отдыхать. Отоспись.

— Есть, товарищ полковник.

Текст был подготовлен за час. Капитан отнес документы и после этого отправился домой. Тоже кружным путем. Через кафе. Об Ангелове он больше не вспоминал и только радовался, что так вроде бы удачно все для него сложилось в этой необычной операции. Крепкая выпивка вылилась для генерала Легкоступова в необходимость работы с объектом. Для заместителя начальника управления такая выпивка выглядела необходимой маскировкой перед самим генералом, который не должен был заподозрить, что находится под контролем службы внутренних расследований. Кто же поручит пьянице такую тонкую роль?

Югов тихо посмеялся про себя и не подумал, что и с первым, и со вторым объектом ему еще придется столкнуться в своей работе плотно.

Плотнее, чем хотелось бы вчера и позавчера, чем хочется сегодня...

3

Я едва успел возвратиться домой, когда раздался телефонный звонок. Но спешить к трубке не в моих правилах. Заговорил автоответчик. Через несколько секунд женский голос произнес:

— Алексей Викторович, это Аня вас беспокоит, с телевидения. Помните меня? Мне сказали, что вы из Чечни вернулись. Мы приглашаем вас на завтра в нашу утреннюю программу. Та же самая, где вы уже дважды выступали. Прямой эфир. Минут на пять, не больше. Позвоните мне, пожалуйста... — и она назвала номер.

Еще не легче. И так времени нет. Не до телевидения сейчас. Но внезапно возникла интересная мысль. Я подскочил к телефону и взял трубку.

— Алло, Аня!

— Да-да, Алексей Викторович. Здравствуйте.

— Аня, я сегодня вечером в Москву улетаю. Рад был бы с вами посотрудничать, но ничего не получится. В следующий раз... — и в голосе откровенное расстройство. Пусть думает, что я только о том и мечтаю, чтобы с телеэкрана на горожан посмотреть.

— Жаль. А как ваша поездка?

— Интересная поездка. Очень интересная. И рассказать есть о чем. Это была бы настоящая информационная бомба. Но в конце недели оттуда возвращается группа наших контрактников. Сразу восемь человек. С ними разорвали контракт. Слишком ребята ведут себя, как показалось армейскому начальству, нагло. Начальство ворует, а они смеют возмущаться. Чуть не каждый день есть просят. И зарплату обещанную требуют. Начальство считает, что это безобразие. Вот с ними и поговорите. Не прозевайте момент.

— А как мне их найти?

— Это уж сами думайте, я специально этим делом не занимался и информацию для прессы не готовил.

Аня думала недолго. Как я и рассчитывал — репортерская хватка не уступает бультерьерской. Эта хватка и заставила ее вцепиться в информатора чуть не зубами.

— А не могли бы вы по этому поводу несколько слов перед камерой сказать? Для выпуска «Новостей».

Вот назойливая девка — молодец, одним словом! Ей палец протянешь, а она всю руку отхапать хочет. А я и руку с удовольствием подставляю. Во всеуслышание объявить с телеэкрана, что я сегодня в Москву улетаю — это подарок судьбы. Такую возможность, тем более когда я нахожусь под оком ФСБ, упускать не следует.

— Хорошо. Давайте договоримся, где встретимся. В семнадцать тридцать. Я к этому времени буду относительно свободен. Прямо на улице и поговорим. Там, где вам будет удобнее снимать. Я на машине по городу мотаюсь. Надо много дел закончить. И к вам подскочу.

— Нельзя раньше? Чтобы успеть в выпуск на восемнадцать часов.

Это рано. Это еще совсем не интересно. Могут проследить, кто сел в самолет. Тогда весь смысл моего выступления пропадает.

— Извините, раньше я занят. Но успеете дать в вечерний выпуск. Так где встречаемся?

Она назвала место. На углу двух людных улиц. В летнем кафе. Разговаривать за уличным столиком легче, чем в студии, это я знаю из своего не слишком богатого опыта общения с телевизионщиками. Раскованнее себя чувствуешь.

— Я буду.

— Рабочий день у нас уже кончится. Но я оператора уговорю. Вы, пожалуйста, только не

опаздывайте.

— Чтобы время не терять, вы с оператором сами к моему приезду подготовьтесь. Место займите, какое удобно, камеру поставьте.

— Вы можете надеть камуфлированный костюм?

— Это необходимо?

— Так будет смотреться интереснее. Военный колорит. Сами понимаете, слова человека в форме воспринимаются почти официально. Такова психология телезрителя, и мы вынуждены с этим считаться.

— Хорошо. Я постараюсь.

Я положил трубку и посмотрел на часы. Половина четвертого. Труповоз знает, что в отношении назначенного времени я пунктуален и даже придирчив. Особенно когда дело касается работы. Если парни опоздают или даже появятся раньше, я могу и отказаться от них. Назначенное время — это уже начало проверки их способности к точному действию. Но капризничать и оттягивать исполнение «заказа» мне тоже не следует. Тем более что билеты уже взяты. Это все равно что с полдороги возвращаться — удачи не будет. Нужно ждать. А когда появятся, встретить их следует соответствующим образом.

Они пришли почти минута в минуту. Похвально. Должно быть, Труповоз предупредил их. Взглянув предварительно в «глазок», я открыл дверь.

— Заходите.

И не стал спрашивать, кто они такие, не стал интересоваться именами. От парней явно шла угроза. Именно та угроза, которая в воздухе витает в офисе Труповоза. И легкий холодок пробежал по коже снова. Я принял парней в число клиентов, потому что слишком хорошо знаю их шефа. И дело здесь даже не в жадности. Он может себе позволить расплатиться со мной полностью — не нищий. Но Труповоз знает, что уголовный мир не оставит незамеченным убийство Таманца. Начнется активный поиск. И поиск не просто исполнителя, а в первую очередь заказчика. И, как человек достаточно опытный, прошедший хорошую школу, он выработает ответные меры. Пассивные. Потому что активные могут скорее навлечь подозрения, чем отвести их. Уверен, что уже сегодня Захватов будет звонить Таманцу и жаловаться, что у него шестьдесят тысяч баксов ночью из сейфа вытащили. Это будет частичной попыткой оправдаться — да, трудно полностью сумму собрать, но он собирал частями. Если бы планировал нанять киллера, то и собирать бы не стал. Не стал бы жаловаться па судьбу-злодейку.

Парни прошли в квартиру, как хозяева. Они привыкли везде считать себя хозяевами. Смотрят на меня чуть свысока. Особенно чернявый и сухощавый. Второй-то поспокойнее, поскромнее.

— Это ты — который Веня? — спросил я чернявого.

Он молча кивнул. Не нравится парню, что попал ко мне под командование. Ох, активно не нравится! И он всем своим видом показывает это. Более того, он показывает, что я не ошибаюсь в отношении намерений Труповоза. Парни получили задание «подчистить» за мной место работы. Я легко читаю психологию этого бывшего десантника. Он очень уверен в себе, в собственных силах и способностях. Он считает, что смог бы сам выполнить «заказ» и

заработать приличную, по его разумению, сумму. Веня напоминает мне новобранца, рвущегося в бой, но не понимающего, что это такое в действительности. Есть навык — умеет трясти новоиспеченного бизнесмена, не знающего, как за себя постоять. Есть навык — провести «стрелку» с такими же, как он, парнями. Возможно, есть даже навык — пострелять в то время, когда и в тебя стреляют. Судя по возрасту, он должен был застать самые активные разборки нескольких лет давности. И считает себя обстрелянным. Многие себя такими считают. Но многие ли из них бьют пулей летящую на удаление бутылку? Я уже не говорю про то, чтобы пробить у бутылки дно, оставив целой саму посудину. Так я сам не умею, хотя иногда, оказывается, получается.

С гонором парень. Надо такого, как и рекомендовал Труповоз, сразу на место поставить. Чтобы не мешал хотя бы, если уж помочь будет не в состоянии. А поставить на место можно только одним способом — обломать. Уверенности в себе лишить.

— Десантура, значит? — Он меня на полголовы выше. То есть рост под сто девяносто. Жилистый, гибкий, мосластый, резкий. — В каком звании дембельнулся?

— Сержант, — отвечает небрежно и не сразу. У меня сложилось впечатление, что я обязан ему спасибо за ответ сказать.

Веня остановился у дивана. На стену смотрит. Там на ковре коллекция ножей, парочка самурайских катан, нунчаки, отточенная до остроты бритвы саперная лопатка и казацкая нагайка.

Выбор обычно показывает характер человека.

— Воевал где-нибудь? — поинтересовался я по-простецки, почти добродушно.

Это в годы моей молодости был бы странный вопрос для парня его возраста. Тогда еще афганская мясорубка не началась. Тогда воевали исключительно спецназовцы ГРУ и пограничники на восточных рубежах. Сейчас же многие через «горячие точки» прошли. Убивать научились. К сожалению, не все научились сами оставаться в живых. Надеются на «повезет — не повезет». А это плохая школа. Потому в первую чеченскую войну и положили столько парней за просто так.

— Не-а... — Он не сказал, а промывчал, на меня не глядя. Протянул руку и снял со стены нунчаки. Со свистом рассек воздух, сделал пару полуоборотов и переброс через плечо под мышку. Я сразу обратил внимание, что парень работает нунчаками «жесткой» кистью. Закрепощен. Не умеет, короче. «Жесткой» кистью из всего холодного оружия можно только двуручный меч держать, да и то лишь в случае, если колешь им дрова.

— Умеешь обращаться? — спросил я невинно.

— Желаешь проверить? — Он ответил вопросом на мой вопрос. И с жесткой усмешкой.

Я могу его понять. Старовато я выгляжу для боевика. Да еще перед таким рослым пареньком, прошедшим десантную подготовку. Единственное, что меня смутило, — рядом стоит компьютер. Парень так размахивает нунчаками, что может и в монитор угодить. Но ничего. Это только слегка осложняет мою собственную задачу. Буду действовать более выверенно.

— Желаю. Мне тебя на «дело» брать. Хотелось бы знать, кого за спиной ставлю...

Веня усмехнулся еще раз. Сделал шаг назад и занял какую-то несуразную позу. Возможно, эта

поза и пригодилась бы ему в простой драке. Этой стойке их учили в десанте. Сгодились бы она, имей я в руках автомат с примкнутым штыком или хотя бы нож. Но в данном случае вооружен не я, а он. И ему выгодно нунчаки использовать, а не защищаться ими от моих ударов.

Нунчаки засвистели, закрутились. И опять он работает не кистью, а рукой. Слишком велика амплитуда, чтобы оружие могло представлять опасность. Я просто показал движение одной рукой, вызывая его корпус на смещение, а другой тут же произвел быстрый захват за кисть. Поверх пальцев. Сделал легкий доворот и кончики пальцев сдавил. Элементарный болевой прием, заставляющий любого разжать хватку. Нунчаки выпали из руки. Но реакция у парня хорошая. Он успел перехватить их второй рукой. Но я захват не разжал. Потянул вправо, разворачивая корпус противника — ему же оттуда удобнее ударить меня нунчаками с левой, — но так уж человек устроен: если его толкаешь вправо, он будет сопротивляться и стремиться влево. Я тут же переменял давление, выставил бедро, сделал круговое движение своей рукой — и его плечом, кстати, тоже. И в результате провел классический прием айкидо, уронив Веню прямо на печень. По идее я должен был бы свое движение продолжить, упасть на него сверху и ударить локтем в ту же печень с другой стороны. Но я пожалел — не парня, а соседей с нижнего этажа. И так удар об пол слишком сильный.

Веня даже не застонал.

— Ты тоже желаешь проверку? — повернулся я ко второму парню. Тот сразу по приходе сел в кресло и только посмеивался. Сейчас он посмеиваться перестал, потому что результат проверки Вени оказался совсем не ожидаемым.

— Спасибо. Я как-нибудь обойдусь без этого. Мое дело — дорога...

— Тебя, кажется, Сергеем зовут?

— Мне тоже так кажется.

— За сколько часов до места доехать сможешь?

— Завтра часам к одиннадцати буду там.

— Город знаешь? — Я не поворачиваюсь, но в полировке стенного шкафа наблюдаю, как поднимается на ноги Веня. Сильно он ударился. Но я придержал руку на полсекунды дольше. Иначе пострадала бы голова. А он мне может понадобиться именно с головой.

— Знаю.

— Ты, Веня, посиди, переведи дыхание. Жить, я думаю, будешь. И в следующий раз слушай Захватава. Он тебя должен был предупредить.

Веня не ответил. Но послушно сел.

— Сотовый телефон с роумингом вам Михал Михалыч сегодня сделает. Вы встретитесь в городе утром. С шестнадцати до восемнадцати завтра ждите меня где-нибудь недалеко от центра. Я позвоню и скажу, куда подъехать. До этого времени вы должны будете заняться своим благоустройством. Гостиница отпадает. Снимайте квартиру.

— Ты с нами будешь жить?

— Нет. Я всегда предпочитаю быть один. Все понял?

— Понял, — кивнул Сергей. И лениво улыбнулся. Характер у него, должно быть, легкий. Но не слишком энергичный. Этого всегда подгонять придется, тогда как первого больше следует сдерживать.

— А ты... — я повернулся к Вене. Даже в мягком кресле парень уселся с самого края — не в состоянии расслабиться и откинуться на спинку. Усердно пытается восстановить дыхание и смотрит на меня исподлобья. Но урок усвоил.

— Процентом на тридцать ты проверку выдержал. Другой на твоём месте ещё не встал бы... — чуть-чуть утешил я его. — Теперь попробуй оценить разницу между десантурой и спецназом ГРУ. Форма одежды одинаковая, но сущность подготовки разная. Это касается не только офицера и сержанта. Это касается и офицеров тоже. Всех офицеров.

— Пуля не очень разбирается в степени подготовленности... — выдавил Веня из себя почти с угрозой.

— А вот здесь ты, любезный друг, совершенно не прав. За три года войны кабульскую роту спецназа за сутки бросали на две-три операции. Небольшими группами. Парни спать могли только в вертолете. Все остальное время — в боях. И за три года потери — три человека. Другие войска воевали в тридцать раз меньше, а потери несли в тридцать раз больше. Вот это и есть подготовка спецназа. Но речь сейчас не о том. Вот билет. Вот паспорт. Сегодня твоя фамилия будет — Ангелов. Сейчас отправляйся к Михал Михалычу...

— Так я что — один поеду? — спросил из-за спины Сергей. — Мы же должны...

— Один, — сказал я категорично. — Я же предупредил, что там встретитесь.

И продолжил инструктаж Вени:

— Михал Михалыч вклеит в паспорт твою фотографию. Летишь сначала до Москвы. А оттуда через три часа вылетаешь к месту работы. Уже по своему паспорту, не по моему. Сейчас билеты на самолет свободно продают — не при советской власти живем. Внимательно следи за окружающими. Проверь наличие «хвоста». Этот паспорт мне вернешь. Он ещё сгодится.

— Зачем такая ерундистика? — Веня, похоже, отдышался. Возражать начал.

— А иначе зачем вы оба мне вообще нужны? Только для такой ерундистики и сгодитесь. Понятно? И предупреждаю — я свои приказания не расшифровываю и не объясняю целесообразность. Ваше дело — выполнять.

Веня встал. И ничего не ответил. Сергей сразу, похоже, на конфликт не нарывался. Активность за напарником оставил.

Глава VIII

1

К месту встречи с Аней я приехал строго в назначенное время. Поставил машину на стоянку во дворе и, обогнув угол, вышел к столикам кафе. Махнул приветливо рукой. Сел за столик.

Камеру уже поставили за спину журналистке, чтобы меня было хорошо видно.

— Я задам только пару вопросов, — по моей походке и по сосредоточенному внешнему виду Аня сразу поняла, что я очень спешу. В эмпатии [9] ей не откажешь, что вообще-то у информанников редкость. Вернее, свое понимание людей они стараются поглубже спрятать ради профессиональных конкретных целей. И готовы расспрашивать, мне иногда кажется, даже покойников.

Я кивнул и молча вытерпел процедуру цепляния на воротник микрофона. Вообще-то я не люблю, когда кто-то так вот протягивает ко мне руки. Это интуитивное чувство, воспитанное годами. Один из элементов профессионального самосохранения. Точно так же собака старается защитить горло. Но не показывать же это перед журналисткой, не выворачивать же ей протянутые руки — на экране телевизора это смотрелось бы очень мило.

Аня кивнула оператору и села сначала спиной ко мне и лицом к камере. Со спины вырез на платье у нее большой и глубокий. И довольно красивая сама спина. И не моя вина, что женщины всегда мешают мне сосредоточиться. Но сейчас сосредоточиться необходимо. Очень важно передать свою мысль.

— Наш сегодняшний собеседник, — сказала Аня в микрофон, — хорошо знакомый нашим постоянным телезрителям отставной офицер спецназа ГРУ Алексей Викторович Ангелов — участник многих наших программ. Только вчера он вернулся из очередной поездки в Чечню. Мы хотели пригласить капитана Ангелова на утреннюю передачу в прямой эфир, но, к сожалению, он сегодня улетает в Москву и согласился лишь на короткую встречу прямо на улице. — Она повернулась лицом ко мне. Вслед за журналисткой переполз и объектив камеры. — Алексей Викторович, какова была конкретная цель вашей нынешней поездки?

— Во-первых, я хочу сразу поправить вас. Это была не очередная поездка, а всего вторая. Я ездил опять не один. Нас собрали семь человек — ветеранов разных родов войск и разных поколений. Ехали долго — на автобусе. Везли подарки землякам, проходящим службу в сложных боевых условиях Чечни.

— И как? Нашли земляков?

— Конечно. Мы ехали по конкретному адресу. Под Шали стоит сформированный в нашей области батальон.

— Ребята принимают участие в боевых действиях?

— В Чечне сейчас никто не остается в стороне от боевых действий, поскольку боевые действия проходят всюду. Точно так же и наши парни. Хотя их главная задача на данном этапе — обосноваться прочно. Потому что батальон входит в состав дивизии, которая должна квартироваться в Чечне на постоянной основе.

— Как настроение у наших земляков?

— Плохое настроение. Спешу анонсировать скорое возвращение целой группы солдат-контрактников. С ними просто разорвали контракт...

— Почему? — Аня удивляется искренне. Хорошо удивляется. Зрители должны поверить, что она впервые услышала мое сообщение.

— Я думаю, они сами, когда вернутся, расскажут лучше обо всем случившемся. Но в армии,

как и по всей стране, воровство в настоящее время получило широкое распространение. Армейское начальство желает хорошо жить за счет солдат. Тем более в условиях боевых действий. Где всегда найдется возможность списать все на противника. А кто пытается против воровства высказываться, тех отправляют домой...

— Вы хотите сказать, что такое положение во всей армии?

— Нет. Я не могу говорить за всю армию. Я даже не могу сказать за все части, находящиеся в данное время в Чечне. В прошлую чеченскую кампанию это было действительно так. Мои друзья — бывшие сослуживцы — рассказывали мне, что самолично расстреливали вороватых интендантов. Слышал я, что кое-где и сейчас солдаты действуют так же. У меня устойчивое мнение боевого офицера — каждого интенданта через пару месяцев службы можно расстреливать без суда и следствия. Он уже заслужил это. Но в отдельных частях воруют не только интенданты — ворует все руководство. Всех не перестреляешь. Офицеры покрыли позором свои погоны. Именно в такую часть попали служить наши ребята. Вот они возвратятся — вы их расспросите. Очень вам рекомендую. Им есть что рассказать... А мне больше говорить не о чем, и к тому же время подпирает. Надо на самолет успеть.

Я встал. Отъехала назад камера. Оператор пожелал «захватить» меня крупным планом.

— Спасибо, Алексей Викторович. Надеюсь, мы еще встретимся.

— Я тоже на это надеюсь... Хорошо бы показать этот сюжет и по Центральному телевидению. Но я попробую сам в Москве организовать это. Чтобы о воровстве в армии заговорили на более высоком уровне и приняли наконец-то давно назревшие меры.

Сигнальная лампочка на камере потухла. Аня улыбалась мне почти счастливо. Эх, где моя молодость...

— Я позвоню вам, когда вернусь. Хорошо?

— Хорошо, — кивнула журналистка. Интересно, она замужем?

Я тоже кивнул на прощание и пошел к повороту во двор, чувствуя чуть ли не воодушевление. Я устроил скандал. Если еще и Центральное телевидение этим сюжетом заинтересуется — совсем прекрасно. Обо мне будут говорить. Именно то, что мне и надо. Это же чуть ли не самое лучшее алиби. Зачем искать лжесвидетелей, которые будут под присягой показывать, что в момент совершения какого-то убийства ты пил с друзьями пиво или лежал в постели с женщиной? Какой киллер, отправляясь на выполнение «заказа», будет лезть на телевизионный экран и устраивать скандал своему бывшему начальству? Быть в центре внимания — это против всех правил профессиональных киллеров. И опять я навязываю оппонентам вывод: Ангелов — не киллер.

Вот это действительно наглый профессионализм самого высокого полета. И главное, Аня существенно помогла мне. Не я сам сказал, что улетаю в Москву, а она. И сообщение это прозвучало вроде бы между делом. Неназойливо. Именно так, чтобы на него обратили внимание, кому следует. Лишь бы они телевизор смотрели по этому каналу.

Эмпатия — способность к обостренному восприятию.

Из управления он вышел чуть не радостный, но на половине дороги неожиданно вспомнился провожающий взгляд полковника. И отчего-то стало тоскливо. Настроение испортилось. После посещения одного из кафе, которых в городе развелось множество, капитан пришел домой, как ему настоятельно советовало сделать начальство, но спать сразу не лег. Сначала сходил за пивом и долго надувал пузо. В жару казалось, что, чем больше холодного пива потребишь, тем легче будет переноситься погода. Но в итоге желудок наполнился так, что стало уже дышать трудно. И только потом Югов задремал в кресле. Приход жены разбудил его. Югов перебрался на диван, где благополучно уснул снова под нудное ворчанье своей половины. Но на сей раз он спал уже не долго. Проснулся от ощущения непоправимой беды. Сунулся в холодильник — так и есть. Последнюю бутылку пива выпила жена. Вот же дал бог такую... На него за выпивку постоянно ругается, а только оставь в холодильнике или на столе-и больше не увидишь. А потом говорит, что выпила исключительно из желания ему поменьше оставить. Алкоголическая женская демагогия — это называется.

Югов бегом промчался по всей квартире. Жены дома не оказалось. Посмотрел на вешалку. Уличная обувь на месте. Нет ее тапочек. Значит, к соседке ушла. Расстроенный капитан наспех сполоснул опухшую физиономию, проверил свои карманы — пусто. Тогда нашел сумочку жены и там наскреб мелочью на пару бутылок пива. И побежал в ларек. Благо сейчас не советские времена и пиво можно купить в любое время суток.

Первую бутылку он попросил открыть ему сразу. И выпил ее, не отходя от ларька. Желудок опять надулся, но голове легче не стало. Хотелось бы купить домой еще пару бутылок, чтобы растянуть удовольствие, но денег с собой он взял мало.

Вернувшись в квартиру, Югов обнаружил, что жена еще не пришла. Он включил телевизор и сел с единственной бутылкой в кресло. Показывали местные «Новости».

И вдруг...

Капитан чуть не подпрыгнул, увидев Ангелова. Ангелов сегодня улетает в Москву и поливает грязью воинские части, дислоцированные в Чечне.

Югов схватил телефон и набрал номер служебной квартиры. Ответили сразу.

— Алло, слушаю вас, — голос майора Мороза.

— Товарищ майор, это Югов. Вы не уехали еще?

— Поезд через полтора часа.

— Ангела сейчас по телевизору показывали. В местных новостях. Ругает почему зря воинское начальство в Чечне. Обвиняет их в воровстве.

— Что-что?

— В воровстве обвиняет. Короче, скандал, похоже, решил устроить. И сам сейчас уже,

наверное, в Москву летит.

— Как в Москву? — не понял Мороз.

— По телевизору так сообщили. Сегодня улетаёт в Москву.

— Ему в Москве делать нечего. Он же должен... Минутку, я генералу доложу...

Майор зажал трубку рукой и стал докладывать. До Югова доносились только отдельные нотки возбуждённого голоса Мороза.

— Алло, Аркадий...

— Да.

— Во сколько самолет на Москву?

— Точно я не помню. Кажется, часа два назад улетел, а потом будет ночной.

— Каким рейсом собирался лететь объект?

— Этого я не знаю.

— Звони дежурному, пусть выяснят в аэропорту. Как только будут данные, пусть сразу сообщают. И ты тоже давай сюда...

Голова соображала туго, и почти минута ушла на то, чтобы вспомнить хорошо знакомый номер дежурного по управлению. Вспомнив наконец, капитан застучал по кнопкам аппарата и передал срочное задание. Оставил свой номер. И стал соображать. Даже радостно усмехнулся. Вот и удобный момент, чтобы из дома вырваться без скандала. Нельзя же издеваться над организмом и терпеть головную боль, когда от нее можно так легко избавиться.

Аркадий снова добрался до сумочки жены и взял оттуда сто рублей. Вовремя успел. В дверном замке заворочался ключ. Жена вернулась.

— Проснулся? Куда собрался?

Он глянул на супругу спокойно и сосредоточенно.

— Вызывают. У нас ЧП.

— Куда вызывают? До ближайшей забегаловки?

— Отстань.

Зазвонил телефон. Жена первой взяла трубку.

— Тебя, — протянула мужу.

— Слушаю. Капитан Югов.

— Ангелов вылетел в Москву. Прошел, как положено, регистрацию. Через двадцать минут самолет приземлится в столице. Проверили по спискам пассажиров. Все в порядке. Никаких нарушений.

— Понял. Спасибо.

Югов нажал на рычаги и снова набрал номер служебной квартиры. На сей раз трубку взял сам Легкоступов. Должно быть, сообщение его сильно обеспокоило.

— Товарищ генерал, — сказал Югов чуть не торжественно и при этом победоносно посмотрел на жену — знай, мол, с какими людьми работаю. — Мы проверили. Объект прошел в аэропорту регистрацию и вылетел в Москву. Через двадцать минут будет уже там. Мы опоздали. Есть. Еду.

Он положил трубку и вышел в коридор.

— Надолго? — спросила жена, заметно успокаиваясь. Службой мужа она гордится, хотя и ругает его постоянно за неумение зарабатывать. Она больше получает...

— Откуда я знаю? Когда такие дела начались... Это не наши местные делишки. Это московский генерал операцию проводит. И если бы я случайно телевизор не включил...

— Все ты... — сказала она ехидно.

— Денег дай, — велел Аркадий. — У меня даже на транспорт нет. А за руль мне сегодня садиться противопоказано.

— Надеюсь...

Она, почти не глядя, достала из сумочки еще сто рублей и протянула мужу. Он вышел торопливо. Но заспешил не сразу к трамвайной остановке, а по пути забежал в магазин, где в кафетерии всегда продают водку. Выпил сто граммов, подумал, выпил еще сто. И почувствовал себя увереннее. Но время он все же потерял. И потому остановил такси. Назвал адрес и попросил ехать быстрее. Но опять не доехал. Потому что в соседнем квартале на глаза попала вывеска еще одного кафе.

— Тормози, старик... — попросил водителя.

Тот остановился. Капитан расплатился, демонстративно пересчитал сдачу и забежал в кафе, где выпил еще сто граммов коньяка.

На его звонок дверь открылась сразу.

— Заходи, — сказал майор Мороз и поморщился от запаха.

В комнате, уже одетый и с «дипломатом» в руке, Югова встретил генерал — собрался уезжать. И уставился на капитана оторопело.

— Ну, знаете, это уже слишком... Утром я еще промолчал. Но любому терпению приходит конец...

Геннадий Рудольфович решительно взял трубку телефона. Набрал номер, назвал себя и потребовал немедленно соединить его напрямую с начальником управления.

— Да-да... Немедленно. Соединяйте с дачей. Через минуту ответили.

— Добрый день, Игорь Евгеньевич. Легкоступов. Я сейчас вылетаю с военным «бортом» в

Москву. Но звоню по другому поводу. К нам приставлен капитан Югов. Это не капитан, а сплошное недоразумение. Второй день пьяный. А сейчас в самый ответственный момент появился — на ногах еле стоит. Прошу рассмотреть вопрос о его служебном соответствии. Утром я по факсу отправлю вам рапорт. Прошу принять меры. Он попросту дискредитирует звание офицера ФСБ. Да. Хорошо. До свидания.

Генерал положил трубку и строго посмотрел на майора Мороза.

— Вызови мне дежурную машину. Сам на поезд не опоздай. Меньше часа осталось А вы, капитан, свободны. Надеюсь, что через пару дней вы уже не будете капитаном. Я проконтролирую это.

Югов вышел из квартиры ошеломленный. Он не ожидал такого поворота событий. Вместо того чтобы поблагодарить его за новость об Ангелове, его собираются вышвырнуть со службы...

«А и плевать на вас...» — подумал он отчаянно.

И от этой фразы стало вдруг на душе легко и спокойно. В кармане есть еще деньги, и можно снова зайти в кафе. И будь что будет... Верно ведь говорят: все, что ни случается с нами, все к лучшему.

Во дворе капитан снова увидел «Форд Фокус».

«В третий раз встречается. Это к счастью. Бог троицу любит. Значит, и у меня будет такая же телега...» — подумал он, громко засмеялся и торопливо пошел туда же, где недавно пил коньяк. Кафе еще работало. А утешиться после таких событий необходимо.

— Аркадий... — услышал уже около дверей. Кто-то окликнул его со стороны дороги.

Аркадий обернулся.

Черный джип «Гранд Чероки» остановился у бордюра. Хороший «Гранд Чероки», солидный, но золотистый «Форд Фокус», пожалуй, мало ему уступает. Захватов высунул ноги из раскрытой дверцы машины, но вылезти не поспешил. Только приветственно помахал капитану рукой.

«А что, — пьяно и задорно подумалось вдруг, — вот возьму и попрошусь к Захватову на работу. И зарабатывать буду побольше, чем в управлении... И „Форд“ себе куплю... Запросто. И терпеть каждого индюка-генерала не надо будет...»

Окрыленный собственной идеей, он расставил руки, словно хотел обнять отставного подполковника вместе с большой машиной. Другими они никогда не были — Захватов не только по званию, но и по возрасту значительно старше. И даже работали в отделах, деятельность которых никак не соприкасалась. Но друг друга знали достаточно хорошо.

— Что, гуляешь? — Пожав руку, Захватов пока зал большим пальцем на заднее сиденье, приглашая сесть.

Югов сел рядом с каким-то мрачным типом в черной одежде, смотрящим не на него, а сквозь стекло на противоположную сторону улицы. Тип подвинулся, не поворачивая головы. В салоне показалось так удобно, что вдруг резко ощутилась разница между собственным красным потрепанным «жигуленком» и этой машиной. Югов ведь с самого детства был равнодушным к технике, но пока на чужие машины мог смотреть только с завистью. И при этом знал, что сослуживцы, которые ушли из управления и сумели куда-то пристроиться, давно уже свои

«жучки» поменяли на более престижные иномарки. Эта мысль пришла сейчас не как откровение, а как нечто давно осознанное и желаемое. И потому Аркадий ей не удивился.

— Как твои «похоронные» дела? — спросил он, начиная разговор, который только что задумал.

— По-похоронному, — невесело отмахнулся Захватов. — Людям свойственно умирать, а родственникам свойственно тратиться на похороны — от горя ли, от радости ли... Мне все равно. На том и держимся. А ты что сегодня разгулялся?

И повернулся к капитану настолько, насколько позволили это сделать живот и тяжелая шея. Но долго так сидеть не смог и потому устроился, только слегка повернув голову.

— Неприятности какие?

— Так... От настроения неважного. Приехали тут, понимаешь, москвичи... Генерал с майором. Приставили меня к ним. Ты же москвичей знаешь, ждут, что перед ними выслуживаться будут. А мне плевать, что они начальство. У меня своих дел хватает. Так генералу нашему нажаловались. А мне плевать... Я давно бы ушел со службы. Было бы куда податься... Может, к себе возьмешь?

Югов не просился. Он просто кривлялся. От злости на Легкоступова, от испорченного настроения, от желания показать свою отчаянность.

— А что, может, и возьму, если попросишься.

— А как платить будешь? — И опять вопрос не звучал конкретно. Это была простая болтовня. Вроде бы как от нечего делать. Шуткуют два мужика...

— Не обижу. Раза в три для начала, по сравнению с твоим нынешним окладом, положить смогу. Конечно, не за красивые глаза. Если будешь по-настоящему работать. Выкладываться.

И вдруг у Югова засосало под ложечкой. Он понял, что Захватов говорит серьезно. Стало и слегка радостно, и страшно. И неожиданно для себя предложил встречно:

— Давай я завтра к тебе заскочу. Поговорим... Мне есть что тебе порассказать...

— Заскочи. Мне хорошие ребята всегда нужны. А для начала мне надо знать, что ты не шутишь. Что не замыслил какую-то гадость старику подстроить. Скажи вот мне, что там вокруг меня ваши вертятся? Не слышал ничего?

— Слышал кое-что, — опять неожиданно для себя выложил пьяный Югов. Услуга — решил — за услугу. Если в самом деле Захватов возьмет его к себе, то почему бы и не сказать. Все равно теперь. И Легкоступову гадость сделать приятно. — Тебя по поводу твоего друга из ГРУ «ведут». По поводу Ангела... Очень им москвичи интересуются. По-серьезному за него взялись...

— Ангела?.. Это интересно. А что это их Ангел заинтересовал?

— Москвичи разве сообщают... Они свои дела делают, ты им помогаешь, а потом и виноват оказываешься. Зачем он им был нужен — не знаю...

— Уже уехали?

— Генерал за Ангелом в Москву полетел. А майор Мороз — это прихвостень генеральский — на

поезде ехать должен. Туда, куда Ангел по их наметкам раньше собирался. Я же говорю — подробности не знаю. Меня в известность не ставят.

— А Ангел где? — вдруг спросил Захватов серьезно. Настолько серьезно, что Югов с невообразимой тоской понял, что сжег за собой все мосты. И обратной дороги ему уже нет.

— Ангел в Москву улетел.

— А куда этот майор московский поехал? Югов пожал плечами.

— Ты Ангела знаешь? — спросил Захватов.

— Знаю. Знаком немного.

— А помочь мне хочешь? Если хочешь, то можешь считать, что сегодня вышел на работу. И даже аванс заплачу. Ночь сегодняшнюю надо поработать.

Югов хотел спустить дело на тормозах, хотел отказаться, но Захватов это понял раньше — опять повернулся к капитану и показал зажатый в руке диктофон. Разговор записывался.

— Я еще со службы не уволился... — вместо ответа на вопрос вяло промямлил Аркадий.

— К утру вернешься. В случае чего тебе прогул запишут. Я при приеме на работу на это внимания, так и быть, не обращаю.

— Годится, — не сказал, а выдохнул капитан.

— Ангел не улетел в Москву. Он в поезде должен уехать. Вместе с майором. Ангел майора знает?

— Нет.

Захватов уже понял, что Югов работал вместе с москвичами — сам проговорился, значит, он работал против Ангела и против самого Захватова. И поторопился перекупить бывшего сослуживца «горяченьким».

Он посмотрел на часы.

— Двадцать минут до поезда. Гони к вокзалу. Быстро, — скомандовал водителю. И обернулся к капитану: — Тысяча баксов аванса. Я тебя сейчас на поезд посажу. Найдешь там Ангела и предупредишь его насчет майора. Осторожно только Майору на глаза не попадись. Головой потряси основательно, чтобы протрезветь. Договорились?

— Годится... — опять прошептал Югов, но теперь уже более твердо. Он решился. Чуть не полугодовая зарплата маячила перед носом. И это, как Захватов сказал, только аванс.

— Как предупредишь, на первой же станции сойдешь и добирайся назад. Вернешься, хоть ночью мне звони. Телефон знаешь?

— Знаю, — снова проговорился Югов. Захватов довольно кивнул. Не та пошла молодежь в управлении. Таких расколоть можно в два счета. Теперь абсолютно ясно, что Югов работал против него, и надо будет с ним после возвращения побеседовать плотно — что про бюро ритуальных услуг известно и что фээсбэшники могут предъявить директору.

Машина подъехала к вокзалу. Связь у Захватава здесь хорошая еще со времен собственной службы, и он уверен, что сумеет посадить капитана на поезд. В самом крайнем случае делается просто. Всегда найдется с пяток пассажиров, что приходят к поезду в приличном подпитии, как Югов сейчас. В этом случае пассажира просто снимают с поезда, а на его место сажают нужного человека. Вот и вся проблема.

— Ты это... — сказал вдруг Югов, сообразив, что Михал Михалыч не может ему верить полностью и предстоит это доверие еще завоевывать.

— Что?

— Секретаршу уволь. Наталью Викторовну...

Захватов смерил капитана долгим взглядом. Таким долгим, что у самого шея заболела и потребовалось подавить на нее тяжелой лапищей, чтобы восстановить кровообращение.

— С ней сейчас уже беседуют мои ребята. Сделка состоялась. И Югов понял, что у него уже не будет обратной дороги. На диктофоне в руках Захватава слабо светился красный индикатор — запись идет.

3

Даже в самых чистых и самых фирменных поездах, даже в лучших вагонах все равно существует неистребимый запах железной, дороги. Мне довелось однажды ехать в поезде по самой крокодилей Африке, где нет линий электрических передач и не скоро они там появятся. Единственный на всю округу холодильник стоит в бунгало очередного племенного короля и работает от дизельной электростанции. Электростанция, в свою очередь, устроена в соседнем бунгало, что принадлежит капризному шаману племени. Если шаман рассердится, то королю придется пить горячее пиво. Но маломощная ДЭС, к сожалению, не в состоянии заставить двигаться локомотив. В отсутствие электричества африканские поезда тягают старенькие паровозики с высокими трубами. Вот тогда, впервые попав в вагон этого поезда, я и обратил внимание на особый запах угольной пыли. Запомнил. И сейчас легко ощущаю его в любом поезде любой страны. Даже в чистоплюйской наэлектризованной Европе, которую тоже довелось полностью пересечь. Откуда запах берется там, где угля нет и в помине, — неизвестно. Но факт остается фактом, и мой нос меня не подводит.

Билет я взял в купейный вагон. Попутчики попались странные. Не слишком горят желанием разговаривать. Как поздоровались при посадке, так и посчитали свой долг общения выполненным. Полная женщина, сразу плотно усевшись против меня, стреляет по сторонам всех подозревающими глазами и не отрывает руки от поясной сумки, которую спрятала под три спортивные майки. Вид при ее фигуре, мягко говоря, не совсем спортивный, а в трех майках в такую погоду жарко будет даже бегемоту, сидящему в своем болоте. Челночница с базара определяется в ней сразу. Челноками поезд в основном и заполнен. У них система закупки билетов отлажена. Только неудачники попадают в вагоны купейные, большинство едет в плацкартных. Там у них своя клановость и общие разговоры. Друг друга знают и понимают. Отпускники и командированные пробиваются в поезд с трудом.

Двое мужчин с верхних полок, судя по всему, бизнесмены не слишком большого полета — какие-нибудь посредники в каких-нибудь коммерческих операциях. Те, у кого полет большой, понятно, на самолетах летают. Этим же самолеты не по карману, но парни стараются держаться уверенно, и в глазах сквозит легкое презрение к неторгующему миру, каковой я в

купе представляю в единственном числе. Они меня вычислили сразу по открытой профессиональной улыбке. Хороший киллер всегда улыбается открыто, а я киллер хороший. Не профессию парни, естественно, вычислили, а непринадлежность к их классу. Если бы вычислили профессию, взгляды были бы иными. И, может, им вообще расхотелось бы ехать.

По манере поведения и по настороженным взглядам я сразу сообразил, что едут все трое до конца — в Первопрестольную, и едут с большими деньгами. При этом уверены, что каждый готов обокрасть их — стоит только отвернуться. Бедные, плохо же им спаться будет. Кроме того, подобные люди всегда с недоверием относятся к попутчику, который выходит раньше. А мне выходить как раз на половине дороги. Значит, будут за мной внимательно присматривать.

Ладно, доедем...

Обыкновенная вокзальная провожающая суeta кончилась быстро. Поезд тронулся. Началась суeta другая — устройство пассажиров в купе, окрашенное желанием получить максимум удобств или хотя бы минимум неудобств. Между двумя видами суеты существует непродолжительный промежуток времени, когда пассажиры еще цепляются взглядом за перрон и за провожающих. Что, улыбаясь своим мыслям, не преминул сделать и я. Меня интересовали те трое, что стояли при входе на перрон с большими дорожными сумками. Я их вычислил издали, когда они высматривали кого-то в толпе. С каждым поочередно мой взгляд встретился. Я приблизился. Рассмотрел. Теперь они так старательно искали не меня, с предельной внимательностью разглядывая других пассажиров, что я их сразу выделил. Выделил я их и по другой причине. Один из парней работает могильщиком в бюро ритуальных услуг. Однажды я видел его в конторе и один раз на кладбище, когда помогал товарищу хоронить родственника. Впрочем, чего-то подобного я и ожидал. Труповоз должен был отправить группу обеспечения деятельности моей группы обеспечения. То есть подстраховался, жирный боров. Дополнительная команда «чистильщиков». Двое — русские, третий — явно азиатского происхождения. И одет с азиатской неаккуратностью. Мятые, мешкообразные брюки словно специально приспособлены для переноски ведра экскрементов. Так все азиаты и кавказцы на базаре одеваются. Униформа.

Перрон проплыл мимо. Троицу я не увидел. Значит, они в поезде. К сожалению, поезд наш отправился слишком поздно — такое расписание. Вагон-ресторан в это время, должно быть, уже не работает. А то я попытался бы найти их там. Подобные ребята любят проводить время в ресторане.

Проводницы прошли по купе, собирая билеты. Постельные принадлежности уже разложены по полкам. Моя соседка достала из сумки халат, явно показывая желание переодеться. Мужское население купе, в которое и я вхожу, скромно пожелало подышать воздухом в коридоре. Там в самом деле попрохладнее — открыто несколько окон. Ребята с верхних полок вообще направились в тамбур. Покурить. Мне, некурящему, там делать нечего. Без необходимости вдыхать дым я не желаю, и потому я решил зайти в туалет, пока туда не ринулись все пассажиры. Как раз проводница открыла туалетную дверь.

А когда я вышел оттуда, взгляд сразу уперся в знакомую спину, и привычный уже холодок пробежал по коже. То ли вагон сильно шатало, то ли капитан от рождения такой неустойчивый — Югова основательно штормило в узком коридоре купейного вагона. Но капитан двигался вперед уверенно, заглядывая поочередно в каждое купе. Старался делать это словно бы ненароком, отчего получалось у него все весьма даже наглядно.

— Извините...

Обладатель тяжелого гибкого голоса пододвинул меня плечом, собираясь пройти в вагон вслед за Юговым. Таким мощным плечом не грех и вагоны вместо локомотива двигать. Я посторонился, вынужденно полуотвернувшись. Мне идти еще рано, потому что капитан может не вовремя обернуться.

Он и обернулся. И — судя по тому, как шарахнулся в сторону только что отодвинувший меня человек — в самом деле не вовремя! Это меня очень заинтриговало. Да и как не заинтриговать? Пьяный Югов продолжает следить за мной. Это понятно. Не удалось мне обмануть фээсбэшников глупым фокусом с авиабилетом и с телевизионным интервью. Непонятно только, почему капитан пьяный. Играет роль?

Но кто-то следит и за самим пьяным Юговым!

Кто? С какой целью?

Для меня это, возможно, вопрос жизни и смерти. Иначе рассудить — свободы или «зоны». Еще раз иначе — выигрыша или проигрыша в игре профессионалов двух конкурирующих ветвей спецслужб. И в данном случае моя Служба на моей стороне, если предупредила о возможности провокации со стороны их Конторы. Старая терминология. Раньше мы так и говорили — свое управление называли Службой, а КГБ звали Конторой. Пусть КГБ сейчас называется иначе, сути это не меняет. Все равно это — Контора. Сейчас даже приятно вспомнить старые времена. Хотя бы таким способом и при таких обстоятельствах.

Особенно — таким способом и при таких обстоятельствах! Особенно потому что дело касается меня. Хотя бы той стороной, к которой принадлежит Югов.

Если верить сообщению моего куратора, «ведет» меня ФСБ. Югов — офицер ФСБ. Он от меня не отстает. Следовательно, работает он на Контору. Но кто-то «ведет» и самого Югова. Предположение, что Служба пришла мне на помощь, отпадает. Я обязательно был бы предупрежден об этом. У куратора есть номер моего сотовика. Кто может еще? Внешняя разведка, выделившись из КГБ, так и не обзавелась, насколько я знаю, службой, работающей внутри страны. Они под пристальным ревнивым присмотром и не имеют возможности действовать самостоятельно. Тогда кто этот интеллигентный с виду громила?

Имеют собственный интерес какие-то криминальные структуры? К Югову или ко мне? Меня не знают и пытаются выйти на меня через капитана?

Вопросы встали злободневные, хотя выглядят риторическими. Вроде бы невозможно их решить. Но — невозможно только в том случае, если забыть, что в деле замешан спецназовец ГРУ, хотя и инвалид.

Я просчитал свои действия за доли секунды. Оценил стоящего рядом со мной крутоплечего человека — нет, я его не знаю. Не доводилось встречаться. Слишком колоритная фигура, чтобы такого забыть. И Югову не советую с ним спорить.

Югов тем временем подходил уже к последним купе в вагоне. Откуда-то из средних купе вышли две женщины, за ними еще женщина и мужчина. Все с полотенцами в руках. Двое пошли в одну сторону, двое в другую. Преследователь капитана правильно просчитал, что они «спрячут» его, и двинулся через вагон. Торопливо.

Я подождал.

Служебный тамбур следующего вагона обычно располагается рядом со служебным тамбуром

соседнего, в данном случае нашего. В служебных тамбурах не курят. Там сейчас никого не должно быть. А судя по спешке преследователя, он стремится капитана догнать. И беседовать он пожелает, показалось мне, без публики. Аплодисментов не любит.

Я рассчитал время и двинулся за ними.

— Чай будете? — скосила на меня глаза, выглядывая из служебного купе, проводница.

— Спасибо, чуть попозже, — улыбнулся я в ответ и шагнул к двери.

Излишне громкий стук колес сразу подсказал, что распахнута дверь в проход между вагонами.

И вторая дверь тоже распахнута. А за ней что-то происходит...

Но я не успел вовремя. Очевидно, не рассчитал, что разговор закончится быстро и перерастет в действие. Через два шага я уже увидел, как вывалились из-за угла бессильно согнутые ноги Югова.

Оставшиеся два шага я объединил в один скачок. Как-никак, а капитан мой знакомый, знакомых, даже случайных, следует выручать. Спрашивать, что произошло, в такой ситуации я привычки не имею. Все, как правило, что-то спрашивают. Хотят узнать, что же случилось, потому, должно быть, что своим глазам не верят. И теряют темп. А мне не хочется...

Крутоплечий мужчина как раз достал из подмышечной кобуры капитана пистолет. При хорошей подготовке он мог бы успеть отброситься на спину в угол тамбура и выстрелить в меня. Но при этом он должен быть уверен, что патрон в пистолете дослан в патронник. А снять предохранитель — это недолго. Однако у меня тоже хорошая подготовка. Должно быть, несколько лучшая. И я без сомнений воспользовался тем, что мужчина стоит нагнувшись — ударил сразу с шага ногой в челюсть. Этого удара хватило. Конечно же, я не убил его, но перелом челюсти должен быть сложным. Громила рухнул прямо на капитана, только что открывшего глаза. И не совсем еще понимающего спьяну, что произошло.

Я поднял пистолет.

— Как здоровье, капитан?

Но дожидаться ответа не стал. Отбросил незнакомца на спину, уверенный, что он не сразу придет себя, и достал из кобуры его пистолет.

Югов поднялся.

Я проверил карманы. И нашел удостоверение.

Майор ФСБ Мороз. Вот так ситуация. Что-то не поделили два фээсбэшника, а я влез по незнанию. Может, у них из-за женщины конфликт. И Мороз собрался выбросить Югова из поезда как более удачливого соперника. Может, зарплату не поделили. И вообще может быть что угодно. И мне следовало бы оставаться в стороне. Но раз влез в ситуацию, следует продолжать.

— Рассказывай.

— Я тебя искал... — У капитана испуганные глаза. Нельзя с такими глазами заниматься деятельностью, которая требует хладнокровия. То бишь оперативной работой. Кроме того, эта

деятельность непременно требует трезвой головы. — Предупредить насчет него...

Он кивнул в сторону майора, который глаз не открыл, но уже поднял руку и взялся ею за челюсть.

— О чем предупредить?

— Михал Михалыч послал. Предупредить, что генерал в Москву улетел после твоего выступления по телевидению, а этого майора поездом отправил... Тебя искать...

— Какой генерал?

— Легкоступов. Из Москвы. Они тебя «ведут».

— А ты с Труповозом работаешь?

— С кем?

Я забыл, что эту кличку придумал сам для внутреннего пользования. Другие ее не знают. Но Югов сообразил. Должно быть, после полученного удара он почти протрезвел. Или от испуга протрезвел.

— Что с ним делать? — спросил, показывая на майора. — Теперь он меня сдаст.

— Мне следует тебе объяснить, что в таких случаях делают? — Я посмотрел на него с откровенным презрением. Не люблю людей, которые в критический момент заплакать готовы. Более того, рассчитывают, что другие за них будут выполнять их законную работу.

— Я не могу... — у Югова задрожали губы.

— А мне это совсем не надо.

Майор открыл глаза. Но еще, кажется, не все видит. И ничего не понимает. Однако ему вообще ни к чему видеть нас с капитаном вместе. Только кто может дать гарантию, что он не увидел? Я без размаха ударил Мороза по голове рукояткой его же пистолета.

— Дальше — твоя работа. И быстрее. Кто-то может пройти. Хочешь «засветиться»?

— Я не могу...

Я достал из кармана связку и отстегнул железнодорожный стандартный ключ — он у меня всегда с собой в поездке. Сунул капитану в дрожащую руку. Отдал и пистолет майора, предварительно протерев носовым платком. А сам шагнул в проход между вагонами. Но совсем не ушел. И услышал, как открывается наружная вагонная дверь. Потом коротко раздался выстрел, приглушенный стуком колес. Судя по звуку, стреляли в упор. Через десять секунд дверь захлопнулась.

Я вернулся в тамбур, чтобы проверить за капитаном чистоту места. Крови на полу не было. Но пистолет он все еще держит в руке. Дурак, не сообразил вытереть отпечатки и отправить вслед за хозяином. И оставил улику.

— Оружие спрячь, — посоветовал я. — И выходи на ближайшей же станции.

— Бумажник... — протянул он мне бумажник Мороза. Догадался достать из кармана.

Я раскрыл. Денег майор возит с собой непростительно много. Я вернул бумажник Югову.

— Может прокатить за ограбление. Возьми, грабитель, себе... Раскладывай ситуацию. Что случилось?

Теперь нам можно разговаривать спокойно. Если кто и пройдет, то единственное, на что обратит внимание, — разговаривают двое мужчин. И даже не курят, потому что в служебных тамбурах курить запрещено.

— Легкоступов настучал на меня нашему генералу. За пьянку. Требовал отстранения меня от работы... — начал капитан. — Я вышел расстроенный. А тут как раз Захватов подвернулся. Поговорили. Я рассказал ему. На работу попросился...

Дальнейшее я мог представить и без рассказа. Если Труповоз почувствовал слабость в человеке, в котором нуждается, он не упустит случая придавить его.

Глава IX

1

Я отлично знаю все законы профессионального киллера. По этим законам и по логике так поганенько сложившейся ситуации Югова следовало бы ликвидировать. Никому такие свидетели не нужны, даже если они в ресторан за свой счет пригласят. Разве что захотят дать престарелому официанту раскладку, при которой ФСБ сует свой длинный нос туда, куда ей совать его не следует, — в дела военной разведки. В любом другом случае такие свидетели становятся в этой жизни людьми лишними. Тем более свидетели со слабостью характера. Но обстоятельства сложились в пользу капитана. Гибель двух сотрудников ФСБ в одном месте, да еще если учесть, что оба они разрабатывали один и тот же объект, то есть меня, едущего под чужим именем в этом же поезде, сразу наведет на след. Доказать что-то не смогут, но нервы потрепят основательно. Особенно если приплюсуют к делу запись моего разговора с Труповозом в его кабинете. «Жучок» я снял слишком поздно. Наверняка у них уже есть запись.

Пусть живет. Пока...

Охотников на такого редкого зверя, как капитан ФСБ, можно считать, уже бывший, найдется немало. Я не думаю, что Труповоз его выпустит. Или похоронит, или плотно загрузит работой на бюро ритуальных услуг. Ему такие информированные парни нужны. И квалификация у Югова, если ему пить не давать, несравненно выше всех остальных могильщиков из бюро. Хотя стреляет плоховато. Я же перед прощанием с капитаном поинтересовался:

— "Жучок" в кабинете Труповоза сработал?

— То есть? — засуетился он. Или надеялся, что я ничего о «жучках» не знаю?

— Наш разговор о Таманце был записан?

— Да.

— Пленку изъять можно?

— Пленку можно. Только запись в копии уже ушла в Москву. В отдел внутренних

расследований. И в распечатке сдана в наш архив. Зарегистрирована. Даже если стереть в компьютере электронную версию, останется «бумажная». Такие вещи всегда дублируются.

— При чем здесь отдел внутренних расследований? Этим-то я зачем нужен?

— Им генерал Легкоступов нужен.

— Легкоступов «вел» с твоей помощью меня, а ты, в свою очередь, «вел» Легкоступова?

— Да.

— Интересно получается. Ладно. Живи... — напутствовал я его и ушел в свой вагон, взяв по дороге у проводницы стакан с чаем.

За столом в купе ужинала моя объемистая соседка. И я сел с краешку, чтобы не мешать. Через минуту капитан проковылял мимо открытой двери по коридору. Не заглянул. Хотя это сообразил. Я посмотрел ему вслед. Югов словно состарился. Плечи сгорбились, и походка ковыляющая. Давит на него психологическая нагрузка непомерно. Должно быть, он сталкивался со смертью не раз — такая уж служба. Но впервые сам держал в руках чужую жизнь. И ноша оказалась не по нему. Это случается со многими. Сначала тяжело. Потом у большинства проходит.

Соседка долго утоляла голод. Наконец устала жевать, взяла полотенце и ушла умываться. Я переоделся и, поскольку время уже было позднее, завалился спать, так и не допив свой чай. Слишком трудной была предыдущая ночь, чтобы меня мучила бессонница. Даже после сегодняшнего происшествия в тамбуре соседнего вагона я не занервничал. Это хорошо. Не будет голова болеть.

А проснулся рано утром от храпа соседки. Парни на верхних полках спали тихо. А она просто захлебывалась собственными звуками. Впечатление было такое, будто бегемоты на болоте в футбол играют. И под их мощными лапами грязь хлюпает.

Я настойчиво постучал по столу. Женщина проснулась. Храпеть перестала и сразу ощупала поясную сумку, которую даже на ночь не решилась снять и спрятать под полку, на которой спит — вдруг найдется тяжелоатлет-рекордсмен, так нежно ее поднимет, что она не проснется, и сумку стащит. Сумка оказалась на месте. Соседка успокоилась, подняла голову и посмотрела на дверь. Должно быть, подумала, что стук раздавался оттуда. Но повторно никто не постучал, она повернулась на бок и благополучно уснула.

Я уже выспался. Но остался лежать с закрытыми глазами, заново прогоняя перед собой всю картину предстоящего и вспоминая прошлое.

Поезд приходит на место в час дня. Остановиться мне есть где. Не придется тратить время на поиски безопасного жилья. Это уже легче. Поэтому сразу по приезде примусь за дела.

Работа в этот раз предстоит нелегкая. И я не зря запросил с Труповоза солидную сумму. Рассчитывать на простой ход не стоит. Не получится. Таманец давно ждет удара в свои ворота. В городе криминогенная обстановка сложная. Он у всех на виду или, по крайней мере, на слуху и потому очень себя бережет. И знает, что с ним постараются рассчитаться. Я хорошо помню свой двухмесячной давности приезд в город. Тогда трижды встречался с Таманцем лично. Он хотел контролировать все детали моей работы. Дал мне двух своих ребят, которые обеспечивали разведку. Толковые, надо сказать, парни. Оба Афган прошли, и нам было о чем поговорить, что вспомнить. Хорошо они помогли. У Труповоза таких нет.

Тогда я сделал красивую операцию. Я люблю работать красиво и сложно. Иначе интереса в своей деятельности не вижу. Кто-то предпочитает простые и безопасные варианты. Снайпер, например, в состоянии решить многие проблемы. Где-то и снайперов используют. И платят им копейки. Но далеко не все и не так качественно работают, как могу работать я. Уровень киллера всегда определяется длиной дистанции. Чем ближе стоишь к клиенту, тем выше твой профессионализм. Это общепринятое мнение. Но никто из заказчиков не знает, что профессионализм сказывается в первую очередь в другом. В умении «красиво уйти» с места работы. Даже в боксе выход из ближнего боя — серьезная вещь, и нужны навыки, чтобы не получить случайного удара. В моей профессии случайный удар или выстрел могут все решить. Я пока справляюсь с задачей...

Таманцу в тот раз необходимо было продемонстрировать силу. Красиво продемонстрировать. Дерзко. Эффектно. Новые люди появились там, где он считал себя хозяином. Сильные парни, не считающиеся с авторитетами и договоренностями. С одной стороны, это походило на беспредел. Но их беспредел не касался посторонних, и потому их нельзя было отнести к беспредельщикам полным и организовать по этому поводу сходку, чтобы поставить новичков на место. Они оттеснили сначала более слабых конкурентов Таманца, которым он давал худобно существовать, потом стали подпирать и его самого. Несколько раз дело доходило до перестрелки. И Таманец потерял пару своих парней.

Теперь нужна была демонстративная акция. У него не было своих ребят, которые могли бы организовать подобное дело. Пробовали, не удалось. Еще двое получили по паре пуль, а двоих повязали менты. Тогда по рекомендации Труповоза, с которым Таманец иногда сотрудничает, он и пригласил меня. Сам пригласил. Приезжал к нам, три часа мы обстоятельно беседовали. Он пытался выяснить у меня подробности других моих акций. Наивный. Так я ему и выложу... Если я хоть что-то расскажу, то он сам от меня потом избавится. Без лишних разговоров. Узнают другие, тоже постараются. И будет большая облава на Ангела в камуфляже. А я человек заметный. Мне прятаться трудно.

И я другое рассказывал. Про Афган, про Вьетнам и Анголу, про Никарагуа и Сальвадор. И даже про работу в старушке Европе. Были и там акции. Аккуратные и хитроумные. Например, поведал я про ремонт дороги, пересекающей натовскую военную базу в Баварии. После этого ремонта, проводимого турецкими дорожными рабочими, с двух танков пропали экспериментальные прицелы...

Таманец улыбался. Как всякий настоящий мужчина, он такими историями интересовался. И мы сговорились.

До этого я не поднимал гонорар выше пятнадцати тысяч баксов. Таманец сразу предложил двадцать. Сам предложил. Я без суеты согласился. И не только из-за денег. Так Таманцу с милой улыбкой и объяснил:

— У меня такая, понимаешь, жизненная позиция: миром, я считаю, должно править добро. И люди должны жить спокойно. Богато и спокойно. Все. А люди типа тебя и Труповоза им этого покоя не дают. Вы желаете быть богатыми за счет бедности остальных. И те парни, с которыми ты хочешь разобраться, — они из той же серии. Ваши. Вот я и взял на себя неприятную миссию — чуть-чуть по принуждению, — глянул я в сторону Захватава, — но взял. Освобождаю мир от подобных вам людей. Улавливаешь ситуацию? Кто-то завтра «закажет» мне тебя или Труповоза. Я «заказ» выполняю. Чтобы мир от вас очистить. Это дело принципа. И никогда я не буду убивать людей обыкновенных. Которые простенько живут, не за счет других. Только если они мне помешают нечаянно. Тогда уж никуда не денешься. А специально или за деньги — не

буду...

— Такие никому и не нужны, — засмеялся Таманец.

— Неправда, — я не согласился. — Мне однажды предлагали семнадцатилетнего парня убрать. Полста «лимонов» сулили «деревянными». В старых деньгах. Парень — студент. И нечаянно оказался каким-то свидетелем. Дело простое. Легко можно было сделать. В те времена полета «лимонов» даже в «деревянных» хорошо стоили — однокомнатная квартира. Я не только отказался, я еще и парня две недели у себя дома прятал.

Таманец только посмеялся, изображая словно из камня вырубленной физиономией властное добродушие. Красивый мужчина. И я тогда подумал, что такого убивать, если доведется — большой грех на душу брать. Женщины мне не простят подобного поступка. Мужчин типа Таманца надо сажать для общественной безопасности в крепкий вольер и использовать в качестве производителя потомства. Пусть обслуживает желающих одиноких женщин. Качественных детей может наплодить. Хорошее пополнение человеческого фонда.

— Философ... — изрек Таманец тогда. Впрочем, совсем не обиделся.

— Ангел... — поправил его Труповоз, изобразив на жирной роже презрение.

Мне показалось, что Таманец лучше отставного подполковника понял меня, хотя интеллектом и уступает сильно. Но он от природы чувствителен. Ощущает жизнь остро. И рвется все взять от нее сразу, одним наскоком.

Сговорились мы с ним. Я приехал. И все организовал с помощью его разведчиков. Вспомнил, как турецкие рабочие натовские танки обчистили. И применил тот же вариант. Или почти тот же.

Мои клиенты резвились по молодости лет — все бывшие спортсмены-силовики. В их владения входила какая-то заводская база отдыха на берегу речки. Каждый выходной они играли там в футбол. Вот во время футбольного матча из недалекого леса и раздались две автоматные очереди. В ноги были ранены вратарь и стоящий рядом защитник. Стрелять двум парням Таманца пришлось с достаточно большой дистанции. И была угроза задеть посторонних, играющих против команды моих клиентов. Поэтому и стреляли только в тех, кто находился вдалеке от основной группы. А эти — вратарь с защитником — так себе парни, сывки, никого не волнующие...

Но факт остался фактом. Нападение было произведено. Что следовало ждать дальше, по логике вещей? Что они насторожатся? Мы с Таманцем даже поспорили по этому поводу. В психологии поведения человека в экстремальных ситуациях он не силен. А я эту психологию изучал. И подобный момент просчитывал еще раньше. По аналогии с другими экстремальными ситуациями.

Когда-то читал статью чемпиона мюнхенской Олимпиады по боксу Бориса Кузнецова. Он рассказывал о своей собственной тактике ведения боя. После плотной атаки он отходил только на шаг назад, противник в этот момент расслаблялся, а Кузнецов сразу атаковывал снова. И это приносило успех всегда. Повторная атака в момент расслабления противника. В любой ситуации после высочайшего напряжения следует расслабление.

По моему замыслу, обычно соблюдающие осторожность клиенты после не слишком удачного покушения расслабятся. Они не будут ждать второго нападения. А если и будут ждать, то с мотоцикла, потому что в лесу, откуда раздавались автоматные очереди, нашли след

мотоциклетной шины — лес тщательно обшарили сначала сами парни, потом и прибывшие менты. Подобрали пару десятков гильз и запротоколировали отпечаток протектора шины. Да и звук двигателя мотоцикла слышали.

Милицейский наряд прибыл из сельского райотдела. От них ничего интересного ждать и не следовало. Только акт составили. Но парни и не собирались жаловаться. Они знали, кто может их пугать, у кого есть к тому причины. Они так и поняли — их только пугают. Предупреждают. Но после предупреждения всегда должно следовать время, которое дают на раздумья.

А потом лидеры группировки на двух джипах поехали по обычному маршруту в сторону города. Может быть, они и видели утром дорожные строительные машины, стоявшие у обочины. Потому и не удивились, когда на обратном пути увидели их снова. Только теперь рядом с машинами сустилось четверо рабочих. То, что работа идет и в выходной день, никого не смутило. Обычно дорожники трудятся по вахтовому методу. Этот метод выходных не признает.

Джипы двигались на высокой скорости в облаках пыли. А навстречу им по своей стороне дороги ехал грейдер. Большой и мощный, с поднятым тяжелым стальным ножом. Из торопящихся джипов трудно разобрать скорость движения идущего навстречу грейдера. Более того, за счет своих гигантских размеров грейдер всегда выглядит ползущей черепахой. И только на расстоянии каких-то десяти метров грейдер вдруг резко взял влево. Джипам проскочить десять метров — вопрос секунды.

Водитель переднего не успел среагировать. Машина ударилась в мощный нож грейдера и сразу была смята и перевернута. А второй джип врезался в первый. Водитель второго как-то сумел включить заднюю передачу, но было уже поздно. Рядом из облаков пыли вынырнули загорелые дорожные рабочие в оранжевых жилетах. Я специально заставил ребят загорать целую неделю прямо в этих жилетах и не снимая брюк. Чтобы имели соответствующий вид. В руках у рабочих были автоматы. Стрельба длилась недолго...

Таманец тогда пришел в восторг. Оценил. Но как-то он оценит мои нынешние намерения? Ведь я предупреждал его, что с удовольствием приму «заказ» хоть на него, хоть на Труповоза. Интересно, воспринял ли он мои слова также серьезно, как я их говорил?

2

Генерал Легкоступов прилетел в Москву ночью. Самолет приземлился на военном аэродроме в Жуковском, и почему-то не пришла встречающая машина из управления, хотя Геннадий Рудольфович и заказывал ее еще до собственного вылета.

Десять минут ушло на попытку дозвониться дежурному по управлению. Тот равнодушно сообщил, что машина давно вышла. Уже больше часа, как должна быть на месте. Рекомендовал подождать.

Генерал не побрезговал бы добраться до Москвы и автобусом, но по ночам автобусы не ходят. Так и пришлось бы сидеть до утра, если бы за одним из пилотов не приехала на собственной машине жена. Легкоступов всегда считал, что женщина за рулем — потенциальный преступник, ежеминутно угрожающий жизни не только своей и пассажиров своей машины, но и каждой единице встречного и попутного транспорта. Женщина за рулем — то же самое, что курица на дороге. Так часто он сам говорил, если видел на дороге машину, ведомую представительницей слабого пола. И очень не любил, когда за руль садилась его собственная

жена. Но на сей раз доверить свою жизнь женщине он был вынужден. Время в отличие от самого генерала не обладает терпением.

Генерала поместили в «жигуленок» четвертым пассажиром на заднее сиденье. Было тесно, все в машине, включая водителя, курили, и это раздражало еще больше, чем отсутствие служебного транспорта. Но генерал стоически переносил неудобства и не показывал перед посторонними свое настроение.

Управленческую машину они встретили уже на подъезде к Москве. Водитель ковырялся в двигателе и почти целиком забрался под капот. Белая «Волга» стояла под фонарем, и потому Геннадий Рудольфович сумел рассмотреть номер. Но не попросил женщину остановиться. Его обещали доставить прямо до управления, где должны дожидаться начальника отдела офицеры оперативной группы, задействованные в операции.

Ночная Москва в часы, близкие к рассвету, поражала пустотой улиц и тишиной. Привыкшему к дневному оживлению человеку она казалась неестественной и плохо узнаваемой. Геннадий Рудольфович даже поймал себя на ощущении, будто вернулся в родной город после долгой разлуки. И не совсем узнает его!

— Где высадить? — спросила женщина за рулем.

— К следующему подъезду, пожалуйста.

Его подвезли прямо к подъезду. Левая дверца, рядом с которой сидел генерал, не открывалась, и пассажирам пришлось выйти, чтобы высадить Легкоступова. После неудобного сидения в тесноте затекли ноги, и на асфальте походка стала неуверенной.

— Спасибо, — поблагодарил он и захлопнул дверцу, когда пассажиры вернулись на свои места. — Я ваш должник. Что надо будет, обращайтесь...

Эта значительная фраза сама по себе ничего не значила. Летчики знают только, что везли вместе с грузом генерала ФСБ, но он представился им лишь по имени-отчеству, не назвав даже фамилию. И уж конечно, не оставил никому телефонного номера. Но фразу произнес, и вроде как расплатился за то, что его подвезли.

Машина тронулась, а он направился к подъезду.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — сказал дежурный, не приподнимаясь из-за столика. Приподнимается дежурный только при докладе директору или его заместителям. В ФСБ не слишком уважают армейские уставы, хотя и носят военную форму. — Вас ждут в отделе.

— Я знаю, — проворчал Легкоступов. — Машина, которую вы за мной послали, сломалась в дороге. Водитель ремонтирует. Сразу на выезде из Москвы. Если долго не будет, пошлите аварийную машину.

— Он только что звонил. Я уже послал.

Генерал прошел сначала в свой кабинет. Включил свет и задернул шторы. Провел пальцами по поверхности стола. За непродолжительное время его отсутствия набрался приличный слой пыли. Вытереть некому было...

Он сам почувствовал свое раздражение и понял, что начинает ко всему придирааться. Жена в этот момент, уловив его настроение, сразу включила бы компьютер и стала бы смотреть

транзитные аспекты — очень она увлекается астрологией. И обязательно нашла бы объяснение. Сам генерал плохо разбирался в тригонах, квадратурах, биквинтилях и соединениях планет, но астрологии верил, потому что не раз имел возможность убедиться в точности данных. Но применять астрологические выкладки на практике не доводилось. Если дело того требует, то следует действовать, невзирая на обстоятельства. А часто — и вопреки им. Практика учит, что иногда ситуацию следует просто ломать, чтобы повернуть обстоятельства к себе лицом и использовать их с пользой для дела. Такие методы не всегда одобряются, как, например, в настоящей операции, но приносят конкретный результат. А это главное, потому что победителей не судят. А вот с побежденных спрашивают строго.

Легкоступов взял трубку и набрал номер своего отдела. Еще перед отлетом он по телефону дал задания офицерам. И сейчас хотел узнать результаты работы. Ответили сразу.

— С приездом, товарищ генерал.

— Все на месте?

— Так точно. Вас ждем.

— Иду.

Он выключил свет в кабинете и прошел через длинный коридор. В ночное время коридоры тихи и спокойны так же, как улицы. Впрочем, здесь и днем не бывает суеты.

Офицеры задействованной группы собрались в самом большом кабинете отдела.

— Садитесь. Докладывайте, — генерал кивнул на приветствие и сам сел за стол, положив на столешницу руки вниз ладонями, как прилежный первоклассник. Такая поза помогает сосредоточиться не хуже, чем стояние лицом к окну. Это он знал из опыта. Окно в этом кабинете выходит во внутренний двор. А его наблюдать Легкоступов почему-то не любит.

— Неприятности. Большие... — сказал подполковник Сазонов, тщательно пряча глаза.

Что пришли неприятные вести, генерал понял еще раньше. По обстановке, царящей в кабинете, по напряженным лицам сотрудников.

— Ну-ну...

— Товарищ генерал, вы когда расстались с майором Морозом?

— Перед отлетом. Он посадил меня в машину, а сам отправился на вокзал. Что-то случилось с майором Морозом? — Легкоступов насторожился.

— Есть основания так предполагать.

— Не тяните кота за хвост... Рассказывайте.

— Пока вы летели, пришло сообщение. Обходчиком пути рядом с железнодорожным полотном обнаружен раненый мужчина. Огнестрельное ранение под основание черепа.

— Ночью обнаружили?

— Обходчик, слегка навеселе, возвращался со станции в свою будку. И наткнулся на раненого.

Будка была рядом, там связь. Обходчик сразу вызвал милицию и медиков. Мужчина скончался в машине «Скорой помощи». До больницы не довезли.

— Что говорит милиция?

— Документов при раненом не обнаружено. Но...

— Что?

— В кармане найдена дискета от компьютера, завернутая в черновик акта на списание патронов. Акт исполнен майором Морозом. Очевидно, из-за какой-то помарки или неточности пришлось его переписать. В заголовке присутствует название управления. Стала ясной причастность погибшего к нашему ведомству. Сразу подключили оперативную группу местного управления ФСБ. Выяснили, что майор Мороз сел на поезд, который проходил мимо места находки за сорок минут до того.

У генерала зло сузились глаза.

— Есть еще какие-то данные? Что было на дискете?

— Ни милиции, ни нашим местным сотрудникам раскрыть файл не удалось. Предполагают, что использовался шифр или какая-то редкая программа.

— Дальше. Перед смертью раненый приходил в сознание?

— Он сознания не терял, но был в очень тяжелом состоянии. Врач «Скорой помощи» говорит, что перед смертью все рвался сообщить, что ехал на юг.

Врач понял так, что мужчина собрался где-то на южном курорте отдохнуть, а вот теперь отдых срывается. И потому не очень прислушивался к невнятным словам.

— Какой, к черту, отдых...

Легкоступов встал и все же подошел к окну. Эмоции вырвались у него непроизвольно. Обычно он не позволял себе такого. И сейчас, глядя в темное окно, старался взять себя в руки.

— Пошлите двух человек для участия в следственных мероприятиях, — сказал Геннадий Рудольфович, не оборачиваясь. И еще одна мысль неожиданно пришла ему в голову: — На юг собрался? Отдыхать? Передайте-ка туда немедленно — пусть проверят возможность причастности капитана Югова. Пусть утра не дожидаются. Прямо сейчас. Впрочем, там уже почти утро...

— Кто такой капитан Югов? — спросил Сазонов. — Из местных?

— Пьяница, которого к нам приставили. Пусть обязательно проверят каждый его шаг...

— Юг... Югов... Возможно... — согласился подполковник. — Врач мог ошибиться. Проверим.

После такого сообщения, даже если уже все сказано, хотелось снова выяснять и выяснять подробности, даже зная малую информированность сотрудников отдела. Больно ударило сообщение. Но Геннадий Рудольфович взял себя в руки.

— Что с Ангелом? — без задержки перешел он к следующему вопросу.

Докладывать начал майор Соломин:

— Мы получили сообщение слишком поздно. Дежурный успел только предупредить сотрудника в аэропорту Домодедово. У нас там только один человек дежурит. Но у дежурного не было фотографии Ангелова, а в факсе у него кончилась бумага. Передавать на чужой факс фотографию не стали. По внешнему описанию из всех пассажиров подходило три человека. Сотрудник не мог проследить их всех. Единственно, двоих встречали машины, он записал номера, один растворился в толпе и пропал. Наш сотрудник подозревает, что третий сделал это очень умело — профессионально. Номера встречающих автомашин мы проверили. Одна принадлежит торгово-закупочной фирме, вторая — частная. Владелец — женщина, но за рулем был мужчина. Подробности можно выяснить только с началом рабочего дня.

— Выясняйте. Ангела мне из-под земли достаньте. Ему нечего делать в Москве. Предупредите всех наших сотрудников и осведомителей в аэропортах и на вокзалах. Раздайте фотографии. Он должен вскоре вылететь или выехать отсюда. Следите.

— У нас не хватит людей, — пожаловался майор. — Разрешите привлечь милицию?

— Никакой милиции. Это абсолютно исключено. Милиция вообще не должна знать, что мы этим человеком интересуемся.

3

Югов не вышел, а выскочил из поезда на первой же станции, как договаривался раньше с Захватовым и как настаивал Ангел. Выскочил, хотя ему так хотелось куда-то ехать, бежать — далеко-далеко. Спрятаться. Но пришлось выйти так быстро. И предстояло так же быстро вернуться в город. Чтобы никто не заметил его отсутствия. Хорошо хоть багажа с собой не было. Капитан уже почти протрезвел, но наступил более тяжелый момент — подошло похмелье и связанный с ним неизбежный комплекс страха. Руки у Аркадия тряслись, и казалось, что все смотрят на него, зная, что этот человек меньше часа назад застрелил и выбросил с поезда майора ФСБ. Голова соображала плохо, трудно было сосредоточиться и выработать правильную линию поведения, чтобы свести концы с концами.

Он перешел через рельсы соседних путей к зданию станции. Зал ожидания оказался закрытым. На перроне никого не было. Только светило сквозь толстую решетку из арматуры маленькое окошко в кассе.

Югов подошел. Спросил, когда будет электричка. Оказалось, осталась только одна, последняя, и будет она через сорок минут. Он купил билет, чем удивил зевающую кассиршу — в это время суток билеты никто не покупает по той причине, что ночью все контролеры уже мирно спят. Сунул билет в карман и вышел за здание на небольшую пристанционную площадь. И сразу попал совсем в иной мир. Этот мир в первый момент испугал, потому что показался чрезвычайно оживленным, а ему хотелось одиночества, в котором можно скрыть свой страх. Но уже через минуту окружающее и успокоило, потому что стало вдруг понятно, что жизнь продолжается, что все события могут пройти мимо него стороной, не задев карающей жестокой лапой.

Здесь уже ходили люди, торговали ларьки, и вообще казалось, что все идет своим спокойным чередом. Капитан снова вспомнил о своем похмельном синдроме, подошел к ларьку и купил три бутылки пива. Осмотрелся, где бы пристроиться, чтобы выпить. Не хотелось стоять здесь

же — у всех на виду. И отошел в кусты. Откуда-то в пяти метрах от него вынырнули три помятых бомжа — в последние годы непременный атрибут всех вокзалов и станций. Физиономии недобрые, глаза колючие, и кого-то эти типы могли в ночное время испугать. Югов тут же вспомнил, что перед ларьком доставал деньги. Много денег, потому что рубли лежали в одном кармане с полученными от Захватава в виде аванса долларами. Но ему бомжи были не страшны. Капитан недолго думая достал пистолет, отвел кожух в заднее положение и поднял стопор. Открывашка для бутылок готова. И он тут же воспользовался ею. А пистолет сразу перевел в нормальное положение и сунул в подмышечную кобуру. Бомжи все видели. Остановились в стороне. Намек поняли.

— Вам что, мужики? — спросил Югов, сделав два больших глотка.

— Вам бутылки не нужны?.. — просительно спросил один. Бомжи охотятся за бутылками. Это всем известно. Но все же капитан не был столь наивным и не предположил, что за бутылками ходят по трое.

— Когда выпью, здесь оставлю. А сейчас идите погуляйте...

Бомжи переглянулись.

— Мент... — донесся шепот.

Они ушли, оглядываясь. И посчитали, должно быть, что легко отделались. Хороший «мент» им попался. Менты, увлекающиеся пивом, бывают иногда хорошими.

Югов простоял в кустах долго. Не торопясь пил пиво и постепенно возвращался к жизни. Синдром отступил. И недавние события уже не казались такими страшными и ломающими его судьбу. Никто ведь, кроме Захватава и Ангела, не знает, что он был в этом поезде. Никто не знает, зачем он там оказался. И как могут предположить, что он — по естественной логике вещей и по своему муторному физическому состоянию отсыпавшийся в постели, вдруг оказался в поезде и убил майора Мороза? И главное — будут в первую очередь искать мотив. А у него нет видимого мотива. Никто со стороны его мотив не сможет определить. Опять же — только Ангел и Захватов. А этим выгодно молчать, поскольку все они теперь, как скалолазы, одной веревкой связаны.

Аркадий подумал так и сам удивился, как легко он перешел с одной стороны на другую. Словно на другую сторону улицы. А в действительности — на другую сторону жизни.

«А почему бы и нет? — спросил он себя. — Каждый человек выбирает себе сферу деятельности. Каждый старается работать там, где его больше ценят. И больше платят, что тоже важно. Не при коммунизме живем...»

И вообще он давно был готов к такому. Он давно хотел жить иначе, чем жил в последние годы. Почему кто-то может себе позволить многое, а он не может? Чем он хуже? А теперь он будет себе позволять...

Будущее слегка грело голову мечтами. Югов купил еще три бутылки пива и отправился на перрон. Вот-вот должна подойти электричка.

Он профессионально оценил ситуацию и встал на перроне так, чтобы просмотреть весь состав. Поезд пришел почти пустой. Только в некоторых окнах мелькнули головы припозднившихся пассажиров. Аркадий сел в последний вагон. И уже в ходе движения прошел на несколько вагонов вперед. По пути выбросил в открытое специально для этого окно опустошенный

бумажник майора Мороза и его удостоверение. В город надо приехать уже без этого. Подумал и выбросил майорский пистолет. Естественно, о своих отпечатках пальцев на документах, бумажнике и оружии он не забыл.

Теперь Югов совсем успокоился. Выпил еще бутылку пива и смог проанализировать ситуацию заново. Да, теоретически его найти можно. Сажая капитана на поезд, Захватов брал билет на его имя. Не мог же Михал Михалыч предположить, что в ходе простого дела вдруг появятся осложнения с «мокрухой». По этому билету найти Аркадия можно. Но для этого надо знать, что он собрался ехать. А этого никто и предположить не может, потому что нет видимой всем причины. Вряд ли кто-то проявит излишнюю догадливость.

Ну и что — был в поезде пассажир с фамилией Югов? Да мало ли Юговых в полуторамиллионном городе? Нет. Никто, даже если будут изучать списки, не обратит на фамилию внимания.

Под стук колес пиво плотно перетекало в желудок, и от этого думалось хорошо. Жалко только, что ехать до города целый час и сорок минут. А пива слишком мало. Но все же Югов растянул удовольствие на как можно более длительный срок. Он сидел у окна с той стороны, с которой выбрасывал из поезда майора Мороза. И старался восстановить в памяти хронологию своей предыдущей поездки, чтобы хотя бы примерно определить место. Но намерение оказалось невыполнимым. Да и что можно увидеть в темноте? Мороз наверняка скатился с насыпи и лежит сейчас в траве. И найдут его только завтра утром во время обхода путей. График обходчики соблюдают строго, это Югов хорошо знает — сталкивался еще в прошлом году в расследовании одного нудного и бесперспективного дела. Значит, завтра утром можно ждать тревоги. Может быть, и его пошлют с оперативной группой. Как-никак, а он знал московского опера лично...

Электричка подошла к городу. В небе чувствовалось скорое приближение рассвета. Еще полчаса, и запоют первые птицы. Уже на пустынном перроне Аркадий достал сотовик и набрал по памяти домашний номер Захватова.

— Алло, Михал Михалыч... Разбудил?

— Нет. От обеда оторвал... — зло ответил Михал Михалыч. — Кто это?

— Югов.

— А-а... Вернулся?

— С перрона звоню.

— Нашел Ангела?

— Хуже дело обстояло. Но это не телефонный разговор. Надо встретиться. Посоветоваться.

— Какие-то осложнения?

— И даже с последствиями.

— Выйди к троллейбусной остановке. Сейчас подошлю машину или сам подъеду. Та же самая машина, на которой тебя отвозили. Жди.

И он положил трубку.

Капитан вышел к троллейбусной остановке и сел на скамейку. Странно он здесь смотрится ночью, когда городской транспорт спит не менее крепко, чем горожане. Дважды на него обратили внимание из проезжавшей мимо милицейской машины. Но пьяным он уже не выглядит, и потому менты не остановились. Тем не менее неприятно себя чувствовать под внимательным разглядыванием. Еще неприятнее то, что в третий раз они могут и остановиться, могут пожелать и документы проверить. А ему вовсе не хочется быть отмеченным в каком-нибудь милицейском блокноте. Мало ли бывает случайностей на свете... Лучше уж пусть все думают, что капитан Югов спит в это время дома рядом с женой. Так спокойнее будет и ментам, и оперативникам ФСБ, которых гибель майора Мороза завтра сильно заинтересует. И ему самому спокойнее.

Откуда-то вдруг выплыло понимание того, что свидетелей в таких случаях убирают. Если менты станут свидетелями его ночного появления в районе вокзала — их надо убрать? Он сам усмехнулся своим мыслям. Знал, что не сделает так, но сразу возникшая в голове картина взбудоражила воображение, сделала его самого чуть сильнее и решительнее.

И вдруг он увидел другую машину. И тут же среагировал. Наклонил голову, поставил локти на колени и ладонями обхватил лицо. Ничего странного — обычная поза пьяного или сильно уставшего человека, пожелавшего вздремнуть. Но глаза оставались открытыми, и он наблюдал между пальцами за проехавшим мимо автомобилем. Света фонарей хватило, чтобы узнать ее.

Мимо Югова прокатилась дежурная «Газель» управления ФСБ. Свернула за вокзал, к линейному отделу милиции.

Что здесь делать коллегам?

Вывод напрашивался сам собой. Уже нашли каким-то образом Мороза. Тогда могут и самого Югова искать, чтобы провести опознание. Он один его хорошо знает. Могут домой приехать, а он в это время здесь прохлаждается на утреннем ветерке.

«Нет, — успокоил он себя. — Мороз остался без документов. Если и найдут, не скоро определят, кто это...»

Но сам Югов чувствовал, что успокаивает себя искусственно. Он уже понял, где спяну допустил ошибку — не проверил все карманы майора. Мало ли что могло там оказаться. И хваленый спецназовец Ангел не подсказал. Впрочем, Ангелову было бы выгодно «подставить» Югова. Тогда на него самого не падет подозрение. В противном случае будут думать именно на него. И он понимает, что Югову как человеку, имеющему высшее юридическое образование вдобавок к военному, совершенно ни к чему будет, если его арестуют, сдавать и Ангела, и Захватава. Тогда станет ясной его причастность к преступной группировке и судить будут совершенно по другой статье. И срок грозит гораздо больший. А если он скажет, что был один, что просто поругался с Морозом, дело может пройти более легко. А как и зачем оказался в поезде? Это наверняка спросят следователи.

Как оказался... Да просто спяну пытался выяснить отношения, после того как его отчитал генерал. Ведь не с генералом же эти отношения выяснять...

...Джип Захватава остановился рядом. Открылась передняя дверца, приглашая капитана в салон. За тонированными стеклами не видно, кто еще есть в машине, кроме водителя. Югов сел на переднее сиденье и глянул через плечо.

Захватов устроился, как мешок, на заднем сиденье слева, прислонившись боком к дверце.

Справа от него расположился мосластый телохранитель со сломанным носом. Этот профессионально глядит не на нового пассажира, а в окна по сторонам. Высматривает что-то. «Странный профессионализм, — отметил Югов сам профессионально. — Телохранителю положено нового пассажира внимательно осматривать».

— Что там случилось?

Лицо у Михал Михалыча заспанное, отекшее. Похоже, даже умыться не успел. Старый и рыхлый, а мобилизоваться, когда дело того требует, умеет. Этого у него не отнять. И не случайно в компьютерной картотеке ФСБ Михал Михалыч Захватов проходит по многим файлам. Есть за что...

Машина тронулась. Югов стал рассказывать. Не забыл выгодно показать свою физическую подготовку, когда он «ломал» севшего ему на «хвост» все сообразившего майора Мороза.

— Завалил ты, значит, хорошее дело... — сказал Захватов, выслушав рассказ.

— Что я завалил? — Югов не понял и не принял явного неодобрения.

— Все завалил. И себя подставил, и нас всех.

— Ерунда. Кто подумает, что это я?... — отмахнулся капитан.

— Конечно, — согласился Михал Михалыч. — Подумают, что это Ангел. И совсем плотно на него сядут в самый ответственный момент.

Он, сопя и утробно урча от злости горлом, помолчал минуту, а потом сказал, как Югов сообразил, мосластому телохранителю:

— Приступай.

И тогда только Аркадий понял, почему телохранитель смотрел не на нового пассажира машины, а по сторонам. Но было уже поздно. Струна удавки с болью врезалась в шею...

Глава X

1

В поезде единственное, наверное, удовольствие — это чай, если ты спиртным баловаться не любитель, да разговоры с попутчиками. Попутчики разговорились только после утреннего туалета. Не вступая сам в беседу, я уже узнал, что и на каком оптовом рынке Москвы лучше всего покупать, какие сорта уральского стального проката хорошо идут в московских фирмах, имеющих лицензию на экспорт, и как тяжело сейчас обстоит дело с реализацией цемента высоких марок — не ведется в стране высокотехнологичное строительство.

Из опыта я знаю, что проводники в вагонах, как правило, предпочитают пакетики с ароматизированным чаем. Я такой не люблю и с собой беру в дорогу свой. Но излишнее количество жидкости в меня не помещается. И потому я решил сделать то, что не смог сделать вечером по причине позднего отправления поезда — навестить вагон-ресторан и поискать там или в вагонах по дороге туда трех парней Труповоза, отправившихся вслед за мной.

В отличие от пьяного Югова я не собирался заглядывать в каждое купе и привлекать к себе лишнее внимание. Надеялся на удачу. И удача встретила меня уже в знакомом служебном тамбуре следующего вагона. Там колдовала следственная группа. Эксперт снимал отпечатки пальцев со всей поверхности стен. Еще два человека осматривали замок.

Еще трое, один из них в ментовской форме, стояли рядом. Разумеется, я не стал сообщать им, что виноват перед органами правопорядка в том, что не проверил за Юговым место происшествия. А он сдуру и с перепугу забыл закрыть дверь на ключ — это я понял со слов экспертов. Насколько я помню, на всех предыдущих станциях двери открываются в другую сторону. Сейчас это, должно быть, и привлекло внимание следственной группы. Других видимых следов на поверхностный взгляд заметно не было. Разве что где-то с внешней стороны осталась кровь. Но следователи — люди неразговорчивые. С посторонними — тем более. А я повел себя так, как повел бы себя на моем месте любой другой. И остановиться постеснялся, и без внимания их не оставил — притормозил и посмотрел. Но дальше двинулся без задержки. Неразговорчивые сыскари меня ни о чем не спросили. И хорошо. А то я вынужден был бы сказать им, что проходил вечером здесь и ничего странного, а тем более кого-то странного, не заметил. Сказать, что не проходил — нельзя. Проводница запомнила, как я выходил в служебный тамбур. Она чай мне предлагала. И должна была догадаться, что я не для того выходил, чтобы в грязное темное окно посмотреть. Пейзаж малоинтересный. Но старая мудрость гласит, что чем меньше задается вопросов, тем меньше приходится отвечать. А я вообще не намерен отвечать за действия капитана. Пусть сам выпутывается, если сможет. Но лучше будет, если ему поможет Труповоз. К сожалению, мы уже слишком далеко отъехали от нашего города и не добрались до другого, где сотовая связь работает устойчиво. Иначе я обязательно позвонил бы Михал Михалычу с первой же остановки.

Но успею позвонить и по приезде на место. Пусть он решает все вопросы со своим коллегой, раз послал ко мне такого оболтуса.

С этими мыслями я двинулся по вагонам. Между двумя из них на всякий случай снял со связки и выбросил на пути свой железнодорожный ключ. Экспертиза в состоянии определить, что дверь Югов открывал именно этим ключом. А меня должны посчитать главным подозреваемым, если узнают, что я еду в поезде. И могут искать ключ у меня. Только искать среди пассажиров они могут Ангелова. А я еду под другой фамилией. Но даже если они и найдут меня, без ключа у них не будет ни одной улики. Единственное, что мне могут предъявить — использование поддельных документов да хранение и перевозка оружия. Но здесь уже должен вступить в работу куратор и прикрыть меня. Для того он и существует. Обычно Служба потом сама разбирается со своими сотрудниками. Но ментам не сдает, если нет явного криминала.

Поезд сильно шатало. Так, пошатываясь, я дошел до ресторана. И по дороге сумел заметить одного из своей троицы. Он ехал в плацкартном вагоне и играл в карты с какими-то парнями. Двух других с ним не было. Правильно. Захватов — человек с головой. Он хорошо проинструктировал посланных. Им ни к чему показывать свои тесные целевые отношения. Вдруг да я окажусь излишне глазастым.

В вагоне-ресторане я скудно пообедал за сумму, эквивалентную расчету за ужин с девочками из кабаре «Мулен Руж» в парижском ресторане «Максим». Насколько я знаю, «Максим» — самый дорогой ресторан в Европе, а в «Мулен Руж» — самые дорогие девочки в Париже. Значит, если исходить из логики, в вагоне-ресторане обедать не менее престижно. Даже без девочек.

Но здесь меня, к сожалению, не дожидался даже слегка знакомый могильщик из бюро

ритуальных услуг. Тем не менее я остался уверен, что он едет в этом же поезде. Что же, увидимся, думаю, на станции назначения.

На обратном пути я застал следственную группу уже в нашем вагоне. Молодые менты хихикали, разговаривая с проводницей. Проводница тоже молодая, и поговорить им есть о чем. И она похихикать никогда не отказывается, если судить по всегда возбужденным, бегающим глазам. Я прошел к себе в купе, перестелил постель — люблю аккуратность с армии — и улегся на полку. Наверняка сыскари пожелают опросить всех пассажиров вагона. Мало ли кто что сумел заметить. Придется все же разговаривать. «Не видел» и «не знаю» — это иногда тоже хороший вариант, но он сам не дает информации. А если хоть что-то видел, то информацию можно и выудить.

Так и оказалось. Я уже успел подремать, когда они появились в дверях и поздоровались.

— Извините, нам необходимо задать вам несколько вопросов, — сказал тот, что в форме.

— А что надо-то? — недружелюбно спросила моя соседка. Двух соседей с верхних полок в купе не оказалось, и она приняла разговор на себя.

— Вы вчера не видели случайно вот этого человека?

Я сел, позевывая и протирая глаза.

Из-за спины мента в форме высунулась рука второго сыскаря и развернула лист термобумаги. Портрет майора Мороза. Довольно крупный портрет. Но факс в поезде или на станции — не знаю уж, где они сообщение принимали — работает из рук вон плохо. Изображение нечеткое.

— Никого я не видела. Я спала, — скороговоркой сказала соседка не вставая и старательно зажмурила глаза. Должно быть, сильно ее достали наши местные менты на базаре, где женщина торгует. Там ментовский рэкет, насколько мне известно, считается беспределным, потому что ментов слишком много, почти все они с похмелья и почти все стремятся похмелиться за счет торгующих.

— Вы бы хоть спросили про время, когда могли его увидеть... — укоризненно сказал мент в форме.

— Никого не видела... — не открывая глаз, повторила она и отвернулась к стенке, придерживая двумя руками свою поясную сумку. Именно к этой сумке она и боялась подпустить ментов — инерция мышления сработала даже так далеко от родного базара.

Я же заинтересовался и взял листок в руки. Рассматривал долго.

— А у вас в профиль портрета нет?

— Нет. Только в анфас прислали.

— Анфас, — поправил я, но мент, похоже, не понял.

Я еще повертел тонкий листок и так и сяк.

— Жалко. Похоже, вчера я его видел, — сказал я. — Хотел в вагон-ресторан вечером сходить, не знал, что он только с утра открывается. В соседнем вагоне похожий стоял. Только я его в профиль рассмотрел. Но у меня глаз наметанный, профессиональный. Кажется, что он...

— Вы кто по профессии? — спросил сыскарь в гражданском.

— Фотограф. Художник-фотограф. Я, если колоритное лицо вижу, тут же отмечаю. На этого посмотрел, сразу подумал, что надеть ему каску с фонарем на голову, лицо угольной пылью испачкать, и будет классический шахтер. Только черно-белый снимок. Цвет все испортит. Красиво бы получилось Лицо и добродушное, и волевое. Хорошее лицо.

— А назад возвращались?..

— Минут через десять-пятнадцать. Я, понимаете, вчера слегка тяжеловат был... Хотел пару бутылок пива взять. А вагон-ресторан закрыт. И там же, рядом с рестораном, какой-то мужик с бутылкой попался. Мы с ним прямо в тамбуре и выпили. Может, больше пятнадцати минут. За разговором время быстро летит.

— И в соседнем тамбуре?..

— Не было уже его. Никого там не было.

— А вот этого не видели? — Сыскарь в штатском показал второй факсимильный портрет. Капитан Югов собственной персоной, в форме Вот и информация...

— Нет. Этого не видел. У этого лицо никакое. Скучный, судя по всему, человек. А что случилось?

— Ничего, — грубовато отказал мне в праве на знания сыскарь. Вот же рожа хамская. К нему с душой, по-человечески. И о своем вчерашнем состоянии рассказал. И собственными наблюдениями поделился. И мнением насчет лица человека. А он в ответ так вот...

— Ладно, — мент в форме достал блокнот и карандаш. — Сообщите ваши данные.

— Айвазян Рамзес Эдуардович, — сказал я и повторил, чтобы не вышло ошибки. И назвал адрес, который был указан в паспорте.

Документы мент проверить не захотел.

— Спасибо. А где ваши соседи?

— Гуляют. Может, в ресторане сидят. Сходите... — предложил я. — Только пиво там не пейте. Прокисшее...

Сыскари ушли, как я видел, довольные. Нетрудно догадаться по вниманию исключительно к себе, что я дал первые показания, которые им удалось добыть. Но поиск продолжился. Они перешли в следующее купе, чтобы там пытаться пассажиров. Бесполезно. Никто событий в тамбуре не видел и ничего им не расскажет. Выстрел заглушился стуком колес, и едва ли кто смог принять его за выстрел.

С этими успокаивающими мыслями я откинулся на спину и уподобился соседке — закрыл глаза. Но не заснул. Надо будет попытаться дозвониться Захватову с первой же станции. Югов обречен. Если я не ликвидировал его, пусть это сделает Труповоз. У него сил для этого хватит.

Ближе к утру генерал Легкоступов решил съездить домой, хотя знал, что никто его там не ждет. Жена с дочерьми и с собаками — их у генерала по две, две дочери и две собаки — на даче. Но хотелось ощутить себя в домашней обстановке и хотя бы чуть-чуть расслабиться, отдохнуть.

— При первом же сообщении немедленно мне звони, — предупредил он подполковника Сазонова. Подполковник тоже ночь не спал, генерала дожидался вместе с офицерами отдела, но, при внешней медлительности и рыхловатой круглотелости, Сазонов отличается небывалой работоспособностью.

Может сутками из-за стола не выходить и не выпускать из рук телефонную трубку. — И еще вот что... Через каждый час звони сам, узнавай, как там обстоят дела относительно Мороза, и поторапливай их. Дави, чтобы поменьше пьянствовали и побольше работали. Без контроля они работать не умеют.

Гибель сотрудника, если в самом деле погиб майор Мороз, вещь не каждодневная. И дело даже не в том, что с генерала за это спросится. Просто управлению брошен вызов. Кто этот вызов бросил? Рисковый человек. Или был вынужден, или знает себе цену...

Но в любом случае этот человек должен ответить.

С этими мыслями генерал отправился домой, а не на доклад к начальству, потому что доклады было пока нечего, да и начальство в такие ранние часы еще не появляется. Следовало все выяснить окончательно. С подробностями.

Геннадий Рудольфович вызвал дежурную машину, которая быстро отвезла его в старый дворик на улице Гоголя. В предутренние часы движение еще небольшое, и у бордюров тротуаров на узких старомосковских улицах паркуются только те машины, которые здесь привычно ночуют. Генерал вышел у въезда во двор, отпустил «дежурку» и осмотрелся. Так всегда бывало, когда он возвращался откуда-то издалека. В душе поднималась теплая волна. По сути своей он был человеком домашним, свой дом любил и в каждой командировке или в отпуске скучал по нему.

Метла старого дворника привычно шуршала по выщербленному асфальту. Геннадий Рудольфович поздоровался с дворником за руку, как здоровался всегда. Обменялся парой ничего не значащих фраз и поднялся к себе на третий этаж.

На удивление, в квартире было совсем не пыльно. Не то что в кабинете. Не иначе жена вчера приезжала и навела порядок.

Взгляд отметил в пепельнице целую кучу окурков. Жена не курит. Да и на фильтре помады не видно, как бывает на окурках старшей дочери. Но если бы и приезжала дочь, то в квартире сейчас царил бы не порядок, а разгром. Неприятно кольнуло в груди, но привычка притупила чувство ревности. Генерал любил свою жену и всегда на нее надеялся. И сейчас постарался усилием воли заставить себя думать о другом. А думать ему было о чем.

Что могло случиться в поезде? Капитан Югов или поездка на юг? Мороз, если это действительно был он, ни о каком юге говорить не мог. Он мог сказать только о Югове. А врач понял его неправильно. Если бы это был милиционер, а не врач, тот обратил бы внимание на слова умирающего. А врачу простительно пропустить их мимо ушей.

Но все же?

Геннадий Рудольфович постарался вспомнить каждую из непродолжительных минут своего общения с капитаном. Он даже поставил их в воображении рядом — Югова и Мороза. Опытный и тренированный боевой майор, участник многих опасных операций — не должен он был позволить такому человеку, как капитан Югов, застать себя врасплох. Тем более основательно пьяному капитану. И вообще — как они встретились? Как Югов оказался в поезде? После резкой и справедливой взбучки, полученной от генерала, он должен бы был отправиться домой отсыпаться, потому что утром его вызовет собственное начальство. И предстать перед ним он должен бы в нормальном виде — на это-то хоть ума у капитана должно хватить.

Не хотелось верить, что человека, с которым ты несколько часов назад расстался, уже нет в живых. Тем более не верилось, что убийство мог совершить пьяный Югов. Не просто — что он в состоянии такое совершить, а что он вообще мог решиться на такое.

Зазвонил телефон. Генерал бросился к аппарату.

— Товарищ генерал, — уже по севшему голосу подполковника Сазонова Геннадий Рудольфович понял, что тот не с добрыми вестями. — Только что передали через сеть фотографии убитого.

— Мороз?

— Без сомнения. Сообщить семье или вы сами?

— Я с его женой не знаком. Пусть кто-нибудь из его близких друзей сходит домой, сообщит. Так, мне кажется, лучше будет. Только так... Почеловечнее... Что-то насчет Югова известно?

— Не могут его найти. Вчера вечером после звонка вам он ушел из дома, попросив у жены сто рублей, потом она хватилась, что он и без разрешения еще сто взял. Может, собрался куда-то ехать? Трудно сказать. Утром намереваются объявить в розыск.

— Почему утром? Немедленно надо.

— Провинциальные проволочки. Они еще не решаются поверить и потому тянут.

— Наши люди туда вылетели?

— Так точно. С ночным рейсом. Еле-еле успели. Их уже после завершения общей посадки в самолет сунули. Специально трап возвратили.

— Хорошо. Как только будет первый доклад с места, сразу сообщайте. У Соломина новостей нет?

— Ждет начала рабочего дня. Только тогда. Он по автомобильным номерам собирается действовать.

— Хорошо. Пусть тоже сразу звонит.

Генерал положил трубку и прошелся по квартире. Судьба майора Мороза больно задела его. Такой сильный и такой жизнерадостный. Был... И вот его уже нет. Суток не прошло, как разговаривали с ним. И никогда больше не будут разговаривать. И жена Мороза тоже никогда не услышит его голоса. Не дождется его домой из командировки, не предвещавшей никакой, казалось бы, опасности.

И вдруг Геннадий Рудольфович с непонятной тоской подумал — вполне могло бы так

случиться, что и его жена не дождалась бы мужа. Что толкнуло на преступление капитана Югова, если это был действительно он? Нет видимых причин. Вполне может так быть, что капитан расстроился из-за того, что Легкоступов позвонил начальнику их управления. Какой-то нервный срыв — и решил отомстить? Но он мог бы отомстить не майору, а генерал-майору, виновнику своего положения. Что бы случилось тогда?

Опять раздался телефонный звонок.

— Слушаю. Легкоступов.

— Товарищ генерал, новое сообщение. Проверены списки. Среди пассажиров был Югов Аркадий Валерьевич. Билет купил по броне прямо во время посадки.

— Ищите... — зарычал генерал в трубку.

— Еще сообщили... Предварительная экспертиза. У Мороза от сильнейшего удара сломана челюсть. Похоже, удар наносился ногой. И гематома на затылке. Возможно, его сначала ударили сзади по голове, а потом ногой в челюсть. Добивали. Он же мужик крепкий был и не слишком удачный удар мог выдержать.

— Возможно.

— Но, возможно, сначала в челюсть ударили, сломали, а потом уже пытались добить.

— Узнайте, владеет ли Югов карате. И мне сообщите.

— Я уже отправил запрос. Сазонов положил трубку.

Значит, все так и было. Значит, Югов поспешил разобраться с майором Морозом, который в общем-то капитану симпатизировал и даже защищал его перед генералом. А мог бы пожелать разобраться и с самим генералом. Просто дождался бы, когда он выйдет из подъезда — генерал один выходил, Мороз еще вещи собирал и по привычке вытирал по всей квартире отпечатки пальцев. Только один выстрел или удар, и все — и сегодня уже плакала бы не жена Мороза, а генеральская жена. Вдова то есть. Генеральская вдова...

Он подумал о жене, вернулся мыслями к окуркам в пепельнице и опять почувствовал себя неприятно. Похоже, те окурки мужчине принадлежат. И мужчина долго в квартире находился, потому что почти пачку сигарет успел выкурить. Конечно, есть такие, которые курят и по две пачки в день. Но это редкость.

Но Легкоступов не стал заикливаться на этой мысли. Опять прогнал ее искусственно. И подумал о жене иначе. Что стала бы делать она, окажись сейчас он на месте Мороза? Ведь вполне могло бы быть и так.

Он представил ситуацию, и ему стало жалко не себя, а жену. Такая беспомощная, совсем не приспособленная к жизни. Ведь она после института нигде не работала. И совсем потеряла свою квалификацию врача. Что ждет ее, если с ним случится подобная неприятность? Как она перенесет такой удар судьбы?

Затем мысль перешла на жену Мороза, которой он не знал, слышал только, что очень красивая женщина, но уже пожалел. Это тяжелая участь жен, чьи мужья имеют профессиональную склонность к риску...

И вдруг он подумал о других женах. О жене того же Захватава. Отставного подполковника Захватава, который обречен стать жертвой Ангелова только потому, что генералу Легкоступову понадобилось прижать самого Ангелова, заманить его в ловушку и основательно потрясти. Так, чтобы не смогли добраться до капитана-инвалида его сослуживцы из ГРУ. Чтобы была причина не выпускать его из-под опеки.

Он подумал о жене приволжского мафиозного бизнесмена Таманца, который должен стать жертвой Ангелова по той же причине.

Думать о женах было больно. Но там Геннадий Рудольфович видел цель. Людьми он жертвует. И делает это негласно. К тому же это не простые люди — это преступники, которых давно пора бы посадить, но возможности доказать виновность пока не было. Пусть их постигнет такое наказание.

А жен?.. Их за что наказывать?..

Генерал думал так и не вспоминал, как когда-то в молодости, еще на заре своей службы в КГБ, он пытался спорить со своим начальником, доказывая, что виновность может определить только суд и только суд вправе определить меру наказания.

Опять зазвонил телефон...

3

Когда-то — и приятно об этом сейчас вспомнить! — мне довелось потаскать на своих плечах достаточное количество различного груза. Иногда в дальнем рейде полная выкладка вместе с боезапасом за полета килограммов тянула. И ничего. Тягал, сопя, как паровоз, и скрипя зубами, словно горсть канифоли в рот засыпал. Частенько даже бегом с этим грузом носился. Под обстрелом. И сам отстреливался. Такая вот работа была. И именно потому сейчас, наверное, предпочитаю путешествовать налегке. Только небольшая спортивная сумка, в которой помещается все необходимое. Даже пистолеты и метательные ножи.

И потому мне на стоило большого труда собраться, когда подошло время высадки. Я попрощался с попутчиками и занял место в тамбуре первым, зная привычку пассажиров на больших станциях выходить для покупок и прогулки по перрону.

Поезд остановился. Проводница открыла дверь и откинула прикрывающую лестницу площадку. Она вышла первой, я следом за ней.

Опять этот же вокзал. Его давно реконструируют и никак не могут реконструкцию закончить. Новые контуры обещают что-то нью-модернистское. Посмотрим, что получится, если бог даст дожить...

Я вдохнул воздух полной грудью и осмотрелся. И лицо мое при этом выражало радость идиота, посетившего давно забытые места и пытающегося уловить в воздухе давно ушедшие в былое вибрации. Хорошее и нужное выражение лица. Оно дает возможность заметить слежку так, чтобы слежка не осознала себя замеченной.

Конечно, Труповоз был когда-то хорошим оперативником с богатым опытом. Но слишком он на этот опыт надеется и не желает знать той простой вещи, что у кого-то опыт может быть и

большим. На его месте я поступил бы не так. Не следовало отправлять своих парней одним со мной поездом. Они должны были приехать раньше, устроиться и обзавестись транспортом. А потом встретить Ангела в нужный час и проследить за ним. Незаметно. А Труповоз понадеялся на мою наивность. Подумал, что я слепо верю каждому подлецу, даже выплатившему мне аванс в размере пятнадцати тысяч баксов. Решил, что пара человек, которых он дал мне для обеспечения, вполне сможет справиться с бывшим спецназовцем. И проследит за ним, и сообщит остальным. Моя задача — мягко убедить Труповоза в обратном.

«Хвостов» я не заметил. Наверное, еще рано. От моего вагона не видно и троицу, ко мне приставленную. Но они сейчас и не пойдут за мной. Надобности не видят. Считают, что коллеги, которым я позвоню, потом сами приведут меня, недоумка, к ним. И с перрона они будут выходить скорее всего по отдельности. Они уже «засветились» перед отъездом, но этого еще не знают. Пребывают в безмятежном состоянии духа. В чем-то я могу их понять. Парни не обучены. И не предполагали, что я узнаю одного из них и «сфотографирую» в памяти остальных. А вот я бы такую возможность предвидел. И не стал бы выставлять на общее обозрение групповой портрет. Здесь я и Труповозу фору дам. Он парней не проинструктировал соответствующим образом. Но он и сам, воспитанный Конторой, считает себя пупом земли. И не берет во внимание выучку спецназа ГРУ. А напрасно. Я уже много раз доказывал, что отставной подполковник не прав.

Работать надо так, чтобы чей-то заинтересованный взгляд не смог заподозрить тебя в умысле. Вот как, например, действую я, даже не обнаружив за собой ни одного «хвоста». Потому что я знаю — против меня могут работать профессионалы очень хорошо подготовленные, которых даже тренированным взглядом не всегда определишь. Причем профессионалы эти могут быть и в ФСБ, и в криминальных структурах — бывшие сотрудники, пожелавшие получать более высокую зарплату. Явление не редкое. Капитан Югов — типичный пример. Сам Труповоз — пример еще более яркий.

Я прошел через подземный переход под "железнодорожными путями — галерею нового вокзала, которая смотрится очень соблазнительно, строители к моему приезду открыть не поторопились. И вышел сразу на привокзальную площадь. Прямо против выхода стоят такси, здесь же толкуются «частники», покручивая на пальце ключи от машины.

— Кому ехать надо? — традиционная, сотни раз произнесенная за день фраза. Как только у них язык не устанет... — Совсем за копейки... Поехали, мужик...

Я прошел к другой стоянке автомашин. Здесь водилы или кого-то дожидаются, или привезли кого-то на вокзал. Подошел к одному, обменялся парой фраз, ко второму. Разумеется, к ним могут сразу после моего отъезда другие люди подойти, предъявить удостоверение или показать кулак — в зависимости от собственной принадлежности к органам или к «крутизне», и спросить про меня. Оба водилы с удовольствием скажут, что я просил подвезти. И назовут один и тот же район. Согласиться подзаработать они не могли — они явно кого-то ждут. Здесь я промашки не дам. А почему не сел на машину возле выхода с вокзала? Ну, не захотел человек на такси ехать. Не любит он таксистов. Знает, что эти рвачи по три цены с приезжих дерут. Вот и все. В это время я краем глаза заметил, как от вокзала прошла к своей неприметной грязновато-серой «шестерке» женщина лет тридцати. Женщина с очень красивой фигурой, которую, к сожалению, не слишком видно под свободной одеждой. Ее и саму можно было бы назвать красивой, если бы не излишне жесткое выражение лица и не слегка тяжеловатая челюсть, показывающая упрямство. Я дал ей время, чтобы добраться до машины, а потом обернулся, высматривая следующего водилу. И «заметил» ее. Подошел. Спросил. Показал бумажку, якобы с адресом. Заранее чистую бумажку в кармане держал. Она кивнула и открыла дверцу. Я забросил на заднее сиденье сумку, а сам уселся на переднее. Пристегнул

ремень безопасности. Мы поехали.

И только когда миновали привокзальную площадь, она широко улыбнулась и сказала:

— Привет, Ангел... Привет, дорогой...

— Здравствуй, Таня. Здравствуй. Заждалась?

— Заждалась...

Глава XI

1

— У тебя все нормально, господин майор? — поинтересовался я.

— Пока спокойно. Никто не достает. — Она на меня не смотрит, зато часто поглядывает в зеркало заднего вида и в зеркало на дверце. Контролирует ситуацию.

Я замечаю во взгляде обеспокоенность.

— Кто-то прилип?

— Движение большое. Не пойму. «Волга» мне не нравится. С большой антенной. Такие на радиоприемники не ставят. Значит, со связью. Третий раз ее вижу.

— Проверь, — скомандовал я майору.

— Есть, господин капитан...

Она включила сигнал поворота, перестроилась из третьего во второй ряд и сигнал выключила. Но при приближении к перекрестку резко добавила скорость и прямо со второго ряда свернула вправо перед носом у затормозившего троллейбуса. Представляю, как долго искали вежливые слова для выражения своих чувств упавшие пассажиры!

И опять взгляд в зеркало:

— Нормально. Если они и за нами ехали, то не среагировали. Потеряли.

— Номер видела?

— Да.

— Раньше эту машину не встречала?

— Нет. И за мной «хвостов» не было. Я сразу после твоего сообщения начала тщательно проверять. Эти могли только тебя встречать. Но теперь они знают мою машину. По номеру смогут меня найти.

— Плохо. Проверить номер возможность есть?

— Дома — без проблем... Через компьютер. Я свободно захожу в сеть ГИБДД.

— Проверить надо до дома.

— Есть один знакомый мент. Обращусь.

Я достал сотовик. Протянул. Таня покачала головой и с улыбкой достала свой. Купила с гонорара, который я выплатил ей с прошлой акции. Последовала моему совету. Теперь показывает. Остановилась у газона, отстучала шесть цифр. Не любит разговаривать по телефону на ходу.

— Юра, привет. Да-да... Я. Я не пропала. Все в заботах о хлебе насущном. На одну пенсию сейчас не проживешь, сам понимаешь. Нет. Извини. Это дело уже прошлое. Давай хором поохаем, вздохнем и забудем про это. Два года — это срок... Спустя такое время только собаки своих хозяев вспоминают. У людей появляются другие привязанности. Договорились? Я по другому поводу звоню. Не можешь помочь в одном пустяке? Срочно надо. Машина тут одна за мной постоянно ездит. Надоела. Узнай...

Она назвала номер и положила трубку на колени.

— Через пять минут позвоню. Скажет.

Я не удивился ее памяти. Два года держит в голове номер и набирает его, не задумываясь. Взгляда в зеркало заднего вида достаточно, чтобы навсегда запомнить номер автомобиля. Таня и раньше, насколько помню, на тренировках могла за минуту вложить в голову пару машинописных строчек, заполненных цифрами. Не запомнить, а «сфотографировать» глазами. А потом восстановить в памяти. Ценная способность. Никто из наших не мог с ней в этом сравниться. Во время операции в Брюсселе, после единственного дня работы продавщицей игрушек на площади Короля Болдуина, Таня перечислила номера всех автомашин, приезжавших в штаб объединенного командования НАТО. Ее за такую способность попытались перетащить на агентурную работу, но она по характеру больше спецназовка. Подала рапорт и вернулась в группу через два месяца.

— У меня остановишься? — Когда в голосе звучит такая надежда, отказать трудно.

— Если ты не будешь против и если не будут против этого возражать чрезвычайные обстоятельства.

Таня улыбнулась. Когда улыбается, на лице совсем не написано, что она отставной майор спецназа ГРУ. Просто видишь не очень счастливую одинокую женщину, которой хочется быть ласковой и заботливой. Хочется быть именно женщиной, а не машиной для убийства. И улыбка у нее даже в глазах.

— Улыбалась бы ты чаще...

— Издеваешься?..

— Насчет обстоятельств?

Она не ответила. Только всплеснула руками и вдруг заговорила быстро-быстро:

— Ты не представляешь, как я к твоему приезду готовилась. За два месяца, что мы не виделись, я стала классным кулинаром.

— Ты? Кулинарум?

— Я. Не веришь?

— Если бы я не знал твоего упрямства, то не поверил бы. Но я знаю. Кстати, извини, мне тоже позвонить следует. Еще раньше надо было. Но на промежуточных станциях не получилось, не хотел этого делать на виду у всех.

Я взял трубку и набрал код и номер Труповоза. Он ответил сразу. Словно ждал моего звонка.

— Захватов. Слушаю.

— Привет. Это я. Я уже на месте. В дороге были некоторые проблемы. Ты в курсе?

— В курсе. Больше этих проблем не будет.

— Менты в поезде предъявляли его фотографию.

— Вот пусть они его и ищут.

— Понял. У тебя все?

— Да. Ты поторопись.

— Я не люблю, когда меня торопят.

Я дал отбой и кивнул на трубку в руках Тани. Она снова набрала номер.

— Это я. Узнал? Так. Понятно. Спасибо, Юра. Нет-нет... Я очень занята. Я теперь не одна. Да. Надо же свою жизнь устраивать. Хороший человек, не беспокойся...

Она нажала кнопку отбоя и посмотрела на меня, слегка поморщившись. Это выражение, как я понял, относилось к менту Юре.

— Назойливый старый поклонник?

— Дела давно минувших дней. Козел. Заместитель начальника нашего областного управления. Отвечает за борьбу с организованной преступностью. Значит, так, машина эта принадлежит районной администрации. Возит главу. «Хвост» отпадает. Так едем ко мне?

— Едем.

Она с места резко набрала скорость.

Таня — человек надежный. За время совместной службы мы с ней участвовали в трех операциях за границей. Я тогда уже был капитаном, а она в старлеях ходила. Потом меня обогнала. Физической подготовкой она не уступит мужчине-спортсмену. Боевой и интеллектуальной превосходит многих нынешних сотрудников спецслужб. Таких, как тот же капитан Югов. Я не говорю уже про заместителей местного областного ментовского управления. В прошлый мой приезд Таня прикрывала меня от возможного желания Таманца не оставить следов. И когда заказчик после удачной акции пригласил меня к себе домой на праздничный ужин, Таня страховала. На всякий случай не выпускала из поля зрения старшую дочь Таманца и его постоянную боль — семнадцатилетнюю наркоманку. Если бы от меня попытались избавиться, она предъявила бы мой жесткий козырь.

Сейчас она, как я рассчитываю, уже начала работать. Подробные инструкции я передал ей зашифрованным письмом через электронную почту сразу после получения «заказа». Удобная вещь — электронная почта. В старые времена работающие за рубежом разведчики «засыпалась» в основном на связниках. Сейчас работа через связника — редкость. Гораздо проще шифрованные сообщения отправлять через электронную почту. Почти моментальная доставка в любой уголок земного шара, куда проведены телефонные линии или где можно организовать прием спутниковой связи. Не менее удобно это и для тех, кто не желает стать прозрачным перед законом и его карающими мохнатыми лапами. Для крупных и мелких преступников, в том числе и киллеров.

Мы приехали довольно быстро. Старый дом на улице Степана Разина. Окна кухни выходят на спуск к Волге. Вечером приятно смотреть в эти окна. Из темноты видны только огни на теплоходах. Световые дорожки от них ложатся на воду. Как правило, каждое судно плывет с музыкой. И звуки разносятся по воде далеко-далеко. И ощущаешь спокойствие и величавость реки. Вечное спокойствие.

У двери Таня на пару секунд задержалась. Приподнялась на цыпочки, поглядывая на верхний косяк.

— «Контролька»? — поинтересовался я.

— Конечно... — для нее это обычное явление. Вот почему приятно работать с женщинами. Они не любят знаменитое русское слово «авось». И если уж делают дело, то с обязательной тщательностью, не забывая ни об одной мимолетной детальке. Вот и сейчас, отправляясь меня встречать, Таня не забыла поставить «контрольку» на дверь. «Контролька» — это нечто совершенно простое. Нитка или даже волос, приклеенные слюной между дверью и косяком, или прижатая к тому же косяку маленькая щепка, осколок штукатурки. Любой незаметный предмет, на который не обратишь внимания, если не знаешь о его установке. Коли приходишь и «контролька» не на месте, значит, квартиру кто-то посещал. Просто и действенно.

Она открыла дверь. Мы вошли. Но, несмотря на нетронутую «контрольку», Таня сначала прислушалась, а руку держала сбоку, готовая выхватить с пояса, из-под свободного покроя блузки, пистолет. Хорошо иметь тонкую талию. Пистолет легко спрятать.

— Квартира «чистая»?

— Вчера вечером каждый уголок со сканером облазила. — Она закрыла металлические жалюзи на окнах. Тоже гарантия от прослушивания. Металлические жалюзи почти глушат колебания негромкого человеческого голоса и не позволяют «снимать» с окон разговор направленным лучом лазерного звукозаписывателя.

— Вот и отлично.

— Есть три варианта дальнейшего нашего поведения. Сразу начинаю докладывать — раз. Сначала обедаем — два. Ты устал с дороги и хочешь вместе со мной отдохнуть — три.

Я так понял, что ей больше по душе третий вариант. Но у меня, к сожалению, настроение вполне рабочее. И время в самом деле сильно поджимает. Труповоз не будет зря торопить. Он понимает, что торопливость и качество — вещи взаимоисключающие. А для меня торопливость может оказаться еще и губительной.

— Совмещаем первый и второй варианты, — решил я. — А потом отдыхаем. Потом. Вечером.

Когда будут сделаны первые дела и появится первый результат.

— Годится... — расстроено вздохнула она.

Мы прошли на кухню. В прошлый свой приезд я мило пошутил — сказал, что у нее удивительная способность портить самые вкусные продукты. Обещала исправиться. Придется проверять выполнение, раз уж взял Таню в свою команду.

Она и здесь опустила жалюзи.

— Кстати, — сообщила, — в доме напротив окон спальни я трижды замечала в окне отблеск окуляров бинокля. Ночью с зеленым ободком [10]. Мне это не очень нравится, но я проверила. В квартире живет семья. Папа — отставной военный. Подполковник-пограничник. Сейчас работает в охранной фирме. Мама — медсестра. Сынок четырнадцати лет. Я подозреваю, что это сынок интересуется чужой интимной жизнью. Использует для этого папин бинокль. Возраст самый подходящий для полового созревания.

— Этого мало. Ты сына сама видела?

— Видела. Хилый прыщавый блондинчик. Семью проверяла через компьютер в менторской картотеке.

— Охранные фирмы любят совать нос в чужие дела. Тебе следует поинтересоваться соседями поплотнее. И обязательно изъять бинокль.

— Сделаю сегодня же.

— Сразу после доклада и сопутствующего обеда, — сказал я серьезно.

Она начала доставать из холодильника и ставить на стол тарелки с чем-то, выглядящим весьма вкусно. Другие тарелки поставила в микроволновую печь.

— Докладывай...

2

И все же пресловутая пепельница с окурками никак не выходила из головы генерала Легкоступова. Он не выдержал, посмотрел на часы — утро уже, в деревнях петухи отпели — и позвонил жене на дачу.

— Ты уже приехал? — удивилась она.

— Да. Обстоятельства заставили.

— Снова поедешь? Или останешься?

— Не знаю еще.

— К нам наведаешься?

— Нет. Мне надо быть поближе к работе. Ты сама-то когда в город приезжала?

— Как тебя проводила, больше не была. Вика только вчера ездила. У нее там дела какие-то.

— И после этих дел в доме остается полная пепельница окурков?

Вика — младшая дочь, только на будущий год школу закончит. Ей самой курить еще рано. Она и не курит, насколько Геннадий Рудольфович знает.

— Это не она, — вступилась мать за дочь. — Это ее новый друг. Он ее и назад привез.

— Что за друг?

— Не знаю. Молодой парень. Мне кажется, для нее староват — лет двадцати пяти, но ей нравится. Он и сегодня обещал приехать. Вика хочет сама пи рожков для него напечь. Пусть старается...

— Пусть. Но пусть не забывает, кто ее папа. И малознакомых людей, тем более в отсутствие родителей, домой приводить не надо. Так и скажи ей. Только аккуратно. Чтобы не обиделась. Ты сегодня не приедешь?

— К вечеру. У меня на огороде дел полно. А вечером тебе свежих помидорчиков с огурчиками привезу. Хороший в этом году урожай. Ты бы сам наведалься сюда, посмотрел...

— Некогда. Приезжай. Если у меня что-то изменится, я тебе позвоню.

— А что может измениться? Опять уедешь?

— Все может быть.

— Один или с Морозом?

Майор Мороз был частым гостем в их доме, и жена хорошо его знала. Кормить его любила.

— Один. Мороз не вернулся...

Он оставил фразу недоговоренной. Пусть жена не расстраивается. Ни к чему ей знать, что майор Мороз погиб. Будет о муже беспокоиться. Конечно, она знает, что служба у него непростая, но лишнее беспокойство ни к чему.

Геннадий Рудольфович положил трубку и прилег на диван. Отдохнуть. Ночной полет в дребезжащем всеми соединениями и заклепками транспортном самолете не самое приятное времяпрепровождение. И незаметно задремал. А проснулся от беспокойства. Что-то было в квартире не так, и он это явственно ощущал. Нет, никто чужой проникнуть сюда не мог — дверь генерал закрыл изнутри на задвижку, чтобы не возиться с замком. Но ощущение дискомфорта тоже должно иметь причины.

10

Зеленый светящийся ободок появляется в темноте у бинокля с подключенным прибором ночного видения, точно так же как у ночного прицела оптической винтовки.

В том, что служба в органах вырабатывает с годами повышенное чувство опасности, генерал не сомневался. Интуиция отточена и натренирована. Но чем это ощущение вызвано? Он прошелся по квартире. Осмотрел каждую комнату. Ничего. Тогда стал анализировать.

Вчерашнее пребывание в доме постороннего человека. Полная пепельница окурков. Должно быть, дело в этом. И не случайно мысли несколько раз возвращались к той пепельнице. Это и есть, наверное, толчок интуиции.

Зазвонил телефон.

— Слушаю. Генерал Легкоступов.

— Товарищ генерал, это майор Соломин.

— Да-да. Есть что-то новое?

— Выяснили относительно двух машин. Одна сразу отпадает. Человека проверили. Приехал в командировку. Внешне в самом деле слегка на Ангелова похож. Вторая, которая женщине принадлежит, была месяц назад продана. Не официально, а как все сейчас делают, чтобы налоги не платить. Оформляют на кого-то генеральную доверенность с правом продажи, и все... Она продала машину жителю Дагестана, у которого в Москве, насколько она знает, проживает сестра. Сестру мы нашли. Брата она не видела уже две недели. Кого он мог встречать с уральского самолета — не знает. Этот вариант остается открытым. А третий пассажир так и пропал.

— Ладно, майор. Продолжайте поиск. — Генерал посмотрел вдруг на люстру. — Кстати. Пришлите ко мне человека со сканером...

— Что-то с компьютером у вас? — поинтересовался майор.

— Нет. Сканер — на предмет поиска в квартире «жучков». Пусть мою квартиру осмотрят. Это срочно.

— Есть, товарищ генерал.

Геннадий Рудольфович положил трубку и стал дожидаться приезда специалистов. И сам удивился, почему так занервничал. Почему? Почему он посмотрел именно на люстру и принял решение? Опять интуиция?

Генерал сходил на кухню за табуреткой, поставил ее под люстрой, взобрался и стал осматривать.

Точно!

Интуиция не подвела. Вот он — «жучок»! Стал тщательно осматривать все комнаты. Буквально по сантиметру. Только звонок в дверь оторвал его от дальнейшего поиска. Геннадий Рудольфович взглянул в дверной «глазок». Приехали два спеца из управления. Быстро добрались. Умудрились даже ни в одну пробку на узких улицах не угодить.

— Заходите, — пригласил он.

И тут же приложил к губам палец, призывая соблюдать тишину, и показал «жучок». Спецы сразу сориентировались. Один вытащил из прибора усики-антенны.

Поиск занял почти час. Обследовали все тщательно. Особое внимание уделяли местам, скрытым от простого взгляда, но доступным для того, чтобы закрепить прибор в течение нескольких секунд. Обнаружили еще пять «жучков». Только комната дочерей оказалась «чистой» от прослушивания. На контроль была поставлена даже кухня.

— Телефон проверьте.

— Аппарат чистый. Ваш номер контролируется с центрального пульта. «Прослушка» давно была бы определена.

— Кто это мог?

Спецы пожали плечами.

— Подождите в машине. Я с вами поеду.

Он закрыл за офицерами дверь, подумал, собираясь с мыслями, и додумался только до одного. И снова набрал номер дачи. Ответила жена.

— Ты где сейчас находишься? — спросил он.

— На кухне.

— Рядом с тобой кто-то есть?

— Нет. Я одна.

— Приехал к Вике ее друг?

— Приехал.

— Можешь посмотреть номер его машины?

— Мне отсюда не видно. Машина боком стоит. Сейчас выгляну, посмотрю. А что случилось?

— Побystрее.

Трубка стукнулась о кухонный стол. Жена вышла. Через несколько секунд снова заговорила. Назвала номер.

— Так что случилось?

— Ничего. Просто хочу узнать, что это за парень. Не волнуйся. Имею я право знать, кого дочь приводит в дом?

— Ты думаешь, нам позволительно вот так соваться в чужую жизнь?

— Дочь мне не чужой человек. А ты не думаешь, что он может быть в розыске по алиментам?

— Ну, знаешь... Такой приличный молодой человек. По сравнению с ее одноклассниками он просто ангел...

— Не говори мне про ангелов... — сказал Геннадий Рудольфович раздраженно, вспомнив, что в деле Ангелова погиб майор Мороз.

— Что с тобой, Гена? — спросила жена. Он вздохнул.

— Извини, устал. Приезжай вечером. Я по тебе соскучился.

Положил трубку и вышел. Спец-электронщики ждали его в машине. Несмотря на оживленное, уже не утреннее движение, они добрались до управления быстро. Генерал сразу прошел в кабинет и позвонил в отдел.

— Проверьте машину номер... И все о владельце.

После этого позвонил в буфет и попросил принести ему черный кофе покрепче. Чтобы голову прочистить.

Доложили генералу через десять минут, когда он уже допивал кофе. Машина принадлежит старшему лейтенанту ГРУ Моргунову Петру Викторовичу. Из личных данных единственное, что заинтересовало генерала, — Петр Викторович женат, имеет двух дочерей, как и сам Геннадий Рудольфович.

— Морду ему набью, — сказал генерал. — Морду набью... Хотя бы девчонке голову не морочили...

Он понимал, что погорячился, знал, что никому он морду бить не будет, но гнев заставил его предпринять демонстративные действия.

Генерал позвонил в оперативный отдел и сообщил о случившемся.

— Сейчас этот человек у меня на даче. Вероятно, устанавливает «жучки» и там. Задержите его и «прозвоните» все помещения. Работайте жестче, чтобы понял, с кем имеет дело... — отдал распоряжение. — Моим домашним сообщите, что я в курсе событий.

И тут же позвонил по «красному» телефону — попросился на доклад к директору.

Генерала Легкоступова возмутило, что грушники проникли в его квартиру, используя доверчивость дочери. Это казалось нарушением моральных принципов. Но он ни на минуту не задумался, что будет с детьми того же Таманца, когда отца убьют...

3

Жевал я вдохновенно и неторопливо, отдавая дань стараниям Тани. И очень удивлялся тому несомненному факту, что за достаточно короткий срок можно научиться готовить так вкусно. Но это не мешало мне слушать ее очень внимательно. При этом я старательно не обращал внимания на то, что самой Тане трудно одновременно и жевать, и говорить. Издержки ситуации, которых избежать невозможно.

— За месяц в Таманца стреляли дважды. Начну по порядку. Первое покушение. Стреляли из пистолета. Три выстрела — три промаха. Охранники Таманца оттеснили и сами сумели ранить киллера. Сдали в ментовку его уже «готовым». Взяли, насколько я знаю, только с пулей в ногу. Второй выстрел, как показала экспертиза, был сделан в голову почти в упор. На лбу остались следы пороховой гари. Киллер — личность известная в местных кругах, сынок одного из здешних высших чиновников, обалдуй, приторговывающий наркотой, и рэкетиер, которого давно пора по этапам отправить, но всегда папа парня прикрывал. А тот наделал больших

долгов и хотел их таким образом отработать. Но зря его папа от армии отмазал — подготовки парню не хватило. Охрана сработала хорошо. В этот раз менты постарались не обратить внимания на данные экспертизы. Посчитали выстрел вынужденным. Дело закрыли. Я так понимаю, что парни Таманца допросили его по горячим следам и спокойно добились. Не хотели, чтобы папочка опять своего подонка вытащил. Как и предполагалось, покушение совершено в ответ на твою акцию. Это известие не из ментовских источников, но точное.

— На нашу акцию... — скромно поделился я славой.

Она кивнула с улыбкой. Но свою роль не преувеличивает. Ей и без того есть что вспомнить со времен службы. Ни одному киллеру такое не снилось.

— Мою скромную роль забудем. Идем дальше. Второе покушение. Стрелял снайпер. Не профессионал. Бытовой уровень. Использовал охотничий карабин «тигр» с оптикой и со сбитыми номерами. Обыкновенные патроны, которые в магазинах продаются. Пуля даже не пробилла бронированное стекло машины. Так стрелять можно только по дурости. От изощренного дилетантства. Даже не выяснили, что Таманец всегда садится на заднее сиденье сразу за телохранителем. Если бы пуля пробилла лобовое стекло, то все равно пострадал бы только телохранитель.

— Как Таманец себя ведет? Дергается?

— Нормально. Он мужик не из слабых, сам знаешь. Обеспокоена охрана. Твоя нынешняя задача поэтому сильно осложнена. Ближе к нему подойти невозможно. Если только...

— Если только не заставить его самого ко мне прийти. Это единственный в данной ситуации выход.

— Это же собиралась предложить я. Ты словно мысли читаешь... Расскажи, как это делаешь.

— У нас одна школа, и мысли движутся в одном направлении. Вот и весь секрет.

— Я даже вариант просчитала. Даже подготовила бы его к твоему приезду, но у меня не хватило оборотных средств. Затраты требуются большие. Но вариант заманчивый.

— Выкладывай.

— Продается квартира. Этажом выше тещи Таманца. Через два дома от него самого.

— Интересно. Сколько просят?

— Семь тысяч баксов.

— Сегодня же купим. Ты еще не договорилась?

— Договорилась. Знала, что ты одобришь. Через два часа встречаемся с продавцом в нотариальной конторе.

— Как часто Таманец навещает тещу?

— Раз в месяц.

— Значит, следует его вытащить туда?

— Следует.

— Это мы сделаем легко. Что еще?

— То, что «еще» мне не слишком нравится... — Таня даже помрачнела и блеснула глазами, отчего сразу перестала быть несчастной женщиной и сделалась припертой к стене Ратхой-дьяволом, закрывающей вход в пещеру [11] . Не хотел бы я быть в это время на месте хромого тигра с опаленными усами.

Я усмехнулся и сделал ей комплимент.

— Если не нравится даже тебе, то мне и подавно не понравится. Но все же интересно было бы узнать, что это такое.

— Я стала проверять ситуацию вокруг Таманца. На всякий случай. Или дополнительные пути поискать — про запас, или знать, с чем можно непредвиденно встретиться. Ты же, насколько помню, не любишь непредвиденностей. И выстроилась интересная картина. Кто-то сильно прижал Таманца, а он даже не знает, кто. Со всех сторон прижали, вздохнуть возможности не имеет. Сорвались два выгодных контракта, арестовали на таможне груз, хотя таможенникам было сполна заплачено. Компаньон сбежал с крупной суммой денег. Сбежал или исчез — это неизвестно. Таманец считает, что сбежал, а он мог просто по чьему-то приказу исчезнуть. Не мне тебе объяснять, как такие дела делаются. А по том еще у инвалидской фирмы, через которую Таманец торговал сигаретами без налогов, отобрали льготы. И все это произошло одновременно.

— И что? — насторожился я, уже сообразив, за какую гору закатывается местное солнце. Тут и ребенок просчитает варианты.

— У Таманца много долгов. При такой работе это естественное явление. У одних взял, другим отдал. Третьим сам дал в долг. Если нет систематизированного производства, то стабильности в финансах быть не может. И вот почти одновременно все его основные кредиторы вдруг сами ощутили сильное давление, и им срочно потребовались оборотные средства. Тянут с Таманца. А он застопорился. Только бензозаправочные станции, где он пока полновластный король, дают прибыль. Но заправки не смогут решить его проблем.

— Это не может быть стечением обстоятельств. Чтобы такое организовать, требуются громадные одновременные капиталовложения. Такое под силу только десятку московских олигархов или государству.

— Вот мы и пришли к самому интересному. Все дело в том, что Таманца прижимали почти без денег. Как-то так получилось, что прижимали его компаньонов. Одного взяли под следствие. Третьего заставили сбежать, бросив предприятие. Четвертый объявил себя банкротом. Пятый просто чего-то испугался и отказывается от всякого сотрудничества. Абсолютно ясно, что его чем-то существенным придавили для этого.

— И кто это делает?

— Мне пришлось рискнуть. Со своего компьютера я побоялась, но через «Интернет-кафе» вошла в сеть таможни. У них там защита гораздо мощнее, чем в ФСБ. Про ментовку я уже не говорю. Но я сумела. Несколько попыток делала. Пробилась. И полюбопытствовала. Им пришло сообщение о грузе Таманца из ФСБ, и был затребован отчет о проведении операции. Все документы подписаны генералом Легкоступовым. Более того, даже сотрудника приставили для контроля — знали, что Таманец таможне платит, а таможня дает «добро». Какой-то майор

Мороз этим руководил. Не знаешь такого?

Внешне я удар выдержал хорошо.

— Знал, — сказал я кротно. — Он сегодня ночью умер в поезде, которым я приехал. Упал в открытую дверь тамбура. Правда, перед этим получил перелом челюсти и пулю. Но я здесь ни при чем. Я имею в виду пулю. Стрелял его сослуживец, который тоже умер сегодня ночью. Не знаю только, какой смертью.

— И ангелы кружили над ними... — мрачно сказала Таня. — Слушай, Ангел, везде, где бы ты ни появился, тебя окружает смерть. Мне как женщине это не совсем приятно, хотя я принимаю это как офицер спецназа. Но ты сам как считаешь — ты не слишком увлекаешься?

— Ангелам и положено провожать людей в последний путь, — отшутился я. — Но ты не закончила.

— Закончить недолго. На основании одного факта, не имея других подтверждений, я делаю вывод, что Таманца пытается прижать ФСБ. Только почему? Чем он не угодил им?

— На это тебе отвечу я. Таманец — только пешка. Сильная, грозящая превратиться со временем в проходную, но лишь пешка. Идет какая-то другая игра. Большая. Которую я и сам не совсем понимаю. Вернее, совсем не понимаю. И я в ней что-то значу. И Виталий Пулатов — тоже. Он вчера звонил мне, предупреждал, что его пасет ФСБ. Контора творит какую-то комбинацию против Службы. И Таманец в этом замешан. И Труповоз тоже.

11

Ратха-дьявол — по Р. Кипплингу, волчица, вырастившая Маугли, закрывала собой вход в пещеру, угрожая тигру Шер-Хану и не пуская его. Символ отчаянной храбрости.

— Кто такой Труповоз?

— Человек, который «заказал» Таманца, а два месяца назад нас познакомил. Мой постоянный работодатель. Я не такого высокого мнения о значимости собственной персоны, но иногда мне кажется, что вся эта комбинация сводится лишь к тому, чтобы я убрал Таманца. Тогда против меня что-то будет. Меня постараются прижать и использовать. Но конечную цель этого мероприятия я не вижу.

— И все же идешь на него?

— Иду. Во-первых, это моя работа. Вмешательство ФСБ создает дополнительный спортивный интерес, но не более того. Во вторых, я просто горю желанием узнать, зачем мог понадобиться Конторе инвалид. Вернее, целых два инвалида, если и Пулатова считать. Просто так фээсбэшники ничего не делают. Чтобы их планы разгадать, я вынужден плясать под их дудочку. Правда, стараюсь исполнять танец под свою режиссуру.

— Тебя тоже «вели»?

— Да. Плотно. Но я сумел уйти. Они думают, что я сейчас в Москве. Если засекли звонок Пулатова ко мне, то уверены — я до него добираюсь, чтобы выяснить ситуацию. Если звонок не

засекли, то ломают голову, что мне в Москве понадобилось, когда, по их расчетам, я должен быть здесь.

— Откуда у тебя такая уверенность, что они все знают? Не преувеличиваешь их всемогущество?

— И у меня дома, и в офисе Труповоза, где мы торговались относительно Таманца, стояли «жучки». Они знают, что я взялся за дело. Я, правда, надеялся, что они не знают, кто такой Таманец. Но ты мои сомнения развеяла. Им занимался майор Мороз, который разрабатывал и меня.

— Но мне кажется, что они с удовольствием получили бы по лишней звездочке на погоны, просто арестовав тебя. Зачем огород городить?

— Они, несомненно, с удовольствием бы так и сделали. Если только у них нет большей цели. Сейчас они, похоже, звездочками обойтись не желают.

— Какой цели?

— А вот это мне и предстоит узнать. То есть нам... Будем узнавать вместе?

— Будем. Но я человек, как и ты, воспитанный Службой. Не проще было бы обратиться по инстанции? Они прикроют, и никакая ФСБ до тебя не доберется.

— Милая моя. И я всю жизнь буду прятаться?

Всю жизнь буду бояться, что кто-то снова начнет за мной охоту? Нет. Спасибо. А потом, я уверен, что Служба сама послала бы меня на это дело. Им тоже должно быть любопытно — что ФСБ замыслила.

— Может быть, и так. Но все же поставил бы ты их в известность.

— Я думаю, они при необходимости сами все узнают. Я сработаю «в автономке» [12]. Ты со мной?

— Куда же ты без меня денешься...

— Тогда, в свете твоих сообщений, я пойду на небольшую провокацию. — С удовольствием проглотив остатки какого-то невообразимо вкусного салата, я достал трубку сотовика. — Не подскажешь мне код города Электростали?

Она помнит чуть ли не все коды городов. По крайней мере, если хоть раз туда звонила.

— Подскажу.

12

«Автономка» — автономный режим работы спецназовцев, то есть без связи, без поддержки.

Глава XII

Виталий Пулатов оказался дома.

По моим данным, он нигде не работает, с женой развелся год назад, неделю хорошенько попил, потом успокоился и начал заводить новых жен. Но каждую не больше чем на месяц. Мне рассказывал об этом общий товарищ, проезжавший через наш город. Встретились мы на вокзале и за восемнадцать минут стоянки успели выпить литров пять пива и обменяться новостями обо всех сослуживцах. Кто что знал.

— Слушаю, — буркнул Виталий в трубку. Очень недовольно буркнул. Не в настроении старый боевой конь. Но, кажется, трезв.

— Любезный друг, вы случайно не помните нашу встречу возле Пизанской падающей башни?

— Помню, — сказал он — Ты откуда, старый хрен, взялся? — Он не знает ситуации и не называет меня по имени.

— Доложить по форме? Докладываю. Капитан Ангелов прибыл в ваше распоряжение. Очень желал бы с вами встретиться возле Пизанской башни, которая расположена вблизи Курского вокзала, куда, как я помню, в нужное время прибывает ваша электричка. — В отличие от Виталия я свою задачу знаю. И потому представляюсь. Чтобы все, кому хочется, слышали. Очень даже надеюсь, что они меня услышат.

— Понял, обязательно там буду...

— Вот и обменяемся новостями. До встречи... Я нажал кнопку отбоя и убрал трубку.

— О чем ты говорил? — не поняла Таня. — О какой падающей башне?

— Не поняла? И отлично. Значит, и они ничего не поняли. Но подумали, что я в Москве и назначил свидание Витальке недалеко от Курского вокзала.

— А что понял он?

— Мы вместе работали в Италии. В Пизе. Отлавливали там одного нашего беглеца из ученых-химиков. По договоренности, я был занят непосредственно в операции, а Виталий отвлекал. Мы созвонились и условились о свидании как раз в то время, когда мне надо было действовать. Меня в лицо не знали. И Виталий долго крутился, отрываясь от «хвостов». Вступал в контакты с каждым встречным, распыляя их силы. Потом все-таки полностью оторвался. Демонстративно. Но свидания и не было задумано. Так и сейчас. Они пойдут за ним, чтобы лицезреть меня, а я буду работать здесь. Пулатов сумеет оторваться, и все будут уверены, что свидание состоялось. Понимаешь хитрость?

— Понимаю. Ты уверен, что понял Виталий?

— Пизанская башня — что может быть яснее!

Таня улыбнулась и взглянула на часы.

— Теперь мне надо поработать. Ты пока отдохни.

Она взглянула на закрытое жалюзи окно.

— Сделай это, — согласился я. Не люблю, когда за мной наблюдают посторонние. И не будешь же постоянно смотреть на мир сквозь жалюзи. — Только проверь — нет ли кого дома.

— Это в первую очередь, — согласилась она. И набрала телефонный номер. Трубку никто не взял. — Мальчик на Волге. В такую погоду только на пляже ему и место. На девок без бинокля смотрит. Я пойду.

Она прошла в комнату и достала из ящика стола связку отмычек. Точно такую же стандартную, как у меня.

— Помощь не нужна?

— Справлюсь.

Хлопнула дверь. Я прилег на диван. Странно, но я совершенно не испытал волнения или страха за нее. Наверное, слишком хорошо ее знаю, чтобы переживать. Она все сделает, как надо. И если вдруг что-то случится, я не завидую тому менту, который попытается ее задержать.

Я уже слегка задремал, когда Таня вернулась. Услышал только шевеление ключа в замке.

— Как дела? — спросил, не открывая глаз.

Она с грохотом бросила что-то на стол. Пришлось совсем проснуться, чтобы посмотреть — проклятое любопытство заставило.

Бинокль в футляре.

— Американский, кстати, — прокомментировала Таня.

— Папаша или сын?

— Сын. Подростающий сексуальный маньяк или малолетний онанист. В столе у него несколько порнушных журналов с закладками. Выбирает женщин по своему вкусу. Нравятся жгучие брюнетки, хотя сам прыщавый блондин. Я наблюдала за ним. Внешне всегда сонный мальчик. Да как же ему не быть сонным. Похоже, он ночи напролет с этим биноклем проводит...

Она брезглива. Голосом показывает и бинокль бросила так же. При чем здесь бинокль? Дорогая техника. Я взял прибор в руки, достал из футляра. Рассмотрел. Питание аккумуляторное. Не надо о батарейках заботиться. Только вовремя аккумуляторы подзаряжать. Зарядное устройство в футляр вмонтировано. Смотришь в окуляр, а там еще и часы высвечивают, и определитель дистанции. Удобно.

— Я такие в Афгане видел. У «духов»...

— Папа у пацана в Таджикистане служил. На границе с Афганом. Бинокль, судя по всему, трофейный.

— Теперь это твой трофей.

— Ладно, собирайся. Едем в нотариальную контору. Будем квартиру покупать.

— Я всегда готов. Только лицо сполосну.

Я зашел в ванную и посмотрел на свои часы — потому что окуляры бинокля показали, что я

дремал около сорока минут. Нет. Все правильно. Столько времени и прошло.

Долго же Таня ходила в соседний дом... Мне такие продолжительные прогулки почему-то не нравятся.

2

Геннадий Рудольфович вернулся от директора расстроенный. Любого огорчит сообщение, что служба внутренних расследований так и не отстаёт от него. Требуют отчета о состоянии текущего дела. Знают уже о гибели майора Мороза. И этим обосновывают свои претензии. Понятно, дело нешуточное. Он такого и ожидал. Более того, он предполагал, что «жучки» в его квартире установила именно служба внутренних расследований. И вздохнул чуть ли не облегченно, когда узнал, что это «прилипло» ГРУ. Но теперь и свои опять донимают. Они и раньше надоедали. Потом вроде утомонились. Теперь снова. Придется писать и изворачиваться, чтобы не выдать действительной цели операции.

Из кабинета генерал позвонил в буфет и попросил двойную порцию кофе. Скоро в дверь постучали.

— Войдите, — крикнул он, ожидая, что это буфетчица, но в дверь почти ворвался возбужденный майор Соломин. Помахал трубкой радиотелефона.

— Есть, — крикнул с порога. — Нашелся.

— Садись, — сказал генерал спокойно. — И докладывай все по порядку.

— Мне сейчас принесли запись «прослушки» с телефона Пулатова. Ему Ангелов звонил.

— Откуда?

— Из Москвы.

— Откуда ты знаешь, что звонил из Москвы? Засекли номер?

— Нет. Звонок был с сотовика.

— Он мог с таким же успехом звонить из Новосибирска или с Дальнего Востока, мог звонить из Парижа и из Каира. Отовсюду, где есть сотовая связь.

— Так он свидание назначил у Курского вокзала. Вы послушайте, товарищ генерал... — Соломин достал кассету.

— Вот с этого и следовало начинать. Легкоступов сразу подобрел. Вставил кассету во встроенный в стол магнитофон и включил воспроизведение.

— Не очень понятно, — покачал он головой.

— Да, здесь, несомненно, идет какая-то кодировка. Наши дешифровальщики уже засели. Пробуют разобраться. Хотя говорят, что слишком мала периодичность слов, чтобы добиться быстрого результата. Но встреча-то назначена. Нам кодировка не так и важна. Будем скрытно «вести» Пулатова, выйдем и на Ангелова. И уж тогда его не отпустим, пока он в Волге

искупаться не пожелает.

— Нам ничего больше не остается. — Генерал позволил себе даже слегка улыбнуться — редко подчиненным доводится видеть его улыбку! Недавние пессимистические мысли улетучились легко. Теперь не страшна и служба внутренних расследований. Не страшны уже и парни из ГРУ. Дело пошло. — Ловко он нас там провел. Мы собрались на поезд садиться, а он в Москву улетел... Хорошо еще, что проговорились тележурналистка. А так мы и не знали бы, где его искать.

— Теперь возьмем в такое плотное кольцо, что шагу без нас не сделает.

— Только вот почему Ангел назначил эту встречу именно Пулатову? — пришла внезапно в голову мысль. — Он что-то знает? Возможен вариант, что знает? И потому желает Пулатова предупредить? Или наоборот, Пулатов его уже сам предупредил? Как часто они общаются в повседневной жизни?

— Есть у меня на этот счет мысли. Не успел вам доложить. Пулатова мы «вели» жестко. Он нас, конечно же, видел. И знал, что телефон прослушивается. Никаких серьезных разговоров из дома не вел. Но был один момент позавчера, когда он зашел там, в Электростали, в типографию на улице Мовтесяна. К знакомому. Прямо в кабинет. Наши люди пройти за ним не могли. Но через окно видели, что он разговаривает по телефону. Я уже распорядился проверить. Это мог быть междугородный звонок.

— Проверьте побыстрее и доложите мне. Возможно, именно этот звонок и заставил Ангела изменить планы и прилететь в Москву. Еще что-то есть?

— Все.

— Идите. Работайте.

В этот момент в дверь снова постучали.

— Войдите, — крикнул генерал.

На сей раз принесли кофе, и следом за буфетчицей вошел подполковник Сазонов. Сделал майору, столкнувшись с ним в дверях, знак остановиться и дождался, когда буфетчица уйдет.

— Новости? — спросил Геннадий Рудольфович.

— Кажется, ваш Ангел всем мозги в косички за плел...

— Что такое? — Генерал показал на стулья подполковнику с майором.

— Новое сообщение с Урала. Следственная бригада линейного отдела опрашивала пассажиров поезда. Предъявляли фотографии майора Мороза и капитана Югова.

— Откуда у них фотографии? — спросил Легкоступов.

— Мы по факсу переслали.

— Я же предупреждал, чтобы милицией близко не пахло. Нельзя подпускать их к делу.

— По подследственности дело принадлежит им. Они занимались бы им и без нашего разрешения. Так мы хотя бы в состоянии обосновать свой контроль.

— Ладно. Докладывайте дальше.

— Один из пассажиров, — Сазонов заглянул в бумажку, — некто фотограф-художник Айвазян Рамзес Эдуардович, как сам представился, видел Мороза стоящим в тамбуре. Запомнил лицо, хотя тот стоял в профиль. Сказал, что хотел бы такого человека сфотографировать в шахтерской каске. В том самом тамбуре видел, где предположительно и произошло преступление.

— А при чем здесь Ангел?

— Уже позже, когда поезд ушел, оперативники рассматривали личные вещи майора Мороза. И обнаружили в «дипломате» фотографию этого самого Айвазяна. Передали сообщение по линии, но было уже поздно. Айвазян вышел из поезда.

— И что же?

— В «дипломате» у Мороза была фотография Ангелова. Нам переслали ее по факсу. Значит, Ангелов не улетел в Москву, а поехал поездом прямо до места назначения. И именно он видел Мороза в тамбуре... И вполне вероятно, что именно он сбросил его с поезда...

Генерал на минуту задумался.

— Но он же не знал майора в лицо, майор ни разу не приближался к объекту. И даже не должен знать, что тот занят его делом.

— Видимо, что-то произошло. Но версия выглядит правдоподобной.

— Не слишком. Не слишком... Хотя случайности быть могут. Кто от них гарантирован... На всякий случай такую версию из виду не упускайте. самого Айвазяна проверяли? Может быть, просто похож? И это тоже случайность из параллельного ряда? Я помню фотографию, что была у Мороза. Низкое качество...

— Живет там в самом деле такой, уроженец Спитака. С временной пропиской. Но прописку сделал у совершенно незнакомых людей через своих друзей. Только чтобы на работу устроиться. Вероятно, заплатил одинокой женщине, она и прописала. И ни разу его не видела. Сейчас ведется поиск знакомых, которые за Айвазяна ручались. Хотят предъявить им фотографию Ангела. Узнают или нет.

— Оперативники в поезде тоже вполне могли спутать. У Ангелова внешность типично восточная. Наш сотрудник в аэропорту определил сразу трех человек, подходивших под описание.

— И все же фотография и описание — это совсем разные вещи.

Генерал секунду посомневался.

— Я же говорю, что фотография была плохого качества. Кроме того, у майора Соломина по этому вопросу совсем другое мнение.

Сазонов посмотрел на Соломина.

— Ангелов недавно звонил в Электросталь Пулатову из Москвы и назначил встречу в районе Курского вокзала. Точно место мы не знаем, но ведем наблюдение.

— Это точно был Ангелов? — Опытный подполковник привык даже своим глазам не всегда верить.

— Точно. Сомнений нет.

— Значит, насчет Айвазяна дать отбой? Не стоит занимать людей лишней работой...

— Нет, — решил Легкоступов и в раздумье постучал тупым концом карандаша по столешнице. — Пусть продолжают. Разрабатывайте обе линии параллельно. Идите. Продолжайте и каждую новость докладывайте.

Офицеры только вышли за дверь, когда генерал услышал из коридора разговор. Сазонов вернулся.

— Товарищ генерал. Пришло новое сообщение. Тот человек, который рекомендовал Айвазяна для прописки, посмотрел фотографию и сказал, что очень похож, хотя вроде бы и не он. Сам он Айвазяна почти не знает. Только дважды видел. Ему его тоже рекомендовал знакомый. Тот знакомый живет в Армении, и адреса его нет. Но это не самое главное, — глаза Сазонова светились.

— А что? — спросил генерал угрюмо, чувствуя, что самое интересное хитрый подполковник приготовил на закуску.

— Фамилия рекомендовавшего — Захватов. Михал Михалыч Захватов, отставной подполковник нашего ведомства...

3

Я приготовил паспорт на имя Николая Сергеевича Давыдова, очень злого и не очень умного, дважды судимого человека, который благополучно покоится на первом этаже двухэтажной могилы, заботливо приготовленной ему в бюро ритуальных услуг людьми Труповоза. В первый раз Николай Сергеевич получил срок, когда, работая таксистом, пьяный задавил насмерть женщину. Во второй раз, когда, вернувшись из мест не столь отдаленных, дважды ударил ножом свою бывшую жену. Он бы благополучно сел и в третий раз, но на свою беду устроился работать в бюро ритуальных услуг. Узнав кое-что о делах всеми уважаемого директора, решил потребовать себе тройного повышения зарплаты. Захватов мягко обошелся с шантажистом. Давыдова просто не выпустили из могилы, которую он копал. Там же и застрелили. Паспорт его Труповоз, зная мою страсть к коллекционированию документов, продал мне, как до этого продал паспорт Айвазяна, художника-фотографа, подрабатывающего некоторое время назад в том же бюро.

С паспортом на имя Давыдова мы поехали на машине Тани в нотариальную контору. Правда, саму машину оставили за квартал. Ни к чему «светить» номер перед продавцом. Дальше пошли пешком. Продавец уже дожидался нас. Волновался, ходил перед входной дверью на самом солнцепеке и, казалось, не обращал внимания на жару. Человек уезжает на постоянное местожительство за границу. Торопится. Раньше, как Таня узнала, он пытался продать свою квартиру даже за десять тысяч баксов. Но никто не клюнул на эту старую «хрущевку», пусть и трехкомнатную. Постепенно цена снизилась до семи. Здесь будущий гражданин Израиля и попал в сети отставного майора спецназа ГРУ. Таня согласилась.

Я при встрече играл роль, соответствующую образу дважды судимого Давыдова. Правда, не считал нужным нанести на тело многочисленные татуировки. В данном случае это не решающая деталь, потому что при покупке квартиры вовсе не обязательно писать автобиографию. И даже просто перечислять анкетные данные не обязательно. Но, чтобы клиента не испугать и не лишить его надежды на благополучное житье в дальнем зарубежье, я несколько облагородил роль.

— Давай делаем все без базара... — выставил пальцы веером и дал направление на входную дверь.

— Смотреть квартиру не будете? — удивился продавец моему слепому желанию.

— Все равно не для себя покупаю, — отмахнулся я, изображая не делового, но решительного человека.

— А для кого? — продавец сразу насторожился. Вдруг да продешевил он, согласившись на такую мизерную цену. Он к своей квартире привык и считает ее, видимо, прекрасной. А если квартирой перекупщик заинтересовался, то наверняка знает точно, за сколько можно продать...

— Братан с зоны на днях откидывается. Должок за мной. Надо жильем обеспечить... — выдал я с характерной хрипотцой в голосе.

Продавец резонно поскущел.

Все формальности заняли не более пятнадцати минут. С документами и ключами на руках мы с Таней отправились в мою приобретенную недвижимость. Не совсем мою, если учесть, что я только временно стал покойным Давыдовым, но все же. Машину опять, предвидя возможные случайности, которые пока даже не предвидятся, оставили в соседнем дворе с противоположной стороны от дома Таманца. Таня не возразила. Мы одну школу проходили и осторожности обучены.

Я осмотрел обшарпанные стены и одобрительно хмыкнул — решил, что жилье вполне пригодно, для того чтобы в нем произвести парочку качественных выстрелов. И даже не следует для этого тратить на мебель.

— Как тебе мой внешний вид? — поинтересовался я.

— Бриться тебе противопоказано, — верно констатировала Таня.

Естественно, я не брился в поезде. И сейчас, даже при отсутствии в новом моем жилище зеркала, осознавал, что другой человек выглядит так после недельного пренебрежения бритвой.

— Это то, что надо... Однако водку придется все же купить. Но, пока я трезв, как ангел, давай посмотрим маршрут движения Таманца по городу. Визуальное наблюдение всегда лучше самого подробного рассказа.

Мы закрыли дверь и ушли, не прощаясь с квартирой.

Уличная жара совсем не располагала к прогулкам. Особенно донимало дыхание недавно уложенного и разогретого сейчас асфальта. Хорошо, что Таня догадалась поставить машину не на стоянке, а почти в газоне, где ее прикрывало от солнца дерево.

— Поехали взглянем. По дороге рассказывай. Попробуем все другие варианты прикинуть. Чтобы не заикливаться на одном.

Она вырулила на дорогу. Здесь новый асфальт уже не раздражал. Здесь больше бы раздражали неровности асфальта, но в городе дороги на удивление хорошие. Ни с другими российскими городами не сравнить, ни тем более с раздолбанной Москвой. После нескольких поворотов мы оказались в старом районе. Здесь располагается офис Таманца, по этим улицам он ежедневно проезжает. Домой, из дома, на обед, с обеда и просто по делам.

— Графика он, как правило, не придерживается, — начала Таня выкладывать результаты своей разведки. Вернее, не начала, а продолжила тот же рапорт, что вела в квартире. К сожалению, в машине не нашлось ничего настолько же вкусного, как дома. Но от этого я не стал слушать менее внимательно. — Но обычно в офисе сидит часов до восьми. Инкассаторов всех мастей презирает принципиально, поэтому дожидается, когда с заправочных станций привезут все деньги и пересчитают. Его парни сами привозят.

— Охрана?

— Обычно деньги возят на простых машинах, по паре человек в каждой. Водитель и охранник. Оба вооружены. Возят небольшими суммами. С пары заправок на одну машину. Чтобы не было резона нападать. Задействовано сразу несколько машин. Одновременно туда же стекаются и деньги от рэкета. Эти приезжают последними. Три человека на джипе. Я так полагаю, что это самые крутые из его парней. Потом они сопровождают в качестве эскорта «Мерседес» Таманца до дома. Думаю, все вооружены.

— Откуда у тебя такие данные? За двое суток ты не могла все это узнать.

Она посмотрела на меня, как на очевидного дурака.

— Если бы я просто следила за офисом Таманца, у меня бы ушло на это три недели, да и то лишь в том случае, если б завела себе штат в пару десятков сыскарей. Я пользуюсь компьютерной сетью. Взламываю пароли и люблюсь данными ментовки и ФСБ.

— Все это знают менты?

— Нет, у ментов скромное досье. Только по конкретным делам, где Таманец подозревается. Дел много, но все труднодоказуемы.

— Значит, все-таки ФСБ?

— ФСБ «держит» его плотно. Имей только желание, посадить могут сразу. Пожалуй, ни на кого столько нет, как на Таманца. Причем самые свежие сведения. Только-только наковыряли.

— Не думаешь, что таким образом местные фээсбэшники готовились к моему приезду?

— Может быть. Это допустимо. Даже вероятно. Вероятнее, чем все другое.

— Рассказывай дальше.

— В дороге стрелять в машину можно только из гранатомета. Это надежно, но могут пострадать посторонние люди. Осколочной гранатой его не прошибешь, а кумулятивная машину взорвет. Или уж стрелять бронебойными пулями. Из «винтореза» патронами «СП-6».

Но, во-первых, где взять «винторез»? Я вчера интересовалась. Бесполезно. Во-вторых, стрельба вслепую тоже не доводит до добра. За тонированными стеклами совсем не видно Таманца, и неизвестно, попадешь в него или нет. К тому же такой способ стрелок уже использовал. Я тебе рассказывала. Таманец не дурак и время от времени наверняка меняет свое месторасположение в машине. И наверняка его охрана вычислила все точки, с которых можно вести огонь. Есть по дороге стройка, ремонтируемый дом и пара чердаков. В этих местах — это уже мои наблюдения — машина проскакивает опасный участок на скорости.

— Это неинтересно для меня, но для кого-то может быть и интересным. Надо подумать — для кого...

— Что ты имеешь в виду?

— Я обдумую, потом скажу. Провези меня по примерному маршруту.

— Непостоянно только время проезда. Сам маршрут меняется редко. Даже после двух покушений. Слишком Таманец в себе уверен. И он не ждет привлечения спецов. Таких, как ты.

— Или как ты. Провези... Посмотрим...

— Смотри. Отсюда и начнем... Я уже с десятков раз все просмотрела. Только один момент интересный. Остальное малонадежно.

— Но что-то может дать...

— Если очень постараться, то можно сделать выстрел даже из птичьего гнезда.

Некоторое время мы молчали. Таня ехала неторопливо, словно не могла из своей старенькой машины больше выжать. Я цеплялся взглядом за каждую деталь городского пейзажа. За каждый жилой дом, за каждое административное или хозяйственное здание.

— Что насчет гостиницы думаешь? — спросил.

— Жилые номера гостиницы с третьего этажа начинаются. Первый этаж административный, кафе и магазин. Второй — ресторан и кухня. Но весь третий и часть четвертого заняты офисами каких-то фирм. С более высоких этажей стрелять проблематично. Слишком велик угол. Я проверяла.

— А подвал?

— Только два окна, пригодных для стрельбы. Оба принадлежат прачечной. Там стоят стиральные автоматы и в две смены потеют по две женщины из obsługi. Часто заходят служащие. Иногда постояльцы. Трудно выбрать момент, чтобы удобно устроиться.

Она в самом деле молодец. Ничего не упустила. Проехали дальше.

— Это стройка? — определил я.

— Да. Работа ведется в две смены. Но найти место можно. Опять же, незаметным останешься только на верхних этажах. Внизу идет отделка помещений. А сверху стрелять неудобно. Опять слишком большой угол.

Через два квартала взгляду предстал старый, в волжско-купеческом стиле трехэтажный дом из зеленого глазурованного кирпича. Наверное, до революции особняк принадлежал какому-то

солидному бородатому дядьке. Сейчас там ремонт.

— Отсюда в Таманца и стреляли. Попортили стекло «Мерседеса». Дураком надо быть, чтобы портить стекло в такой красивой машине. Мне всегда в таких ситуациях больше всего бывает машины жалко.

Я вспомнил, как Таня сокрушалась из-за разбитых джипов после моей недавней акции, но словом не обмолвилась о тех, кто в джипах ехал.

Через квартал она кивнула вправо.

— Двухэтажный угловой дом. На первом — магазин. На втором — какая-то контора. Что-то с углем связано. Название я не выговорю. Слуховое окно на чердаке. Дверь на чердак забита. Самое удобное место. Единственное, которое я выбрала бы.

Мы проехали почти весь маршрут дважды.

— Да. Угловой дом — годится.

— Что ты надумал?

— Прикрытие. Если Таманец не захочет сам пойти ко мне в гости и вызовет машину со своими парнями.

— Думаешь, он испугается?..

— Все может быть. После двух-то покушений это меня не удивит. Еще... Как он входит в свой дом?

— Сначала подъезжает джип. Пара парней заходят в подъезд. Через минуту выходит Таманец. «Мерседес» ставится рядом с подъездом. Пять шагов. И стрелять неоткуда. Тротуар прикрыт кустами с двух сторон.

— Понятно. Ты считаешь, я не смог бы разобраться с двумя его парнями, что осматривают подъезд? Сильно крутые?

— Ты смог бы разобраться. Пожалуй, и я смогла бы, хотя у его парней подготовка на уровне черного пояса по карате. Дело в другом... Что, если они общаются через сотовик?.. Получится очень милая ловушка. Из подъезда нет выхода на крышу. Оставшиеся в машинах люди будут ждать тебя внизу с подготовленными стволами. Не ты будешь атаковать, а тебя...

Как всякий бывший и настоящий спецназовец ГРУ, Таня терпеть не может замкнутых пространств и оборонительных действий. Спецназ ГРУ так и готовят — нападать из засады, а не охранять и не обороняться. Мы — разрушительная сила, а не защитники и не охранники. Потому я и преподавал в школе охранников не что-нибудь, а рукопашный бой. Так моя психология устроена.

— Согласен. Новый сосед престарелой тещи все-таки лучше, хотя я не люблю обижать божьих одуванчиков. Тогда сделаем все, как ты задумала, но с моим дополнением в виде подстраховки. Вызовет или не вызовет Таманец своих парней — неизвестно. Но если и вызовет, то они не должны доехать.

— Мне это брать на себя?

— Нет. Для этого со мной прибыла группа обеспечения. Пусть ребята хоть что-то сделают для общего дела. Ты им только поможешь. А сейчас мне надо с ними встретиться. Будешь контролировать.

И я рассказал все, что знал о своей поддержке и о поддержке моей поддержки. Вот вторых-то и следует вычислить.

— Всерьез за тебя взялись. И со всех сторон. Не думаешь, что и местная ФСБ подключится? Где-то они рядом с Таманцем сейчас должны «плавать».

— Пусть подключаются. Только я надеюсь, что произойдет это в Москве. Там они меня искать устанут, а бегая за Пулатовым, все подошвы оборвут. Где у тебя знаменитая техника?

Таня показала на заднее сиденье, где лежала рядом с моей и ее спортивная сумка. Я протянул руку и достал. Эту технику мы использовали в прошлый раз, когда работали по «заказу» Таманца. Теперь она может послужить и в работе против парней Труповоза. Очень мелкий микрофон в виде булавки с большой головкой крепится в воротнике. Трудно подумать, что это микрофон, не зная такой техники. Само жало булавки выполняет роль антенны. Хуже дело с наушником. Для миниатюрного наушника необходимо иметь или длинные волосы, или кепочку. Кепочку, как и в прошлый раз, Таня мне приготовила. Панель управления прячется в карман. Она миниатюрная и имеет всего три клавиши. «Прием», «передача» и «включено-выключено». Аккумуляторы работают до двух часов. Я прикрепил прибор, натянул на голову кепочку-бейсболку. Таня последовала моему примеру. Проверили связь. Устойчиво, хотя слышимость отвратительная.

— Готова?

— Как юный пионер Советского Союза.

Я достал трубку сотовика и набрал номер.

— Сережа? Это я. Как у вас дела?

— Устроились. Ждем тебя. Слушай ориентиры...

— Я уже видел вас. В троллейбусе мимо проезжал. Ждите меня на месте, сейчас подойду...

Глава XIII

1

Переглянувшись с Таней, я вытащил пистолет из своей сумки, неторопливо и аккуратно привинтил глушитель — сколько уже было случаев, когда глушитель, особенно на китайской модификации, ставится криво и в результате ствол разрывает, — пристроил оружие за пояс на спине и вышел из машины. Я священнодействовал. И Таня поняла это. Момент подготовки оружия — это не просто технический процесс, это процесс внутренней настройки, процесс приведения себя в состояние внешне спокойной, но сжатой до предела пружины. Я начал выполнять свою работу. Таня свою выполнит также качественно, как выполнила предыдущую, когда получила мои инструкции. В данном случае ей предстоит меня подстраховать.

Объяснять отставному майору ничего не надо, она отлично знает свое дело. Такого страхующего можно себе только пожелать. От всей киллерской души. Помню, знакомые ребята рассказывали, как в Никарагуа, где она была с чужой отдельной мобильной группой, Таня проявила такую выдержку при поддержке, что парни твердо решили — с Таней что-то случилось или она просто бросила их. А она умудрилась увидеть всю обстановку, увидеть отряд страховки противника, с которым велись переговоры, и бесшумно ликвидировать его. Три местных стройных индейца так и не узнали, что их отправила к духам предков женщина — что вообще-то считается для воина из сельвы позором. И только после этого Таня объявила о своем существовании. В самый критический момент. С совершенно противоположной стороны. Противник требовал к ответу своих, но безуспешно. За них Таня ответила короткой предупреждающей очередью. И одна решила исход трудного дела.

Мне есть на кого положиться.

Только пройдя метров шестьдесят, я увидел в стеклянной и почти зеркальной витрине газетного киоска, как грязновато-серая «шестерка» медленно двинулась вперед. И водитель смотрит на противоположную сторону улицы, словно она кого-то там увидела. Простому автолюбителю, не прошедшему курс вождения в экстремальных обстоятельствах на полигоне ГРУ, немудрено и въехать в какую-нибудь чужую машину. Но Таня знает, что делает. Обогнав меня — пешехода, — она вышла из машины, оставив ее не закрытой, проскочила между трамваем и другими машинами и сбегала в киоск на противоположную сторону за минеральной водой. Так же быстро вернулась. Ведет себя естественно и меня «не замечает». Так и полагается.

Дальше контролировать действия страхующего я не стал. Потому что узрел могильщика из бюро ритуальных услуг. Этот стоит красивым столбом почти у дороги и эффектно выделяется среди прохожих не одной только тупой физиономией. Конспираторы хреновы...

— Я миновал первого — произнес я в микрофон.

Таня, естественно, тоже его вычислила. Его даже слепой не спутал бы с простым прохожим — так парень засуетился при виде меня.

Я дошел до угла, свернул. Издали увидел прогуливающегося перед витриной магазина азиата. Но — сюрприз! — с ним еще двое азиатов. Стоят вроде бы не вместе, но — переглядываются. Момент такого переглядывания я «сфотографировал» сразу, как только попал в поле зрения первого. Он меня «передал». Ситуация читается просто. Вид у «новичков» откровенно базарный, только рожи чуть наглее, если такое бывает, чем у продавцов. Очевидно, авторитеты из местной этнической группировки. Таких сейчас в каждом российском городе больше, чем в Майами кубинцев. Дома работы нет, да там еще постреливают. В России спокойнее.

— Азиат у витрины... — новая информация для Тани. — Еще двое через четыре шага.

— Еще двое за твоей спиной... — информация от нее.

Я дошел до машины своей группы обеспечения и только там, остановившись, взявшись уже за дверную ручку, словно бы невзначай обернулся. Естественно обернулся — как мог бы сделать всякий, у кого нет шейного остеохондроза. Посмотрел на тех, что шли сзади.

Дверца открылась, я плюхнулся на сиденье.

— Поехали, — скомандовал.

— Здесь поговорим, — возразил Веня.

Он всегда такой супротивный. И сейчас, должно быть, знает, что их группа обеспечения не рассчитывала на наш такой скорый отъезд. Что-то, видимо, еще не до конца свершилось, что должно было свершиться. А свершиться, как я понял ситуацию, что-то должно было. Скорее всего за мной желали увязаться «хвосты», чтобы определить, где я остановился. Для них это важная задача, дающая возможность выполнить указания Труповоза. Но, похоже, не подошла еще машина. Или машины, потому что вести слежку лучше с двух.

— Если я сказал, что надо ехать, значит, надо ехать. Там, где я командую, я возражений не терплю. Попрошу запомнить навсегда. Иначе — можете собирать манатки и отправляться домой. Если я вас отпущу живыми. Без таких помощников работать будет легче. Поехали! Заводи, — прикрикнул я.

— Человек должен подойти, — попытался выкрутиться Веня. — Нам помогает. Местный. Мой корефан.

Очевидно, когда подойдет время, Веня должен устало махнуть рукой — не дождались корефана, и согласиться ехать.

— Вот пусть он вам и помогает. А «показывать» меня совсем не обязательно. Здесь не зверинец и не цирк. Я не дрессированный тюлень и не клоун. Кроме того, не работаю с незнакомыми. Поехали.

Голос мой любвеобильных обьятий им не пообещал. Сергей сообразил первым и включил двигатель.

— Куда?

— Прямо. Дальше я покажу. Мы проехали два квартала.

— Вот здесь можете поставить своего корефана. На повороте. С двадцати двух до двадцати трех часов мимо проедет машина Таманца. Это будет или джип, или «мерс»...

— Откуда ты знаешь? — Веня, похоже, от природы недоверчивый, как пугливая помойная кошка.

Я отвечать не собирался.

— Отсюда связной, которого вы проинструктируете, вам сообщит. Если его не найдете, работайте парой. Один тут, второй в другом месте. Связь обеспечивайте сами. Собственными силами. До этого, когда машина выедет из офиса, вам позвонит другой человек — мой помощник — и скажет, какая машина вышла. Здесь — все. Едем дальше... — Я командовал по-армейски рублеными фразами. Это произвело впечатление и заставило парней сконцентрироваться.

Еще через два квартала я показал на угловой дом.

— Стоп... Прижмись к бордюру. Вот здесь. Ровно в двадцать один ноль-ноль вы заходите со двора и проникаете на чердак. В помещении есть сторож. Он будет уже связан. На чердаке вас будет ждать «винторез» с патронами «СП-6»...

— Что это такое? — спросил Веня. Ну и боевики нынче пошли...

— Бронебойные, — ответил Сергей.

— Машину ни в коем случае нельзя пропустить. Первым валите водителя. Вторым — телохранителя с переднего сиденья. Если в машине будет кто-то еще — тоже валите...

— А Таманец?

— А Таманец в это время будет плавать со мной в бассейне. Но это уже не ваша забота. С ним я сам разберусь. «Винторез» оставляете на месте.

— Он же диких бабок стоит...

Я опять отметил взглядом умственный уровень Вени.

— "Винторез" оставляете на месте, — повторил сурово. — Не забудьте отпечатки все стереть. И вообще, смотрите, чтобы следов не оставлять. И сразу из города. Ждете меня через километр за постом ГИБДД на московской дороге. Там есть шашлычная. Два азера ее держат. Кормят дальнобойщиков. Работают допоздна, иногда до двух-трех ночи. Если собирается компания — могут всю ночь не закрываться. Я буду там часа через два. И никакой самодеятельности. Где мой паспорт? Веня протянул паспорт.

— Билет...

— Какой?

— На самолет. По которому ты летал.

Он порылся в карманах, но билет все-таки нашел. Ему — приговоренному — совершенно ни к чему иметь в кармане билет на мое имя.

— Прощаемся до вечера.

Я открыл дверцу машины, вышел, заметил грязновато-серую «шестерку» и свернул в ближайший двор.

Только там услышал вопрос Тани:

— Где ты возьмешь «винторез»?

— Выезжай на параллельную улицу и забери меня там. Я пройду дворами. Сейчас поедem за «винторезом».

2

— Как это произошло?

Стоящий напротив генеральского большого письменного стола старший лейтенант с забинтованной головой не по-уставному пожал плечами. «Не скоро ему называть себя капитаном», — подумал генерал, разглядывая испачканные кровью погон и ворот рубашки старлея, и стал ждать продолжения рассказа, привычно постукивая по столешнице тупым

концом карандаша.

— Мы все сделали, как вы приказали. Приехали на дачу. Сразу прошли в дом...

— Сколько вас было?

— Трое. Два сотрудника технического отдела и я.

— Я же приказал действовать с ним пожестче...

— Мы и так не церемонились. Сразу положили его на пол, пинка дали... — старлей вдруг смутился, не зная, относится пинок лежащему к категории жестких мер или переходит грань.

— Дальше. Произвели задержание...

— Кто ж знал, что он такой дурной... Мы обыск проводили, он на полу лежал. Нашли три «жучка». Еще раз пинка дали, — осмелел старлей. — Потом выводим его за ворота, там стоят два мужичка-дачника. Мы же соседей ваших не знаем, за дачников их приняли. Одеты соответственно. У одного в руках секатор, словно кусты подрезал. У другого саженцы какие-то из пакета торчат.

— Какие кусты в середине лета подрезают? Какие саженцы сейчас сажают? — возмутился Легкоступов. Он, хотя и не слыл заядлым садоводом, все же что-то знал или слышал. А эти молодые сотрудники — на что они годятся с таким уровнем общего развития?

— Я не знаю. Это для меня — темный лес... Вот. Только мы их миновали, как я сознание потерял. Это потом уже мои спецы рассказали, что один из этих «садоводов» достал из пакета милицейскую дубинку и ударил меня по затылку. А моих тут же задержанный уложил. Ногами. Мы же ему наручники надели.

И уехали они, пока мы в сознание приходили. Из табельного оружия вытащили обоймы с патронами.

— Оружие на экспертизу сдали?

— Так точно, товарищ генерал. Только наши отпечатки. Все остальное аккуратно вытерли.

— Готовьте материал для прокуратуры. Идите... Старший лейтенант повернулся по-уставному и вышел. Сидящий в стороне подполковник Сазонов смотрел хмуро.

— Что скажешь? — поинтересовался генерал.

— Я уже запросил по неофициальным каналам. Есть у меня дружеские отношения там... По официальной версии старший лейтенант ГРУ Петр Викторович Моргунов находится в командировке. Где — неизвестно. Свои секреты они хранят не хуже нас. Его машина, как мне сказали, числится в розыске. Я запросил ГИБДД. В самом деле — считается угнанной. Еще неделю назад. Он сам тогда уже в отъезде был. Жена ездила. Оставила во дворе на ночь. Она, кстати, тоже офицер ГРУ.

— Интересно. Выходит, вовсе и не ГРУ нас «ведет»?

— Трудно сказать, товарищ генерал, кто еще на такое решится... Они и в партийные-то времена свою линию всегда гнули. А сейчас вообще распоясались.

— Что значит «распоясались»? — Генерал все же решил соблюсти справедливость. Не потому, что он справедлив от природы, а только от назревшего и прорвавшегося раздражения. — Они охраняют своего сотрудника. Нам бы своих так охранять...

— Но это не дает им права нападать на оперативную группу ФСБ.

— Как теперь доказать, что это были грушники? Прокурор пошлет нас подальше. Стоп... — вспомнил вдруг Геннадий Рудольфович. — У меня дома целая пепельница окурков. Этот самый Петр Викторович, или кто он там, курил. Вот ключи. Немедленно пошли машину ко мне. Сам поезжай. Забери окурки. И на экспертизу. Остатки слюны. По слюне, кажется, можно идентифицировать личность?

— Можно идентифицировать только группу слюны. Но это не доказательство. Такая же группа может быть у десятков тысяч людей в городе. Идентифицируют только в том случае, если у объекта исследования есть какая-то болезнь, влияющая на качества слюны, — сифилис, туберкулез, болезнь Боткина, лейкемия, сильное радиационное облучение и еще целый перечень всякой гадости.

— Тьфу-тьфу-тьфу... — трижды переплюнул генерал через левое плечо, думая при этом о дочери. Он даже вздрогнул от одного представления о том, что она могла встречаться с человеком, имеющим кое-что из подобных заболеваний. — Отправляйтесь. Результаты пусть мне доложат. Вызовите, кстати, Соломина. Куда он пропал? Что нового о встрече Ангела с Пулатовым?

— Сейчас приглашу. Он от телефона не отходит. Докладывают постоянно.

— У него же радиотелефон. Пусть с трубкой сюда идет.

Подполковник ушел, а генерал набрал номер своей дачи. Он представил, какой переполох поднялся среди его домашних, потому что все события происходили на их глазах и жена с дочерьми первыми оказали помощь пострадавшим сотрудникам ФСБ.

— Это я, — сказал он, когда трубку взяла старшая дочь. — Маму позови.

Жена приучена звонить генералу на работу только в исключительных случаях. Боится помешать. Сейчас случай исключительный, но она не позвонила. Решила, должно быть, что офицеры оперативной группы сами все расскажут.

— Да, слушаю... — через несколько секунд сказала жена. — Как там ваши?

— Плохо наши. Показали себя плохо. Не сумели операцию провести. Как Вика?

— Плачет.

— Успокой ее. Помягче. Вам все объяснили?

— В общих чертах.

— Хорошо. Ты приедешь вечером?

— Мы все приедем. Страшно после этого здесь одним оставаться.

— Бояться, я думаю, вам нечего. Но на первое время лучше приехать. Я пришлю машину.

— Мы на своей.

— Пусть вас сопровождают.

Геннадий Рудольфович сам не понял, зачем сказал про сопровождение. Но хотелось создать впечатление серьезности дела и сложности обстановки. Он не верил, что семье может нечто грозить. Однако такое поведение отца заставит дочерей задуматься и как-то, возможно, повлияет на Вику. Может быть, успокоит.

В дверь постучали.

— Войдите, — крикнул генерал и добавил, уже обращаясь к жене: — Лучше дождитесь машины. Когда она выйдет, я позвоню.

Вошел Соломин с трубкой радиотелефона в руке.

— Садись, докладывай.

Соломин, оценивая ситуацию и сложившиеся в ней трудности, покачал головой.

— Чуть не упустили Пулатова. Он помотался по Электростали, все пытался «хвосты» скинуть. Очень желает встретиться с Ангеловым тет-а-тет. Мы его плотно «вели». Он сел в электричку, поехал в противоположную от Москвы сторону. Билет до Петушков взял. На следующей же станции в последний момент сумел выскочить из поезда. Дверь перед отправлением придержал и выскочил. Мы его ждали со следующей электричкой в обратную сторону, думали, он в Москву пожалует. Хорошо хоть, сообразили автомобильную дорогу блокировать. И засекли его. Он на попутке двинулся. Сейчас должен приближаться к Москве. — Майор поднял зажатую в руке трубку, показывая, что держит дело на контроле и ждет сообщения.

— Докладывай почаще. Чтобы я в курсе дела был. Что с семьей Пулатова?

— Нашли. Они теперь в Уфе живут. Жена работает. Дочь в институте учится. На каникулы отправилась в туристический конный маршрут по горной Башкирии.

— Маршрут определили?

— Сегодня должны все узнать. Сообщат из местного управления. Там у меня однокашник по академии, деловой парень.

— Хорошо. Иди. Не выпускай Пулатова... Он — завтрашний день, а сегодня нам нужен Ангелов. Очень нужно Ангелова на Волгу отправить. Только тогда он будет полностью наш...

3

— Садись быстрее...

Таня открыла дверцу. Лицо серьезное.

— Что-то случилось?

— Мне показалось, что нас «ведут». Но или я оторвалась, или просто совпадение.

— Этого нам не хватало...

В совпадения я предпочитаю не верить. Особенно в такой ответственный момент.

— Будем проверять...

Мы проколесили полчаса по тем же улицам, где проезжали и раньше. Никого заметить не смогли.

— Должно быть, показалось... — Таня не утратила мрачности. Это хорошо. Мрачность и подозрительность лучше благодушия в ситуации, подобной нашей.

— Ладно. Продолжаем работать... В это время зазвонил ее сотовик.

— Алло. Слушаю. Да, здравствуйте... Да-да... А, это вы были... Я вас заметила. Да. Это мой друг. Нет. Это вас не касается... Хорошо. Я позвоню.

Она убрала трубку и посмотрела на меня совсем грозовой тучей. Даже брови на ее лице словно срослись в одну линию.

— Это мне окончательно не нравится.

— Кто это?

— Наш куратор. Не знаю, какой у вас, но наш везде старается сунуться. Назойливый старикан с хроническим насморком. И запах от него противный. Если по ветру, то я за четыре метра его по запаху в толпе учую.

— Что он хочет?

— Говорит, увидел мою машину. Заметил, что я странные маневры выполняю. Хотел подъехать, потом понял, что я кого-то жду. Это правильно. Их машина исчезла как раз перед твоим появлением.

— Черт! — психанул я. — Только Службы нам здесь и не хватало. И без того полный набор. И уголовники, и базарная мафия, и фээсбэшники, теперь еще и наши влезли. Зачем?

— Ты не знаешь?

— Не знаю.

— Я — тем более... Но случайность я пока исключаю. До полного выяснения.

— Что предлагаешь?

— Продолжать работать.

— Может быть, я буду действовать один? Меня ваш куратор не знает.

— Нет. Если они прилипли, то это только по поводу тебя. И они не суетятся, пока ты со мной. Заметят меня одну, сразу полностью на тебя переключатся.

— В этом есть сермяжная правда. Значит?..

— Значит, продолжаем работать.

Я назвал улицу, куда предстояло ехать.

— Кто там? — поинтересовалась Таня.

— Есть один человек, он никакого отношения к моим делам не имеет. Просто я оказал ему некогда серьезную услугу, теперь он оказывает мне услуги. Я еще в прошлый приезд «дипломат» у него оставил. Стандартный. Надо забрать.

Через десять минут я махнул рукой:

— Останови здесь.

Достал трубку сотовика и позвонил. Валерий Дмитриевич трубку взял не сразу, ему нелегко до аппарата добраться. Я назвал себя по имени-отчеству, сообщил, что сейчас забегу. Он обрадовался и сказал, что ждет меня. Дверь открыта. Я не боялся, что не застану Валерия Дмитриевича дома. Куда может исчезнуть из своей квартиры человек, передвигающийся из комнаты в комнату в инвалидной коляске? Со сломанным позвоночником не попутешествуешь. А в наше время даже в санаторий не поедешь, если живешь на мизерную пенсию и на небольшую зарплату жены. Сын Михаил пока помогать не в состоянии. Студент. Учится в другом городе. Наоборот, ему стараются выкроить и отослать какие-то крохи, чтобы поддержать и помочь. Именно тот студент, который прятался две недели в моей квартире, когда его собирались убить, — о нем я Труповозу и Таманцу рассказывал. Мне предлагали убрать парня. Но я таких не убиваю. У меня строго ограниченный контингент клиентов. До самого суда Миша прятался. Трижды я сопровождал его на допросы к следователю — страховал. Однажды пришлось применить силу, чтобы сбить со следа «хвост». Миша в суде выступил, не побоялся. С характером паренек.

Мы с ним вместе приезжали к родителям. Я специально уговорил его съездить, выкраивая для себя вариант с запасной квартирой. Миша все родителям рассказал. Они мне благодарны. Хорошие, простые люди. У них я и оставил свой «дипломат» до нужных времен. В прошлый приезд оставил, когда приобрел его, работая по «заказу» Таманца. Думал, что может сгодиться. Не сгодился. Стандартный «дипломат». Только специалист знает, что в нем хранится в разобранном виде снайперская бесшумная винтовка «винторез». Да и то определит лишь по конфигурации сложных замков. В остальном «дипломат» не отличается от бытового. С ним можно ходить по улице, и ни один мент не догадается, что ты переносишь боевое оружие калибра 9 миллиметров, способное стрелять бронебойными патронами.

— Не обижайся, но эти люди даже не в курсе того, что я у них храню. И мне не хочется, чтобы ты знала о них, — кисло улыбнулся я Тане. Она нахмурилась.

— Подожди здесь.

Я прошел между домами, сделал большой крюк, за спиной у Тани перешел улицу и углубился в совершенно другой квартал. Привычка путать следы. Нужный дом нашел быстро. Поднялся в лифте на шестой этаж. Дверь, как Валерий Дмитриевич и предупреждал, открыта.

Он в самом деле мне обрадовался. Даже чайник успел вскипятить и чай заварить. Свеженький. И очень расстроился, когда узнал, что я забежал всего на несколько секунд, потому что внизу меня ждет машина.

— Валентина Петровна обидится, что вы ее не дождались. Мы часто вас вспоминаем. А как там Миша? Вы давно его не видели?

— Давно. Я две недели в Чечне провел, вернулся, и сразу в командировку. Дома только на следующей неделе буду.

— Если не трудно, зайдите к Мише, привет от нас передайте...

— Обязательно, Валерий Дмитриевич, обязательно...

Я забрал «дипломат» из кладовки. С той же полки, на которую сам его когда-то поставил. И ушел, попрощавшись. Общение с хорошими людьми очень расслабляет. Во время трудной работы лучше всего общаться с подонками типа Труповоза или с его парнями. Это злит и заставляет сконцентрироваться.

Возвращался я тем же путем. И издали, через заднее стекло заметил, что Таня разговаривает по сотовику. Не знаю почему, но мне это не понравилось. Я не стал обходить дом, а подошел по улице напрямую. Увидев меня, она сразу закончила разговор и положила трубку на переднюю панель. Улыбнулась. А ведь совсем недавно хмурилась. Быстро же у нее меняется настроение.

Впрочем, у меня тоже. И я начинаю подозревать даже много раз проверенного боевого товарища и подругу в одном лице.

— С кем беседовала? — я сел на привычное место.

— Подруга позвонила, — и больше никакого комментария. Все правильно. Так и положено отвечать в том случае, если есть что скрывать. Потому что, когда человек начинает в лицо врать, он выдает себя интонациями.

— Ладно, поехали... Объясняю ситуацию. Этот «винторез» следует доставить на чердак того самого углового дома, что ты присмотрела. Это сделаю я или ты?

— Лучше я. Сторож может открыть женщине в милицейской форме — у меня есть такая. Там сторожа из охранной фирмы. Крепкие ребята. Меня не побоятся. Тебя просто пошлют подальше и дверь не откроют.

— Сторожа следует только связать. Он к этому делу отношения не имеет.

— Я не люблю лишней крови. Честно говоря, именно по этой причине я и захотела сама пойти. Ты мог бы в запале дров наломать...

— Я же ангел... Я не злой... Ну ладно, пусть будет по-твоему. Мне все равно некогда. Оставишь дверь открытой. Только притвори. Чтобы мои парни смогли свободно туда войти. Но тебя им лучше не видеть.

— Догадываюсь.

— Ты будешь дежурить у офиса Таманца. На случай, если он вызовет охрану. Выйдет машина, сразу сообщи моим парням. Голос смоделируй. Чтобы не узнали.

— Они меня и так не знают.

— На всякий случай.

— Сделаю. Ты один справишься?

— Нет. Справлюсь только после большой пьянки. Купи мне пару бутылок водки. Вон магазин.

Я пальцем стукнул в стекло. И добавил, чтобы не выглядело это слишком нагло — мужчина женщину за водкой посылает:

— Я пока позвоню еще по одному адресу... Это уже подразумевало, что я хочу провести конфиденциальный разговор. Значит, Таня не поторопится назад раньше времени.

Она затормозила рискованно резко. Идущая сзади машина чуть не «поцеловалась» с бампером нашей «шестерки».

— Деньги дашь, или я должна тебя спаивать на свои?

Я протянул ей сто рублей.

— Самую дешевую водку и самую желательно вонючую. Я не знаю, что у вас здесь самое вонючее...

— Подберу.

Она скрылась за дверью магазина. Я взял с передней панели ее сотовик и нажал кнопку повторного набора.

— Полковник Бастриков. Слушаю.

— Извините, не туда попал...

Я положил трубку на место. Полковник Бастриков, выходит, стал с некоторых пор ее подругой. Мы встречались с ним несколько раз. Если мне не изменяет память, я от кого-то слышал, что он сейчас возглавляет разведцентр разведуправления округа. Вот так. Все становится на свои места. Служба все-таки «ведет» меня. «Ведет» через Таню. А ее куратор влип в дело случайно. И Таня вынуждена была позвонить Бастрикову, чтобы куратору приказали спрятать подальше свой нос с хроническим насморком.

И раньше, когда за биноклем ходила, она задержалась потому, что с кем-то скорее всего встречалась. Докладывала. Я заподозрил это, когда на часы посмотрел. Сейчас подозрения стали реальностью.

Таня вернулась. Принесла две бутылки водки.

— Теперь отвези меня в мою новую квартиру.

— Когда будем праздновать новоселье?

— Сегодня ночью. Но в другой квартире, потому что плавать я люблю только в строго определенных для этого местах. И не люблю барахтаться на мели.

Она поняла намек.

— Для этого случая я приготовила кое-что получше водки. Тебе понравится.

— Сомневаюсь. Лучше водки может быть только русская водка. Это мое жизненное кредо.

Машина тронулась. Бутылки на заднем сиденье постукивали одна о другую. А я думал, как себя вести с Таней.

Она работает против меня?

Сомневаюсь.

Сомневаюсь в том, что она стала бы это делать. Тогда что она делает?

И вдруг мысль пришла сама собой.

Таня — меня охраняет... Служба охраняет меня через Таню. Только — зачем? Зачем я — инвалид и киллер — нужен Службе?.. Зачем им человек, который «бросает тень» на такую солидную организацию?.. И так достаточно людей, которые стремятся ГРУ с грязью смешать.

Глава XIV

1

По дороге я в дополнение к водке купил самый дешевый китайский магнитофон и парочку кассет с музыкой, от которой все мухи в моей новой квартире должны передохнуть.

— Я с таким магнитофоном сталкивалась, — предупредила Таня. — Если включишь на полную громкость, сразу отваливаются все открывающиеся части.

— Он для одноразового пользования. Сгодится... Люблю иногда вызывать у людей раздражение. А с такой музыкой, кроме раздражения, ничего и вызвать нельзя.

Таня зарулила, как и раньше, в соседний двор. Я забрал свою сумку, предварительно уложив в нее водку. Перед тем как выйти, дал последние инструкции:

— Как только передашь моим парням сообщение, сразу едешь сюда. На скорости. Ждешь здесь же, чтобы мне не пришлось тебя искать. Просмотр отсюда хороший. Пойдет Таманец, ты увидишь, если успеешь приехать раньше. В дом не поднимаешься. Я все сделаю сам. Я выйду, ты ко мне не подъезжай, а то со стороны это будет сильно на бегство походить. Отсюда поедем отдыхать к тебе.

Сама понимаешь, после ночи в дороге я сильно устал, — я обнадеживающе улыбнулся.

Она улыбнулась ответно.

Почаще бы ей улыбаться. Когда улыбается, я ей верю. Мне очень хочется ей верить.

Таня уехала.

Я поднялся на этаж, открыл дверь. Замок разболтан до предела. Как хозяин жил с таким замком? Или он не жил здесь? Или же он каким-то своим делом так увлечен, что не обращал внимания на мелкие технические неудобства? На практичного человека внешне он не похож. У меня был один знакомый филателист, чем-то на первый взгляд хозяина квартиры напоминающий. У него коллекция марок стоила с десятков квартир. А дверь была такой же раздолбанной. И все краны дома текли. И, кажется, бачок унитаза не работал. Хозяину было не

до того. Он мог часами свои марки рассматривать. Может, и этот такой же.

Мне же предстоит изобразить человека практичного и трудолюбивого. Работягу до мозга костей и до того же мозга — пьяницу.

Что я и начал изображать моментально. Стал ходить по квартире, сильно топая башмаками по скрипучему, давно не крашенному полу. Давал знать пожилой женщине этажом ниже, что у нее появился новый сосед.

Время между тем приближалось к нужному моменту неумолимо. Я посматривал на часы. Пора приступать к первому этапу. «Приговоренные» ждут своей очереди, хотя некоторые из них считают «приговоренным» меня.

Я достал сотовик и по памяти набрал номер Таманца. Он ответил сам, игнорируя секретаршу. Я узнал уверенный в себе резкий голос.

— Алло!

Похоже, он сильно занят, и я оторвал его от важного дела. Так нервничает — по одному произнесенному слову заметно.

— Слушай, друг дорогой... — свой голос я старательно смоделировал. Добавил акцента. — Тебя на днях опять попытаются достать. Слишком многим ты мешаешь и слишком много на себя взвалил...

— Ну?.. — спросил он угрюмо. — Какого хрена тебе надо?

— Мне ничего не надо. Я даже помочь тебе хочу, потому что эти люди и мне мешают.

— Кто такие?

— Издалека по твою душу приехали.

— Дальше.

— Сегодня в шашлычной на московской дороге они ждут одного человека. Около полуночи встреча. Запиши номер их машины...

— Захватов? — спросил Таманец, по номеру определив город, откуда прибыли приезжие.

— Кто такой Захватов? — спросил я.

— А ты кто такой?

— Можешь считать меня благодетелем.

— Как зовут парней?

— Сережа и Веня. С ними там будут еще несколько человек. Пара русских, остальные азиаты. Базарная мафия. Ваша, местная. Но эти будут держаться отдельно. Все вооружены. Пошлешь своих ребят, пусть сначала присмотрятся — кто там с кем будет. А то недолго очередь в спину получить.

— Ты тоже там будешь?

— Что мне там делать? Мое дело тихое...

— Все?

— Нет. Еще будь осторожен. Тебя со всех сторон обложила ФСБ. Чем-то ты власти не угодил.

— Сам знаю. А ты откуда это знаешь, благодетель?

Я оставил вопрос без ответа и нажал кнопку отбоя.

Колесо закрутилось. Теперь главное — выдержать темп. И еще очень важно, чтобы Таманец сам не поехал на разборку. Моя надежда на это имеет под собой основание. У Таманца достаточно боевиков. Раньше, когда я слегка командовал его людьми, Таманец не встревал ни во что. Осторожный. И не с чего ему сейчас эту осторожность утратить. Он чувствует, что его сильно пасут, как сам признался. Не надо ему присутствовать при мероприятии, за которое могут сразу место в ментовском «обезьяннике» обеспечить. Оттуда его уже не выпустят даже под большой залог. Это он сообразит. Пошлет парней и будет ждать сообщения. Хорошо бы, чтобы ждал его дома. Так скорее всего и будет. Не вижу я для него необходимости оставаться в офисе допоздна. Это даже опасно. Там будет много вооруженных людей. Кто-то может капнуть. Дома Таманец обеспечивает себе алиби. Может быть, даже специально пригласит кого-то в гости. Чайку попить... Остается рассчитывать, что гостей будет не много и они не будут представлять из себя группу захвата. Но и в этом случае у меня есть два пистолета. «ТТ» — машина весьма скорострельная, особенно в умелых руках.

Я еще раз посмотрел на часы. И еще пару минут потопал по полу весьма интенсивно, чтобы привлечь к себе внимание. После этого занялся довольно неприятной процедурой. Снял рубашку, открыл бутылку водки, прополоскал водкой рот, а потом и лицо вымыл ею же. Плеснул пару глотков себе на грудь. Саму водку вылил на пол в прихожей. Чтобы запах и сквозь дверь доносился.

А после этого можно и к предварительной подготовке приступать. Голый по пояс, источая волосатой грудью и небритой физиономией водочные запахи, я спустился этажом ниже и позвонил в дверь к теще Таманца.

Зашлепали по полу неторопливые тапочки.

— Кто там? — спросила старушка.

— Извини, мать, это новый сосед сверху... — я опять моделирую голос. Если будет опознание, то голос вызовет сомнение. Сейчас я хриплю, словно воспитан «зоной». Такое произношение трудно с другим спутать.

Дверь открылась. Но на двери цепочка. Бедная бабушка думает, что цепочка может ее спасти, если кто-то захочет проникнуть в квартиру. Святая наивность. Один удар ногой, и цепочка вырывается из гнилых досок косяка вместе с шурупами. Это проверено.

— Что вы хотели?

А большой нос так и шмыгает, втягивая в себя алкогольные пары с моей груди.

— Слушай, мать, я квартиру над тобой купил... Ремонт делаю. Все инструменты принес, а молоток забыл. Дай до завтра... Завтра свой принесу, тебе верну... Без молотка-то — какой

ремонт...

Она смотрела в щель и долго соображала, оценивая ситуацию. Потом все же решилась.

— Сейчас...

И ушла, притворив дверь. Вернулась через минуту. Должно быть, аккуратная бабулька, знает, что и где у нее лежит, хотя я сомневаюсь, что она сможет забить хотя бы один гвоздь.

— Завтра верните, не забудьте, — сказала наставительно и сурово, как учительница школьнику.

— Будь спок, бабуль. За мной не заржавеет... Приняв из ее рук молоток, я поднялся к себе.

И теперь включил музыку. На полную громкость — сколько китайский магнитофончик может вытянуть. Пусть бабушка попляшет. А заодно и другие соседи. К китайской технике последних лет выпуска у меня отношение однозначное. Но надежду, что до нужного момента магнитофон не сломается, я сохранил. Зазвонил сотовик.

— Слушаю.

— Объект сейчас будет дома. Проехал мимо меня. Почему-то без машины сопровождения.

— Я знаю почему. Я так организовал. Спасибо.

— Отправляюсь на угол. Я уже переоделась.

— Действуй. Держи меня в курсе.

Опять взгляд на часы. Нет, волнения я не испытывал, но нетерпение заставило меня топтать усерднее. Плясать почему-то не хотелось. На другой, видимо, музыке я воспитывался. Эта, с кассет, которые я купил, годится только для расшатывания нервной системы невозмутимых слонов. Слоны долго не выдержат. Интересно, сколько вытерпит теща Таманца?

Чуть погодя, когда на улице уже начал собираться вечерний сумрак, я принялся стучать молотком по полу. Очень эффектно. Три раза, словно прицениваясь, легко, потом сильно, и снова в том же темпе.

Новый звонок сотовика оторвал меня от этого увлекательного занятия.

— Слушаю.

— Все в порядке. Я уже отправила твоих ребят по адресу. Сама жду на посту. Как ты?

— Жди. Скоро я попытаюсь вызвать их машину. И я снова взялся за молоток. Зря, что ли, бабулька дала мне его. Дала, теперь пусть слушает, как ее инструмент используется. Еще через десять минут я сделал технический перерыв, прошел в ванную, повернул длинный «гусак» из ванны так, чтобы вода текла на пол, и открыл оба крана. И сразу ощутил, что наступил вечер. Прохлада пришла. Под журчание воды стучать по полу стало веселее. Через пять минут — перекрытия в доме старые, гнилые, и здесь я на пять минут опередил график — раздался звонок в дверь. Вторая бутылка водки стояла уже распечатанная. Я опять полил себе грудь, сполоснул лицо и пошел открывать. Бабулька пришла.

— Вы меня совсем затопили...

Я икнул, долго на нее смотрел, с трудом узнавая. Потом солидно так, с протяжкой качнулся.

— Трубу у меня, мать, прорвало. Пробую на место поставить...

— Что же делать? Надо аварийку вызывать!

— Да пошла ты со своей аварийкой...

Пьяный мужик пошатнулся еще раз и захлопнул перед носом бабушки дверь.

Все правильно. Жалко, на окне нет шторок. Хотелось бы посмотреть, как быстро прибежит Таманец, но без шторок подходить к окну рискованно. И вообще — прибежит ли он? А то получится, что я тут стараюсь-стараюсь, а он ждет не дождется, когда теща утонет... Нет, сам-то он, может быть, и остался бы дома. Но жена у него суровая. Мужа держит крепко. Она пошлет его сюда.

Его или охрану?

Я набрал номер сотовика Тани.

— Как дела?

— Тишина.

— Если в течение пяти минут не будет, выезжай за мной. У меня «ниагара» уже работает на полную мощность.

Она позвонила через две минуты:

— Вышел джип. На скорости. Я передала сообщение.

Воду я выключил. Чтобы не пострадали соседи, живущие под тещей Таманца. Они-то никакого отношения к делу не имеют.

Звонок в дверь раздался через двадцать минут. Долгий, требовательный. За ним еще и еще без остановки. Должно быть, бабушка совсем затерроризировала дочь. И Таманец не дождался своих парней — а дожждаться он их и не должен — и пришел выяснять отношения. Для него это, кстати, дополнительное алиби. Стихийное бедствие — какое тут могут предъявить ему обвинение за организацию перестрелки? Не до того было уголовному авторитету.

Так он должен подумать.

Я сунул за пояс на спине оба пистолета и пошел к двери. Взглянул в «глазок».

Он!..

2

Майор Соломин выглядел довольно бледно. И не слишком спешил с докладом.

Генерал и без слов понял, что произошло.

— Упустили?

— Как в прорубь нырнул. Наши ребята уже и не стеснялись. В открытую за ним шли в десяти метрах. Втроем. Пулатов зашел в магазин. Двое за ним, третий на подстраховку к служебному выходу. И все... В магазине его не нашли. Бросились к служебной двери. Грузчик сказал, что какой-то мужик проходил. Но не слишком похож по описанию. Впрочем, грузчик был пьян... Из двора Пулатов не выходил. Если только за какие-то секунды проскочил. Бегом. Это он умеет. Третьему сотруднику, чтобы к служебной двери попасть, следовало угол обогнуть. Вот в пределах десяти секунд они и разминутись. Исчез...

— С такими сотрудниками... — Геннадий Рудольфович бессильно откинулся на спинку кресла. — Значит, Ангел нам так и не попадет. И что прикажешь делать? Столько работы псу бродячему под хвост...

Соломин не нашел что возразить.

— Какие-то еще меры приняли? — спросил генерал.

— У нас машина стоит на Хорошевке [13] ... Перед всеми подъездами держать людей рискованно, да и где их взять — людей?.. Но мы исходили из того, что Ангелов не имеет постоянного пропуска. Наблюдали. В бюро пропусков вошел человек, по описанию похожий на Ангелова. Пропуск оформили быстро. Это для ГРУ редкость. Там генералы по полчаса простаивают. Потом этот человек вошел в здание со второго подъезда. Обратно не выходил.

— В третий отдел [14] ... Когда это было?

— Около двух часов назад. Но у наблюдателя нет уверенности. Расстояние слишком большое — наблюдают с противоположной стороны улицы. Оптикой пользоваться нельзя. Это сразу отметит охрана здания. И так уже сняли их на видеокамеру.

13

Здание ГРУ Генерального штаба ВС находится на Хорошевском шоссе.

14

Третий отдел ГРУ — диверсионный отдел. Ведает спецназом.

— Вот черт... — генерал ударил кулаком по столу и сломал свой любимый карандаш. — Но машины-то из двора выезжали?

— Мы не можем контролировать внутренние ворота. Это слишком заметно. Конечно, машины выезжали. Служба работу не останавливала. И вполне могли вывезти Ангелова. Но у нас слишком мало сил, чтобы все проконтролировать. И так мы уже нарываемся, мне кажется, на крупный скандал. Если начальник ГРУ с этим делом пойдет на доклад к Квашнину [15] ...

Генерал перебил майора, пытавшегося общими разговорами отвести от себя неизбежную грозу.

— Скандалы касаются только меня. Это не твоя, майор, забота. Значит, получается так, что Ангелова, если это был действительно он, могли свободно, когда понадобилось, вывезти, и он имел возможность встретиться с Пулатовым? Так?

— Да.

— Может ли сам Пулатов что-то подозревать?

— Не больше, чем я... — Соломин посмотрел на генерала исподлобья. Он не знал конечной цели операции, положение было непривычно и мучило майора. — Это если судить по его реакции. Но он уже знает, что «хвосты» за ним бегают наши.

В кабинет, предварительно пару раз стукнув костяшками пальцев в дверь, вошел подполковник Сазонов.

— Что-то есть? — спросил Легкоступов. Сазонов молча положил на стол ключи от генеральской квартиры.

— Сделал?

— Все пепельницы были пустые.

— Черт... Они ко мне, как к себе домой, ходят... Опоздали. Как я сразу не сообразил! Ладно. Что еще есть?

— Еще одна женщина из видевших Айвазяна посмотрела фотографию Ангелова. Сказала, что очень похож, но не он. У Айвазяна черты лица мельче, нос крупнее и глаза слегка навывкате.

— Тогда получается, совсем другой человек?

— Не совсем. Общий овал лица, еще какие-то черты создают сходство. Вполне возможно, что милицкий оперативник ошибся. Только очень смущает, что Айвазян знает Захватов. Просматривается общая нить. Я даже допускаю такой вариант, что настоящий Айвазян — не Ангелов — вполне мог стать участником убийства майора Мороза. И следовал он туда же, куда позже прибудет сам Ангелов. Мы же знаем, что последний всегда работает с группой обеспечения. Что, если Айвазян входит в эту группу и кто-то показал ему Мороза?

— Запросы из Армении еще не пришли?

— Пришел только из Министерства обороны, как ни странно. Обычно военные чиновники долго раскачиваются. Айвазян служил в армии связистом, но в частях ВДВ. Следовательно, боевая подготовка неплохая. Но к ГРУ никакого отношения не имел и с Ангеловым во время службы соприкоснуться не мог. Как только пошевелится их МВД, я вам сообщу.

В руке Соломина зазвонил сотовик.

— Разрешите, товарищ генерал? — спросил майор.

Геннадий Рудольфович кивнул.

— Слушаю. Майор Соломин, — сказал майор в трубку. — Да... Да... Да... Номер записали? Понятно. Где ваша машина? Передали? Хорошо. Систематически докладывайте.

Он нажал клавишу отбоя и посмотрел на генерала почти торжествующе.

— Объявился!

— Пулатов?

— Ангелов. Подъехал на «Волге» с водителем к Курскому вокзалу. Вышел, прошел до перрона, от которого электрички отправляются, там прогулялся, бросил скомканную бумажку специально мимо урны, вернулся в машину и уехал. Номер машины по картотеке ГИБДД не проходит. Нет в природе такого номера. Бумажку подобрали. Пятизначные группы. Явная шифровка. Очевидно, бумажка предназначена Пулатову.

Генерал вздохнул так, как ухает в ночном лесу филин. От возмущения он не сразу смог говорить. Но, наконец, речевые способности к нему вернулись.

— Что мне делать с такими сотрудниками?..

— Что? — не понял Соломин.

— Ты же понимаешь, — сказал Сазонов, — что бумажка предназначалась Пулатову. Сам сказал. И твои люди ее подобрали...

— Да.

— Значит, Пулатов был где-то рядом. Возможно, загримированный. Под какого-нибудь бомжа или еще под кого-то. И видел, как бумажку подобрали. О-о-ох... — подполковник уловил настроение генерала и вторил начальству с удовольствием.

— Теперь это значит только одно, — констатировал генерал. — Пулатов знает, что за Ангеловым идет «хвост». И свидание не состоится. Ну, ладно. Это мелочи. Нам и свидание-то нужно было, чтобы на Ангелова выйти. Докладывай дальше.

— Ангелов уехал. Дежурной машины рядом не было. Но наблюдатель передал по направлению. Машину с Ангеловым сейчас «ведут».

Опять зазвонил телефон. Теперь майор и разрешения не спросил. Сразу ответил:

— Слушаю. Майор Соломин. Так. Понятно. Спасибо. — И повернулся к генералу: — Вот. Уже доложили... Ангелов приехал в ГРУ. Зашел во второй подъезд.

Легкоступов расслабился.

— Тогда, может быть, стоит прекратить разработку Айвазяна? — спросил Сазонов. — Если мы знаем, что Ангелов точно в Москве... Мы только распыляем силы.

Генерал отбарабанил пальцами дробь по краешку стола. Задумчиво посмотрел в потолок.

— Пожалуй...

В это время в дверь постучали. Вошел капитан из отдела, помялся, хотел, видимо, как и положено по уставу, спросить у генерала разрешения обратиться к подполковнику, потом передумал и обратился напрямую:

— Товарищ генерал. На второй запрос из Армении ответ пришел. Из МВД. — И он положил на стол перед Легкоступовым лист принтерной распечатки.

Геннадий Рудольфович прочитал, решительно подобрался, словно стул под ним выше стал, и грозно посмотрел на офицеров. Они молча ждали слов начальника. Но уже почувствовали, что новость пришла важная. И тоже напряглись.

— Айвазян Рамзес Эдуардович объявлен в Армении в розыск за убийство. Еще три года назад. Кстати, должен проходить по сводкам СНГ. А это значит...

— Это значит, — закончил за генерала Сазонов, — что в поезде ехал не он. Более того, человек из поезда даже не знал за Айвазяном таких грехов. Иначе ни за что не стал бы называться перед милиционерами этим именем. Тем более что он документы даже не предъявлял...

— И опера из «линейки» опознали по фотографии из «дипломата» майора Мороза настоящего Ангелова... — закончил генерал.

Майор Соломин даже встал от непонимания.

— Но тогда получается, что перед нами два Ангелова? Какой из них настоящий?

— ГРУ водит нас за нос, а мы и уши развесили... — Легкоступов тоже встал. — И мне надо было поездом ехать вместе с Морозом. Может, тогда бы...

15

Квашнин — начальник Генерального штаба.

Он не договорил и подошел к окну. Над городом уже вставала ночь. Только тут Геннадий Рудольфович вспомнил, что так и не послал машину на дачу за женой.

— Узнайте быстро, когда будет ближайший самолет. Я вылетаю. Сазонов и Соломин со мной.

Офицеры вышли, а генерал стал звонить на дачу, чтобы уговорить жену остаться и предупредить, что сам он срочно улетает.

Телефон дачи не отвечал. Это вызвало беспокойство. Пока еще не сильное, но все же... Если человек, устанавливающий «жучки» в квартире и на даче, был из ГРУ, тогда волноваться причины нет.

Эти люди государственные, эти не посмеют семью тронуть. Но кто знает, какие еще силы вмешались? В дверь постучали. Геннадий Рудольфович положил трубку. Вошел подполковник Сазонов.

— Товарищ генерал. Самолет через два часа сорок минут. Я уже заказал билеты. Разрешите нам с майором домой съездить. Своих предупредить.

— Поезжайте. Возвращайтесь быстрее.

В это время зазвонил генеральский телефон.

— Алло. Слушаю. Генерал Легкоступов.

Это звонила жена. Не дождавшись обещанной машины, она с дочерьми уехала на своей.

Геннадию Рудольфовичу стало легче дышать.

3

В подъезде включен свет. В прихожей темнота. Та самая темнота, которая в первый момент меня скроет. И потом, он не готов к неожиданностям, а я готов. Он едва ли даже вооружен. Надеется на собственный авторитет и великую наглость.

Дверь я открыл настежь.

— Проходи...

Таманец сразу шагнул вперед, еще не разглядев меня. И потянул носом, втягивая в себя устойчивый запах пропитавшей меня водки.

— Закрой дверь.

Я шагнул назад. К свету, идущему из комнаты.

Он еще не понял, еще не увидел. Только слегка растерялся от моего угрюмого спокойствия. И дверь за собой закрыл. Я тут же на ощупь нашел за спиной выключатель и нажал клавишу.

Не знаю, что ощущают другие киллеры в этот момент. Скорее всего они уже стреляют. А я люблю наблюдать глаза клиента. Надо видеть, как меняется выражение. Агрессивность, с которой он пришел, сменилась сначала на недоумение. Потом искрой пробежал страх. От страха не спасается никто, даже самый смелый человек. В порыве отваги он может броситься на амбразуру грудью. Но при размышлении возникает страх. Обязательно. Просто одни люди могут его преодолеть, другие не в состоянии это сделать.

Таманец преодолел. Он человек сильный.

— Ты?..

— Я.

— Это ты звонил сегодня? С предупреждением.

— Я.

— Зачем?

— Чтобы предупредить.

— О чем? Что приехал меня убить?

— Нет. Зачем об этом предупреждать? Об этом ты и сам догадаешься. Сейчас догадался. Помнишь, я тебе обещал это...

— Когда ты звонил, я о тебе подумал. Не знаю почему. Просто вспомнил наш разговор. Там, в офисе. Когда ты предупреждал... Я это, как ни странно, всерьез воспринял.

- Я всерьез и говорил. Если «закажут» — я с удовольствием. Вот и «заказали»...
- Захватов?
- Захватов.
- Разницы между нами не делаешь?
- Ее нет. Ты чуть получше, как человек. Как мужчина получше. Он сволочь откровенная. Но и он приговорен.
- Кем?
- Он парней прислал со мной, чтобы меня потом за тобой «отправить».
- Если я тебе заплачу, ты не откажешься от своего дела?
- Нет.
- Я так и думал. Но я тебе все равно заплачу. Сколько он за меня дал?
- Тридцать «штук» баксов.
- Хорошо оценил. Уважает. Я тебе за него пятьдесят выплачу. Многовато, но это не от уважения, а от презрения к нему.
- Они у тебя с собой?
- Нет.
- Тогда не успеешь.
- Сам возьми. Телефон есть?
- Есть.
- Дай позвонить.
- Проходи, — показал я рукой и посторонился. Таманец когда-то занимался борьбой. Я ждал, что он попытается за свою жизнь постоять. Но он прошел от меня в десятке сантиметров и ничего не предпринял. Это показалось странным.
- Трубка на подоконнике.

Он взял трубку сотовика. Набрал номер.

— Алло, Люся... У матери все в порядке. Разобрался. Я чуть-чуть задержусь. Что? Больше ничего не сказали? Ладно. Через полчаса к нам человек зайдет. Небранный такой, но красивый. Передаст тебе ключ. Его в квартиру не пускай. Возьми из сейфа пятьдесят тысяч «зеленых». Отдашь ему. Поняла? И без разговоров. Так надо. Это дела... Да. Попозже. Может быть, очень поздно... Все. Пока...

Он положил трубку и посмотрел на меня.

— Джип расстреляли твои?

Я отрицательно покачал головой. И даже не добавил, что не мои, но по моей наводке.

— Нет. Это парни Захватава. Которые будут в шашлычной.

— Еще раз позвонить можно?

— Звони.

Он опять набрал номер.

— Это я. Да. Я уже знаю. Эти парни и будут в шашлычной. Не выпускать. Нет. Мне сейчас не до того. Другие проблемы. Все. Работайте.

Трубку он положил на место. И долго стоял, повернувшись ко мне спиной. Смотрел в окно. С городом, что ли, прощался? Потом повернулся.

— Вот ключ, — положил аккуратный фирменный ключ рядом с трубкой. — Передашь жене. Она тебе заплатит за Захватава. Надеюсь, ты в него не промахнешься. Ты же, Захватав говорил, ни разу ни в кого не промахнулся...

— Обычно я стреляю недурно.

— Ладно. Стреляй. Стреляй в меня недурно...

Я достал из-за спины оба пистолета. Поднял их и не мог оторвать взгляда от глаз Таманца. В них уже не было ни испуга, ни злобы. Только бесконечная, как ночное небо, тоска.

— Ты минуту назад мог напасть на меня. Почему не напал?

— Все равно я с тобой не справлюсь. И еще — справедливо это. Пора уже... Устал я. От себя устал. От окружения устал. А оно не отпустит. И чем дальше, тем хуже. Ты не поймешь этого. Окружение — это не люди. Это атмосфера, в которой живешь, которой дышишь... Ладно. Стреляй. Извини, я смотреть не могу. Боюсь...

Он зажмурился.

Я выстрелил. Две пули в лоб. Одна в сантиметре от другой. Потом подтер за собой все отпечатки пальцев, забрал сотовик и ключ, который Таманец оставил. Выключил магнитофон. За пятьюдесятью тысячами баксов зайти стоит. На ловушку это не походит. Это и правда похоже на плату. Таманцу естественно заплатить за смерть Захватава.

Я помылся под краном, старательно стирая с себя водочный запах. Достал из сумки флакон мужской туалетной воды «Рету» и обильно полил себя. Приятный горький запах. Умеют французы уловить в запахе характер настоящего мужчины. После этого оделся и вышел. Пистолеты оставил на подоконнике в подарок следственным органам. Уже на лестнице почувствовал, что, кажется, приближается приступ. Это неприятно. Совсем не вовремя.

Таня ждала меня в машине. Уже успела переодеть милицейскую рубашку на свою привычную блузку, под которой удобно прятать пистолет, но осталась в форменной юбке. С места машина тронулась, едва я успел сесть.

— К дому Таманца.

— Куда? — удивилась она.

— К дому Таманца. Я получил новый «заказ». От него.

Она ударила по тормозам.

— Я понимаю, что у него жена — первая стерва города. Но я не думала, что ты убиваешь женщин.

Вот как она поняла...

— Таманец мертв. Он позвонил жене и велел ей выдать красивому небритому мужчине пятьдесят тысяч баксов. И даже ключ от сейфа мне доверил. Но просил не пускать этого мужчину в дом. Очевидно, это ревность покойника.

— Это знание своей жены. Она сама с любым свежим покойником переспит, Коллекционерша. За что он тебе заплатил?

— За Труповоза.

Она хмыкнула. Женщине трудно уловить мужскую логику. Даже такой женщине, характеру которой многие настоящие мужчины позавидовать могут. Но поехала через двор к нужному дому. Весь путь — две минуты, и только потому, что приходится по внутренностям дворов кружить.

— Когда я был у Таманца в гостях, его жена отдыхала где-то в Испании. Что она из себя представляет? У тебя есть о ней сведения?

Я сказал и поморщился. Боль в глазах и в голове нарастала. Таня не могла это не заметить.

— Приступ?

— Только начинается. Мне было жалко Таманца. Видимо, из-за этого я понервничал. Вот и последствия...

— Может, не надо куда ходить? Плевать на эти деньги... Бизнесом ты не занимаешься, а на жизнь тебе и так хватает.

— Я тебе задал вопрос.

Чертова головная боль... Так быстро нарастает... Да и приступу наступать рано. Только два дня прошло со времени последнего. Черт! Даже думать тяжело! Неужели это не просто привычные симптомы? Неужели начал плавать осколок около мозга? Тогда совсем дело паршиво. Меня предупреждали, что это со временем возможно... Но резь в глазах? Резь — это привычно. Это приступ...

— Рассказывай быстрее, — я почти прорычал.

— Что про нее рассказывать... Стерва первостатейная. Сверхжадная. Она из хорошего спортивного парня, чуть-чуть балующегося фарцовкой, сделала то, что потом стало Таманцем. И дурит его при этом на каждом углу. Но выглядит она, признаюсь, хорошо. Лучше меня. Тебе понравится.

Головная боль... Головная боль...

А у Тани одно на уме...

— Она не понравится моей голове. Я потому спрашиваю, что мне неприятно было идти сразу после выполнения «заказа», — откуда только взялись у меня силы улыбнуться чуть покровительственно и успокаивающе. — Нехорошо себя чувствовал. Виноватым. Все-таки Таманец не самый поганый парень был. Но на такую, какую ты нарисовала, я с удовольствием принял бы новый «заказ». Хотя тебе и претит убийство женщины...

Она остановила машину у соседнего подъезда.

— Сходи. Только возвращайся быстрее. Не забудь про свою голову.

— Голова сама не даст про себя забыть. Я открыл дверцу.

— Подожди. Оружие ты там оставил?

— Конечно.

— Возьми. — Она протянула мне свой пистолет. В темноте я не увидел модель, но по легкости и громоздкости рукоятки понял, что это «глок». Эта «дура» мне в кобуру не полезет.

Я сунул пистолет за пояс на спине, рядом с кобурой, взял сумку и пошел. И с каждым шагом приближался ко мне приступ. Торопливо приближался, становясь все ощутимее по весу и боли.

Почти ничего не соображая, я добрался до нужной двери, перед дверью протер полую рубашки ключ, чтобы не было на нем моих отпечатков. Сам ключ положил в раскрытую ладонь. После этого позвонил. И даже не увидел, что за женщина открыла мне дверь.

— Заходите, — сказала она вопреки наставлениям покойного мужа. — Заходите, заходите... — поторопила.

Я переступил порог. Не припомню, когда в последний раз у меня была такая сильная боль. Вообще не было такой сильной и так стремительно наступающей.

Я протянул ключ.

— Проходите, небритый красивый мужчина. Чай или кофе? Есть хороший коньяк. Я его из Франции привезла. Настоящий.

— Мне некогда... — Я поднял глаза и увидел только большие ледяные озера, не способные, несмотря на присутствие льда, охладить в жару. Лица не разобрал.

— Как хотите...

Она прошла в квартиру. Вернулась довольно быстро. Протянула мне пять пачек, стянутых резинками.

— Считать будете?

Я бросил пачки в сумку и торопливо вышел из квартиры. Ледяные озера, должно быть, недоумевали, но я не видел этого. И, вопреки осознанию своей боли, я почувствовал, как они провожают меня до поворота лестницы. Кажется, меня уже зашатало.

— Красивый небритый мужчина... — последняя фраза звучала оскорблением. — «Уколотый»

ты, что ли?

Вероятно, у меня в самом деле взгляд «уколотого». Это хорошо, что меня приняли за наркомана. Таманец крупно замешан на наркоте. Поставляет «дурь» во все Поволжье. И его жена должна это знать. Она сочтет, что я приходил по этому делу. Значит, когда ее будут допрашивать, она не упомянет про меня. Связь с наркотой — это конфискация имущества. Сообразит.

Я добрал до машины, удивляясь, что еще пытаюсь анализировать ситуацию. Дверцу открыла Таня, потому что у меня не хватало сил. Усевшись, протянул ей сумку и попросил:

— В целлофановом пакетике порошки...

Она нашла быстро. Запить порошок было нечем. Я просто разорвал упаковку и высыпал содержимое себе на язык. Практика у меня есть. Когда-то в Анголе доводилось таким же образом глотать даже очень горькую хину.

— У меня же самолет в пять утра... Обязательно надо улететь... — я еще нашел в себе силы сказать это.

И потерял сознание.

Глава XV

1

Что-то шумит. Как вентилятор... Монотонно...

Еще не открыв глаза, я вспомнил, что отключился в машине у Тани. Не вовремя приступ придавил. Хотя я и успел дело сделать — это я помню, потому что приступ разума не отнимает, но вот что дальше со мной происходило — загадка. И сейчас лежу с закрытыми глазами, пытаюсь это сообразить. У меня привычка такая — я сначала сориентируюсь и только потом открываю глаза. Хорошая, надо сказать, привычка. Она однажды в Афгане выручила меня и позволила из плена вырваться. С тех пор всегда так поступаю. Пытаюсь сориентироваться и сообразить — как действовать дальше. И действовать стараюсь по возможности так, чтобы это было для других неожиданностью — в случае, когда такая неожиданность требуется. Но, главное, раньше времени нельзя издать ни звука, даже если ранен. Нельзя себя выдать.

Сейчас я не ранен. Я сделал дело, а потом начался приступ. Небывало сильный. И я потерял сознание. Что вообще непонятно. Не терял я раньше сознания. А в этот раз потерял...

Да... Это было в машине... В машине у Тани... Грязновато-серого цвета «шестерка», раздолбанная и гремющая. Таня эту машину покупала уже раздолбанной. Ее во время движения трудно спутать с другой.

Но в салоне той машины вентилятора нет, не услышишь его — если только с головой в двигатель не заберешься. Я потерял сознание на переднем сиденье. И рядом была Таня — за рулем. Мы ехали от дома Таманца после моего разговора с его женой. Самого Таманца я застрелил десятью минутами раньше. Это я хорошо помню. Из двух пистолетов. Одновременно два выстрела в лоб. Мы ехали оттуда...

Мы ехали... И тогда этого вентиляторного шума не было. И вообще, шум автомобильного двигателя совсем не такой. Любого автомобильного... Не такой ровный и монотонный.

Легкая струя воздуха идет откуда-то сбоку. Касается затылка и слегка ерошит волосы. Но это не поток, нагнетаемый вентилятором. Нет. Это только тонкая тугая струя, которую, кажется, можно пальцами прощупать и попытаться согнуть, как проволоку.

Звук незнакомый. Ощущения незнакомые. Где я?

Осторожно напрячь мышцы. По отдельности. Бицепсы, трицепсы, предплечья. Теперь ноги, спину, грудь. Так ощутить и мысленно себя ощупать. Все нормально. Если бы руки были в наручниках или связаны, я бы почувствовал. Нет. Я свободен. И тело мое управляемо.

Где я? Непонятно...

Так и не разобравшись в ситуации, я чуть-чуть, совсем незаметно приоткрыл глаза. И увидел полумрак автомобильного салона. Слабый полумрак. Все освещение идет от передней панели водителя. И откуда-то сбоку, из окон приходит свет «мигалки». Но без сирены. Ментовская «мигалка» обычно с сиреной работает. И в «Скорой помощи» тоже.

Так где же я?

И вокруг автомобиля — полный сумрак. И вроде даже туман клубится. Вижу сквозь боковое стекло. Может, потому горят «мигалки»? Из-за тумана? Но ведь «мигалки» — это характерная принадлежность спецмашин?

Я на заднем сиденье. Лежу. Один. Большое сиденье. Это явно не «жучка». И не пойму, что за машина. Звук двигателя странный. Не должен двигатель автомобиля так ровно шуметь. Так шуметь он может только в том случае, когда транспорт на постоянной скорости движется по абсолютно ровной дороге, никуда не сворачивая, не объезжая выбоины асфальта. И очень-очень долго. То есть в том месте передвигается, которого в действительности в нашей стране не бывает.

Я открыл глаза полностью. Начал к действительности возвращаться. И увидел перед собой затылок. Стриженный. Мужской. Судя по затылку, за рулем сильный человек. Волевой. Затылок это не хуже лица может рассказать. Надо только уметь читать. А под затылком крепкая шея. Почти атлетическая.

Чуть правее второй затылок. Второй...

Это Таня! Она рядом, значит, все нормально.

Она меня прикрывает — это я помню. Даже против моего желания прикрывает. Я не просил ее об этом. Оказалось, мне это было надо. Приступ навалился не вовремя и быстро сшиб меня с ног. Такой приступ, которого я и не помню. Раньше болезнь с ног не сшибала.

Я сел. И только тогда понял, что мы летим в маленьком пятиместном самолетике. Вокруг облачное ночное небо. И не отблески «мигалки» проникают сквозь стекла — сигнальные огни на крыльях.

Таня почувствовала движение за спиной. Она очень чувствительная. Интуитивная. Обернулась.

— Что за машина такая? — спросил я как ни в чем не бывало. И глазами изобразил ангельскую

невинность. Если уж мне досталась такая фамилия — Ангелов, — то я постоянно стараюсь ее обыгрывать.

Таня смотрит на меня долго. Даже в полумраке салона мне достаточно хорошо виден ее внимательный взгляд. Такой внимательный, что я понимаю — она что-то старается без слов сказать. В простой обстановке она бросает взгляды короткие, хотя и достаточно выразительные.

— "Л-200" — «Моравия». Не летал на таких?

Это пилот ответил. Не оборачиваясь. А Таня смотрит. Может быть, даже с какой-то укоризной. Только за что меня укорять? Впрочем, как офицер спецназа она права. Не должен человек идти на операцию, когда ему угрожает приступ. Но у меня приступ был только два дня назад. Обычно следующий через месяц-полтора наступает. И все же... Окажись мы где-то в тылу, Тане пришлось бы из-за меня туго.

Она права.

— Нет, не летал, — отвечаю затылку пилота.

— Как ты, Сережа? — все же спросила Таня.

— Спасибо. Выспался... — отвечаю, тут же сообразив, что она не нечаянно забыла мое имя.

— Тебя всегда так скрючивает?

— В первый раз. Обычно я сам за рулем до дома доезжаю. Растягиваю мазохистское удовольствие. Куда мы летим?

— В Москву.

— А почему индивидуальным «бортом»?

— Так надо. Тебя уже врач ждет. Специалиста хорошего нашли...

Она замолчала и отвернулась. Я понял, что пилот не в курсе минувших событий и Таня показывает это. Он вообще не в курсе того, что я из себя представляю.

Но у меня после приступа появилась болтливость. И слабость организма, и вялость, и болтливость, словно энергия за время потери сознания скопилась и теперь через край бьет.

Пилот начинает что-то насвистывать.

— Долго я в отключке был?

— Около трех часов.

Она ответила, теперь даже не обернувшись. Или дуется на меня за что-то, или соблюдает конспирацию. Как же мне «прочитать» ситуацию? Я не очень люблю, когда меня везут в неизвестном направлении. Слишком это напоминает арест. Прилетим, мне пару стволов в лицо сунут и окольцуют наручниками. Если я позволю кому-то, даже Тане, это сделать.

Но — пилот... При нем не будешь выяснять.

— Мало. За это время не выспишься. С твоего разрешения я еще вздремну. После приступа всегда себя разбитым чувствую.

Я не сказал, что принял такое решение из желания не сболтнуть лишнего.

— Я тоже посплю... — поддержала меня Таня. Значит, конспирация...

2

И я в самом деле задремал.

Обессиленному приступом болезни организму ни к чему лишнее напряжение. Он сам регулирует свои возможности и потребности. К тому же в самолетах я всегда сплю так же хорошо, как делает это на своем боевом посту любой уважающий себя колхозный сторож. Даже в таких маленьких самолетах, как этот.

А когда проснулся, вокруг было уже светло. Известное дело, в небе — в вышине — светает раньше. Мы уже вышли из облаков, может быть, потому, что спустились значительно ниже. Сейчас просыпающаяся земля под крыльями смотрится макетом местности. Только движение на дорогах показывает, что там жизнь не замерла.

— Скоро прилетим? — спросил я у затылка пилота.

— Скоро. Я уже разрешение на посадку запросил. Сейчас «коробочку» сделаю, и будем садиться.

«Коробочка», насколько я знаю, — это какой-то обязательный маневр перед посадкой.

— На какой аэродром?

— Мы не в саму Москву. В Подмоскowie. Здесь обычно только «кукурузники» садятся, когда на сельхозработках пахут. Грунтовая полоса. Так что готовься... Протрясет, как во время гонок на арбах. Машина у меня старая, три ресурса вылетала...

На переднем сиденье потянулась, просыпаясь, Таня. Помотала головой.

— Подлетаем, значит... — констатировала. — Вы давно на этом самолете? — спросила пилота.

— Третий год... Как на пенсию вышел. На этом да на «Як-58». Молодежь натаскиваю...

— А до этого? — спросил я.

— До этого на вертолетах. Два срока в Афгане...

Нет, не зря я недавно думал, что с человеческого затылка можно считывать состояние даже лучше, чем с лица. Лицом каждый управлять умеет. А вот затылком — сложнее. Затылок у Тани даже под волосами напрягся, выражая не то чтобы опасность, но опасение. Я провоевал в Афгане три срока.

— Борт «ноль сорок семь»... Вижу вас... — сказала радио голосом невидимого диспетчера.

— Захожу на посадку? — спросил пилот, насколько я знаю, излишне вольно для строгих и

регламентированных отношений летчика и диспетчера.

Даже без слов про Афган я бы догадался по его манере разговаривать — бывший военный летчик, которому осточертели все строгие команды, и он рвется их разнообразить.

— Посадку разрешаю. За больным машина прибыла. Сразу к стоянке выруливайте, они подъедут...

Значит, я больной... Таня обернулась:

— Все, Сережа, в порядке будет. Не волнуйся... — и опять значительный взгляд.

Я понял.

— Голова сильно кружится, — словно бы пожаловался. — Это не от полета... Это после приступа... Но вообще-то почти оклемался. Может быть, и жить даже буду...

Она на шутку не отреагировала. Пилоту было вообще не до нас.

Маленькая «Моравия» легла на крыло и довольно быстро вышла из виража. Я увидел впереди желтую и, должно быть, пыльную грунтовую полосу, чуть в стороне небольшую башенку диспетчера и традиционную полосатую «колбасу» на длинном шесте — показатель направления ветра для летчиков. Стоянка для самолетов — догадаться нетрудно — это утрамбованная площадка недалеко от металлического ангара. Рядом с ангаром стоит «уазик» с красным крестом на белом фоне — медицинская машина за мной.

Интересно... Что же все-таки случилось?

— Ремни пристегните, сейчас затрясет, — сказал пилот. — Здесь полоса дурная.

Мы выполнили приказ.

«Моравию» в самом деле затрясло сильно. Посадка — это не по воздуху летать. Но приземлились мы успешно. Когда остановились двигатели, мы выбрались на крыло. Пилот с Таней помогли мне спуститься, несмотря на мое сопротивление, — я понял взгляд Тани и усердно изображал из себя больного, но полноценного мужчину, желающего самостоятельно управлять собственным телом. Управлял, но морщился. Вообще, вел себя, как всякий сильный мужчина, стесняющийся своей вынужденной слабости.

Тут только я пилота и рассмотрел в лицо. Он тоже смотрел на меня внимательно.

Подошла машина.

— У тебя брата нет? — спросил он.

— Нет.

— Похож ты на одного парня, только того Лехой звали. Спецназовец. Вместе мы в Афгане летали...

«Семнадцать лет, Миша, прошло. Немудрено и ошибиться...» — сказал я мысленно. А вслух лениво и со смешком произнес другое:

— Бывает, — и пожал плечами. — Меня часто с каким-то Исмаилом путают, а не с Лехой.

Несколько раз было... Одна женщина даже пыталась с меня алименты потребовать... А я этого Исмаила в глаза не видел.

Пилот усмехнулся и хитро подмигнул мне.

Распахнулась боковая дверца машины. Два круторылых парня в медицинских халатах меньше всего напоминали медбратьев. Мой взгляд без проблем определил у каждого из них под халатом по пистолету в подмышечной кобуре. Значит, дело еще интереснее, чем я предполагал...

3

Машина с места рванула довольно быстро. Только шлейф пыли остался позади. Таня сидит рядом. Может быть, это глупо, но я все еще надеюсь на нее.

— Куда мы? — спросил.

— В реабилитационный центр.

Один из медбратьев сел спереди. Второй рядом с нами. Тут же из под простыни с носилок появились два автомата. Стволы направлены не на меня — в окна. Это несколько успокаивает.

— Долго ехать? — спросил я.

— Полтора часа, товарищ капитан, — сказал медбрат, сидящий рядом.

Дело, кажется, не так плохо. А то я уже начал примериваться, как и кого мне в этой ситуации бить.

С пыльного проселка «уазик» выехал на шоссейную трассу. Двигатель, судя по тому, как мы обгоняли престижные иномарки, форсированный.

— Ты этого летчика знаешь? — спросила Таня.

— Нет... — я посмотрел на медбратьев. Им, впрочем, как и Тане, ни к чему слышать, что кто-то меня узнал. Я не в курсе сложившейся ситуации и соблюдаю осторожность. Потому что хорошо знаю: если дело какое-то серьезное и во мне сильно заинтересованы, то отлетающий три срока самолет Миши вполне может сломаться во время очередного полета. Просто рассыпаться в воздухе...

Я откинулся на спинку сиденья. Извини, Миша, что я повел себя так хреново. Понимаю, что старых друзей забывать грех. Я бы с тобой с удовольствием встретился в другой обстановке. Выпили бы, посидели, поговорили. Нам же довелось немало вместе полетать. Есть о чем вспомнить. Есть кого помянуть. Есть даже над чем посмеяться...

— Душа твоя некрещеная, смотри туда... — Я ткнул пальцем в фонарь вертолета так, что бронированное стекло чуть не пробил.

«Ми-8» летит низко, хищно опустив к земле тупое рыло. Разговаривать в вертолете трудно. Приходится кричать. Но и это бесполезно. Пилоты переглядываются и посмеиваются. Они-то сами друг с другом общаются через ларингофоны и наушники. И все слышат. А у меня

ситуация — хоть вешайся. Летуны проклятые дали мне, командиру взвода спецназа, полетевшему с ними, чтобы осмотреть место завтрашней высадки роты, самое паскудное задание — следить за Олихоном. А попробуй-ка уследи за этим козлом! Молодой афганец в жизни своей не видел ничего, кроме своего кетменя, любимого ишака и горы блох в одежде. Так бы он всю жизнь и копался на каменистом поле рядом с кишлаком, но моджахеды отобрали у него невесту. А Олихон — не будь дураком! — решил отомстить. Он сам вызвался показать вертолету дом, где проживает командир отряда «духов», и место, где находится перевалочная база для боеприпасов, поставляемых из Пакистана. За это ему была обещана громадная, по его понятиям, премия — старенький фотоаппарат «ФЭД», которым давно никто не снимал. Все штабные фотографии обзавелись более современными камерами.

У меня за тот час, что мы летели вместе, сложилось впечатление, будто грешным делом я устроился работать воспитателем в детский сад сумасшедшего дома. Все, что Олихон ни видел глазами, он обязательно должен был если уж не на вкус попробовать, то хотя бы руками потрогать. Каждый винт, каждый рычаг, каждую ручку в вертолете. При этом говорил без умолку на дари [16], мало смущаясь тем, что никто его здесь не понимает. И жестикулировал с темпераментом пьяного циркового клоуна. В другой обстановке посмотреть бы на него было забавно. Жизнерадостная натура горстями гребла под себя впечатления, а природное любопытство везде тянуло руки. И не дай Аллах оставить что-то без внимания...

Сначала я просто дергал афганца за рукав. Раз дернул, второй, третий. Потом стал одновременно с одергиванием материться. Рукав тем временем стал понемногу отрываться. В конце концов я начал его по рукам бить. Не так чтобы очень сильно — инвалидом парень, кажется, не стал, но чувствительно. Воспитывал. И волком посматривал на пилотов — удружили! Дали задание! Уследить за Олихоном — это посложнее, чем караван с оружием выследить и разбомбить.

Миша иногда оглядывается и посмеивается.

Джелалабад оставили справа. Внизу, за фонарем кабины, чистая вода Кунара вливалась извилистым слоистым языком в коричневато-мутный Кабул. У каждой реки — свой цвет. Отсюда, сверху, это особенно бросается в глаза.

Приблизились к кишлаку.

— Смотри, смотри внимательнее! — Не церемонясь, я схватил Олихона за шиворот, чтобы сильно не подпрыгивал от радости, лицезрея сверху родные места. — Показывай, скотина!

Афганец говорит без умолку. Не язык у него, а ветряная мельница — пока ветер не кончится, не остановишь. Что он говорит? Да кто ж его разберет. Пусть говорит. Еще в Кабуле ему дали через переводчика конкретное задание. Показать дом и базу.

Наконец, он радостно завопил и подпрыгнул, оставив часть воротника у меня в руке. И показал пальцем вниз, что-то выкрикивая. Попробуй пойми — что...

— Понятно, — кивнул со своего места Миша. Вертолет развернулся, опустил носом ниже — принял позицию хищной птицы — и пошел в атаку. Олихон жестикулировал не останавливаясь и все время рвался схватиться за рычаг управления. Честно скажу, мне стоило большого труда удержать этого верткого змия.

Дом, указанный афганцем, был весьма скромный. Даже странным показалось, что командир моджахедов живет в таком доме. Но у них свои нравы. Уважаемый человек не обязательно должен быть самым богатым. Всего один мощный залп НУРСов поднял в воздух все строение.

...Я никогда не думал, что тишина может заглушить хлопающий звук вертолетных лопастей, дребезжание кабины и даже эхо разрывов. Но такое создалось впечатление, когда Олихон замолчал. А через минуту он упал на пол кабины и стал вырывать из головы волосы. Самым натуральным образом. Стриженный коротко, я потрогал волосы на своей голове и все понял.

— Чтоб тебя, дубину...

— Что такое? — спросил Миша, обернувшись.

— Он же свой дом показывал — оттого и радовался.

— О-у-о... — Миша взвыл так, что перекричал бы, пожалуй, полк взлетающих одновременно вертолетов. — Этот идиот меня выведет из себя. Я его вместо бомбы туда сброшу. Пусть показывает!

Время терять было нельзя.

— Джамшет! Где дом Джамшета? — Я снова схватил Олихона за шиворот, рывком поднял его и кричал почти в ухо. — Джамшет где?

Имя командира моджахедов привело афганца в себя. Он вытер полую грязной жилетки слезы и прильнул к фонарю, снова посмотрел на землю. И тут же показал пальцем в совершенно другой конец большого кишлака. И опять что-то затараторил на дари. Ни одного слова понять было невозможно. Говорил Олихон быстро, прерывал речь всхлипываниями и снова говорил. Но он трижды показал на один и тот же дом. Большой дом, во дворе которого бежали люди, вооруженные автоматами. Похоже, на этот раз его поняли правильно. Но я, вспомнив, что в кишлаке и дом невесты еще остался цел, переспросил:

— Джамшет?

— Джамшет. Джамшет...

— Кажется, понятно.

Обстрел с двух заходов оказался удачным. Дом перестал существовать вместе с моджахедами. А Олихон все показывал и показывал, все говорил и говорил, пока я не понял, что длинное здание в соседнем квартале, рядом с которым стоит грузовик, — и есть склад вооружений, который мы искали.

— Туда. Спалим их, к чертям собачьим...

НУРСы уже подходили к концу, и бить следовало наверняка. Вертолет снизился. Еще один залп, а следом за ним и второй. И это чуть не погубило нас самих. Высота полета относилась к «сверхмалым». Но все же взрывная волна от обычной пораженной цели до такой высоты не достает. Склад же с боеприпасами взорвался так сильно, что мы сами попали в густое облако из огня, дыма и летящих осколков. Машину забило в лихорадке. Миша изо всей силы тянул рычаг управления на себя, стараясь быстрее набрать высоту, и одновременно стал быстро «выбирать шаг» — наращивать скорость оборотов. Проскочили просто каким-то чудом. Из ада, можно сказать, выпрыгнули.

Дарц — язык одной из народностей Афганистана. Распространенный на Востоке язык.

И только после этого успокоился Олихон. Стал вдруг тихим и испуганным.

Но свое дело он уже сделал...

Глава XVI

1

Генерал Легкоступов первым сошел с трапа. Оглянулся на сопровождающих. Летное поле всех аэропортов в больших городах чем-то схоже. И от этого мысли генерала пошли по неприятному руслу. Точно так же всего двое суток назад он прилетел с майором Морозом в другой город. Самолет приземлился в это же время — ранним утром. И вот майора Мороза уже нет в списках группы. И никогда больше не будет. Никогда — какое страшное понятие... Не постигнет ли и двух нынешних спутников Геннадия Рудольфовича та же участь? Они вступили в ту же борьбу, они готовы идти на риск ради успеха. Но готовы ли они ради него погибнуть? Одно дело — погибнуть за Родину. Это любому офицеру понятно. Плохому или хорошему человеку в быту, но офицеру — понятно. Он к такому готов. Профессия! А за что им гибнуть сейчас, если они даже не знают конечной цели операции? И никто этой цели не знает. Даже сам Легкоступов. Вернее, цель просматривается и даже обосновывается, но точна ли формулировка? Соответствует ли она действительному положению вещей? И вообще — возможно ли этой цели достигнуть?

Откуда-то пришла крамола и зацепилась за давно устоявшиеся и не подвергаемые, как аксиома, сомнению мысли — за нужное ли дело они взялись? А смогут ли они совладать с этим человеком, смогут ли справиться?

Это в самом деле было крамолой. Геннадий Рудольфович вырос и воспитался, в том числе и самовоспитался, в стенах здания, которое одним именем своим наводило на людей страх и заставляло шептаться и оглядываться. Контора была когда-то всемогущей. И пусть это всемогущество слегка пошатнулось, но не ушло, не кануло в небытие. Он-то это отлично знает. И все же...

Появившись в голове однажды, крамола не ушла. Она стала развиваться, разрастаться и цепляться за старые принципы новыми шипами, начала выпускать дополнительные колючки, которые принялись генерала беспокоить. Еще не всерьез, но уже основательно. А сомнения, знал он, до добра не доводят.

В самом деле, в силах ли они — при всей мощи Конторы — справиться с Монстром? Он впервые даже про себя назвал капитана Ангелова Монстром. Но кто же, как не Монстр, может так умело противостоять им и ломать их планы? Кто может находиться одновременно в двух городах — за тысячу километров один от другого? И при этом убить их опытного сотрудника в поезде, в котором самого Монстра, судя по всему, не было.

«Ерунда все это... Ерунда...» — сам себя успокаивая, мысленно произнес генерал, стараясь избавиться от путаницы в голове. Но успокоиться было трудно, потому что все факты заставляли как раз беспокоиться. Потому что никто не знает, что представляет из себя в

действительности капитан Ангелов. Он сам, похоже, не знает, а посторонние тем более...

Нет... Ерунда... Е-рун-да...

Ангелов точно такой же человек, как и все остальные. Только очень опытный спецназовец, имеющий за плечами богатую боевую биографию. И человек достаточно умный. Потому он и противостоит им так умело. Но — не больше... Эксперимент тогда не удался. Программу закрыли. Об этом говорят оставшиеся документы. Единственные документы, которые остались от эксперимента, проводимого в специальной психогенетической лаборатории ГРУ. Эти оставшиеся документы генерал раскопал с трудом. Да и какие документы... Только бухгалтерские отчеты, завалившиеся в архивах финансового управления Министерства обороны. Больше ничего нет. Нет даже в спецархивах ГРУ. Это он знает точно, потому что ГРУ не пытается самостоятельно сделать то, что делает сейчас он. Если бы в ГРУ было все известно, они сами давно бы вцепились в Ангела чертовой своей хваткой.

Но у Легкоступова есть и несколько бумажек, случайно отсканированных агентом-нелегалом, сотрудником архива ЦРУ. Агент даже не знал, какой интерес представляют эти небольшие бумажки. Но переслал на всякий случай, просто потому, что там прослеживалась связь с Россией. Вдруг да сгодится...

Эти бумажки и толкнули на дальнейший, зашедший было в тупик поиск. И развили мысль об Ангеле и Пулатове почти до абсурда.

Ерунда все это...

Ерунда?

Вдруг вспомнился маленький эпизод, на который он сразу внимания не обратил. Какая глупость. Какая беспробудная глупость. Разве можно оставлять такие вещи без внимания! За это следовало сразу цепляться. Это же было доказательством. До-ка-за-тель-ством...

Генерал обернулся к подполковнику Сазонову:

— Ты когда будешь на Урал звонить?

— Утром, как договаривались...

— Сделай у них сразу еще один запрос. В день нашего приезда капитан Югов с другими офицерами управления ходил в тир на учебные стрельбы. Там был какой-то эпизод со стрельбой по летящей бутылке. Когда пуля попадает в горлышко и пробивает дно.

— Такого даже в кино не бывает, — засмеялся подполковник. — Это невозможно.

— Ангелов так стреляет По летящей бутылке, Югов сам про это рассказывал. На его глазах было. Если Югова до сих пор не нашли, пусть другие очевидцы напишут рапорт. И обязательно следует допросить начальника тира. Он, кажется, какой-то близкий знакомый капитана Ангелова. Не забудь про это. Это, может быть, важнее всего остального...

Сазонов не понял окончания фразы. Хотя привычно старался уловить «тень» в словах непосредственного начальства. И если он не всегда был лучшим организатором, то он всегда был прекрасным исполнителем. И знал это за собой. Поручений он никогда не забывал, был дотошен и точен. Такой характер.

Здесь, в этом аэропорту, машина на летное поле не вышла. Генерал и офицеры добрались до здания аэровокзала на автобусе-гармошке. И только на выходе их встретил человек в форме. Вернее, не встретил, а они сами подошли к нему.

Генерал представился.

— А я вас как раз высматриваю, — сказал офицер и представился тоже: — Майор Рамзин. Пройдемте, товарищ генерал, в машину.

Управленческий микроавтобус «Газель» по удобствам «Волге» не уступает. Более того, имеет удобства дополнительные. Из пассажирского салона можно отгородиться от водителя двухслойной выдвижной перегородкой и свободно вести разговоры. Что майор Рамзин сразу же и сделал.

— Наш объект, — первым начал разговор генерал, — или вот-вот прибудет в ваш город, или уже прибыл. И будет действовать. Обычно он готовится несколько дней. Проводит разведку. Несколько дней мы ждать не будем. Таманца вы должны взять под плотный контроль немедленно. И ждать, когда объект выйдет на него. Там уже будем ориентироваться по обстановке.

— Поздно... — сказал майор.

— Как?..

— Таманец убит вчера вечером двумя выстрелами в лоб из двух пистолетов «ТТ» с глушителем.

— Кем убит?

— По официальной милицейской версии, пьяным соседом тещи. Некто, гражданин... — майор достал из кармана рубашки блокнот и заглянул, — гражданин Давыдов Николай Сергеевич купил вчера же квартиру этажом выше тещи Таманца. Занимался якобы ремонтом. Приходил к старушке за молотком. Пьяный. Весь вечер стучал молотком по полу и по стенам. Стуки по всему дому слышали. Хотя потом эксперты не обнаружили ни одного свежесбитого гвоздя. Очевидная имитация активного ремонта. И музыку, которую он включил на полную громкость, — весь дом слышал. Слово человек активно искал скандала. Легко просматривается хорошо продуманная ловушка. Потом с верхнего этажа полилась сквозь перекрытия вода. Старушка ходила выяснять отношения, ее послали подальше. Она позвонила дочери. Таманец вызвал своих людей. По дороге машину расстреляли. Он этого еще не знал, старушка донимала, жена покрикивала, и Таманец сам поспешил с разборкой. И получил две пули в лоб. Но не сразу. Очевидно, они разговаривали с убийцей. Таманец прошел в комнату. Убит он около окна. Это дает основания думать, что он не знал убийцу в лицо. Увидев Ангелова, он не решился бы войти.

— Фотографию Ангелова старушке не показывали?

— Нет еще. Не успели. Мы узнали о случившемся три часа назад.

Генерал закрыл глаза и устало откинулся на спинку сиденья. Опять Монстр обогнал их. И оставил ни с чем. Даже если старушка и опознает Ангелова, то противная сторона наверняка предоставит доказательства того, что отставной инвалид-капитан находился в это время в Москве. И ни один прокурор не сможет подписать ордер на арест с такими уликами. Не много даст и запись разговора Ангела с Захватовым в офисе бюро похоронных услуг. Намерение

убить еще не является убийством. Разговор о предполагаемом убийстве не является подсудным делом. Кроме того, предъявить прокурору эту запись — значит сдать перед собственной службой внутренней безопасности и устранить себя от ведения дела. Ведь тогда выплыло бы, что генерал Легкоступов знал все о киллере и не захотел ни сообщить, ни предотвратить новые убийства. Более того, генерал ФСБ сам организовывал обстоятельства, которые вынудили Захватава искать киллера для убийства Таманца... Несомненно, уголовное дело тогда будет возбуждено против самого генерала.

2

Машина притормозила, вздрогнула всем своим металлическим дребезжащим телом, на скорости перескочив дорожную неровность, и свернула с шоссе на узкую и выветренную бетонную дорогу, уходящую в густой орешник. В самом начале дороги на столбе красуется красноречивый «кирпич» — даже мне с одного из задних сидений «уазика» хорошо его видно. Но этот знак всегда ставится для посторонних.

Через пять минут мы подъехали к металлическим зеленым воротам со стандартной, с советских времен и навсегда приваренной к поверхности красной звездой. Над воротами надпись — «Санаторий-профилакторий МО». Как все знакомо! До отрыжки... Не могли придумать что-то новое... В нашей области региональный реабилитационный центр выглядит точно так же. Впрочем, и настоящие санатории мало отличаются. Все они обусловлены уровнем армейского вкуса и полным отсутствием фантазии.

Постовой у ворот в десантной форме. А поскольку это реабилитационный центр ГРУ, то легко и вывод сделать — охраняется объект силами спецназа. Это вот, мне кажется, зря. В наряды и в караулы парням ходить, конечно, тоже надо. На то она и служба. Но спецназ все же лучше использовать по прямому назначению. Сейчас в стране достаточно мест, где ребятам можно проявить себя не хуже, чем солдаты из моей роты проявляли себя в Афгане.

Дальше дорога идет меж двух корпусов, внешне вполне пригодных для санатория, и натывается на внутренние ворота. Еще один караул. Теперь на посту прапорщик. Форма та же. Здесь уже машину остановили, потребовали документы. Второй прапорщик, теперь старший, не поленился сунуть голову внутрь, чтобы окинуть меня вопросительным взглядом. И тут же заглянул в папочку, которую из рук не выпускает. Там, очевидно, красуется мой портрет в профиль и анфас.

Подготовились основательно.

Вопрос у меня возникает сам собой. Когда только они успели подготовиться? Значит, заранее знали, что я попаду сюда? И вывезти меня должна была Таня?

Я косо посмотрел на нее. Она взгляд поймала и глаза отвела. Мы прошли одну школу, нас обучали одни и те же преподаватели, и мысли у нас движутся в одном направлении. Она все поняла. Значит, так оно и было.

Но тогда возникает и законный следующий вопрос. С чего вдруг у меня разразился такой сильнейший приступ? И почему лекарство, вместо того чтобы помочь — расслабить, сразу «вырубило» меня?

— Здесь шеф-поваром тоже ты будешь? — с коварной улыбкой спросил я у Тани.

Она отвернулась вместо ответа. Значит, так оно и есть. Значит, готовить она так и не научилась, а кормила меня тем, что ей привезли грушные кулинары. Что-то там было подмешано. Они рассчитывали, что их стряпня испугает меня симптомами, схожими с обычным приступом. И я откажусь от немедленной работы. Приму лекарство, и меня благополучно отправят на санаторный режим. А уж подменить пакетик с лекарством — на это у Тани навыков хватит, да и время у нее было.

Хотя все, может быть, и не так. Может быть, приступ наступил сам по себе. Ну, подумаешь, подменила Таня пакетик с лекарством. Пустяк. Это для моего же спокойствия. Хотели меня «отключить» и отправить до «свидания» с Таманцем. А в остальном она меня просто страховала, чтобы не случилось с Ангелом в камуфляже никакой неприятности.

Только зачем меня страховать?

Чем таким особым я ценен, что меня следовало беречь и от фээсбэшников, и от разносортной братвы? Говоря честно, при всей своей любви к себе единственному — что, впрочем, каждому человеку свойственно — я не обладаю достаточным апломбом, чтобы поверить, будто все копы ломаются исключительно ради моей персоны. Я отлично знаю таких же, как я, ребят, которых выбросили на нищенскую пенсию, когда кому-то надо было нашу армию развалить. Выбросили, растоптав все лучшие, годами воспитанные чувства и навыки, и забыли про этих людей. Даже кураторы не слишком ими интересовались, если интересовались вообще. И они в отличие от меня не инвалиды.

Чем тогда я выделяюсь?

Своей гражданской профессией? — невольно стал напрашиваться вопрос. Но в этом тоже есть у меня большие сомнения. ГРУ имеет прекрасный штат профессиональных ликвидаторов. И если им понадобится киллер, они не будут воевать за какого-то инвалида-отставника. Они просто приказом пошлют кого-то.

Ответа на свой вопрос я не нашел. И, опять глядя в напряженный затылок Тани, знал, что и она ответа мне не даст. Но кто-то должен сказать правду.

Именно для этого, я думаю, меня сюда и привезли.

Реабилитировать нервную систему...

3

«Уазик» остановился не у корпуса, как мне хотелось бы — красивый корпус с балконами вдоль всех окон фасада. Удобно на таком балконе загорать на утреннем солнышке, когда жара еще не изнуряющая И балконы выходят на южную сторону. Сообразил кто-то правильно.

Мы проехали сквозь третьи ворота — между двумя рядами колючей проволоки, огораживающей нечто. Я вышел из машины и посмотрел не на поленницу березовых дров, приготовленных для работающей исключительно на электричестве местной бани, а на сопровождающих парней. Автоматы они уже убрали, пистолеты доставать, кажется, не собирались, и вообще руки держат так, что не смогли бы защититься, пожелай я пойти погулять без сопровождающих Чуть не потягиваются...

Доверяют мне.

— Приехали, — сказал я и зло, с вызовом пнул поленницу под левый чуть скособоченный для правдивости изображения угол.

Дрова не посыпались. Они никогда не посыпятся, потому что вцементированы в монолит. Только передняя стенка сразу же распахнулась и открыла лестницу в бункер. Можно было бы и не пинать, а просто надавить рукой на тот же самый левый угол — эффект был бы аналогичным. Не думаю, что сопровождающие надеялись меня удивить — я в такие «поленницы» тысячи раз спускался, но сами они вроде бы слегка удивились моей «прозорливости». Еще больше удивились бы, если бы я сообщил им, что представляет собой стоящая неподалеку грязная железнодорожная цистерна. Посмотреть издали — в такой поставленной прямо на землю и жестко закрепленной цистерне должен храниться запас топлива для резервной дизельной электростанции. Запас в самом деле хранится в подобной же «консервной банке». Только где-нибудь под землей в противоположной стороне. А здесь расположена караулка. И сейчас там спят свободные от постов ребята из охраны — солдаты-спецназовцы. Караулка изнутри недурно отделана. Теплоизоляция не пропускает ни жару, ни холод.

Эта система маскировки была хороша тогда, когда ее разрабатывали, — в начале пятидесятых годов. А во времена нынешние для качественной маскировки лучше бы просто оставить одни санаторные корпуса, потому что любой подземный бункер легко определяется инфракрасной съемкой с военных спутников. Но приказа строить иначе не было. Потому и строят.

Армия всегда отличалась консерватизмом.

— Товарищ майор, — сказал один из сопровождающих Тане, — вы пока в машине подождите. Мы сейчас вернемся и вас до корпуса подвезем. Вам комнату уже подготовили.

Не дожидаясь ее ответа и ничего не сказав ей сам, хотя хорошо видел — она ждет моих обиженных слов, я шагнул на бетонную лестницу, надеясь где-то там, глубоко под землей, узнать, чем я так ценен для Службы, что из-за меня даже самолет «Л-200» зафрахтовали. А что самолет не принадлежит ГРУ — это я понял еще во время полета.

Сопровождающие заспешили за мной.

Бункер обычный. Я много подобных на своем веку видел. Они вообще бывают в нашей армии только двух типов: жилой и штабной. В жилом бункере есть одно громадное помещение-казарма для личного состава и в самом конце две комнатки. Одна для командира, вторая оружейная. Штабной бункер строится по принципу железнодорожного вагона — коридор и двери в кабинеты. Есть, правда, и бункеры для больших штабов. Там кабинеты располагаются по обе стороны коридора. В реабилитационном центре большой бункер без надобности.

Меня провели в стандартный, остановили растопыренной ладонью и постучали в неказистую дверь.

— Войдите, — раздался из кабинета незнакомый голос.

Признаться, я хотел бы встретиться с кем-то мне известным. И кому я сам буду достаточно известен. С кем-то, скажем, кто воевал рядом со мной. По возрасту и по времени пора бы им уже и в звания выйти. С таким человеком мне проще было бы найти общий язык.

— Товарищ полковник... — начал один из сопровождающих.

Полковник в гражданском, прерывая доклад, поднял ладонь тем же простым жестом, каким меня останавливали у его двери.

— Приехали?.. Хорошо. Вы свободны. Мы с Алексеем Викторовичем поговорим по душам, а потом я сам его в лечебный корпус отведу. Проверьте комнату, все ли готово.

— Есть! — рывкнул сопровождающий, щелкнул каблуками и, развернувшись строго, словно на тренировочном плацу, вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

Раньше, насколько я помню, в спецназе не умели так каблуками щелкать. У нас больше времени уходило на боевую подготовку, чем на строевую. Впрочем, времена на месте не стоят. Сейчас спецназ и на охране используется. Тоже новшество. Чего дальше ждать — ума не приложу.

Полковник смотрит на меня. Я откровенно и улыбочиво им любуюсь. С надеждой разрешить все же свою сакраментальную задачу — что же я есть такое? Хотелось бы, чтобы получился у нас разговор. Он моего возраста, стройный, подтянутый, спортивный, внешне доброжелательный. И вообще был бы красавец-мужчина, если бы не глубокий шрам через все лицо. Говорят, мужчину шрамы украшают. Трудно с таким утверждением согласиться, глядя на полковника.

— Садитесь, товарищ капитан.

— Я так давно в инвалидах хожу, что забыл уже про свое звание, — привычно начал было я ломать комедию. Приобретенное гражданское поведение плюс естественное в моем положении чувство противоречия.

— Перестаньте, — не сказал, а приказал полковник довольно жестко и бесцеремонно. — Такие, как вы, инвалиды могут всю страну на уши поставить. Уже, можно сказать, поставили. Не знаю уж, в скольких городах России розыскники различных структур ищут ваши следы... Садитесь. Я — полковник Мочиллов. Для простоты общения можно называть меня Юрием Петровичем. У нас с вами интересный разговор будет. Хотелось бы, чтобы он получился долгим, но это зависит от вас...

Мочиллов... Какая хорошая фамилия для киллера!

— А я думал, все от вас зависит... — удивился я, страиваясь на стандартном канцелярском стуле, произведенном деревообрабатывающей промышленностью лет сорок назад. Жестко, зато надежно — не рассыплется под тобой.

Оппонент смотрит на меня прямо. Я умею такие взгляды выдерживать не смущаясь.

— Что с вами происходит? — спросил он.

— Ничего особенного, Юрий Петрович, ничего особенного... Живу потихоньку, как все...

Он не обратил внимания на мои слова, словно не для него они были произнесены.

— Как угораздило вас киллером стать? Только без виланий — расскажите... Вспомните, что вы были боевым офицером. И расскажите прямо. Как в армии.

— Как в армии, товарищ полковник, не получится. Потому что я почти забыл, что это такое. Честно говоря, сегодня испытал приятные ностальгические чувства, когда вот этот бункер

увидел. Вспомнить мне есть что. Но это мимолетное. А в целом жизнь моя уже иначе устроена. Без этих бункеров, без обращения по званию и без стойки «смирно». Кроме того, я давно отвык молча переносить манеру некоторых людей разговаривать со мной, как с мальчиком. Перерос я в себе самое уважение к армейской субординации.

И я посмотрел на него выразительно.

Полковник не дурак. Он понял. Как и с Таней, мы с ним тоже проходили одну психологическую школу. И умеем улавливать одинаковые вибрации. Но он не пожелал подстроиться под мой уровень мышления. Армия сидит в нем слишком прочно, и три большие звездочки на погонах, даже при том, что сейчас полковник в гражданском, заставляют плечи держать выше и шире — перед каким-то инвалидом-капитаном особенно. От начальственного тона избавиться и стать в одночасье интеллигентом дано не каждому, даже профессиональному военному разведчику. Для этого следует еще и характер иметь иной.

— Вас что, нужда заставила стать наемным убийцей?

— "Наемный убийца" — это звучит патетически. Не находите? Словно вы воспитываете меня...

— Именно это я и пытаюсь сделать.

— Напрасно. Я уже сам под влиянием внешних обстоятельств себя воспитал. И влился в сегодняшнюю жизнь полноценным членом социума. Заметьте, Юрий Петрович, это не трудно — в сегодняшнем нашем обществе киллер стал единицей более обычной, чем, скажем, был когда-то Герой Социалистического Труда, работающий с какого-то завода.

— Не философствуйте...

— Если мне нравится философствовать, я буду философствовать. И никто мне это не запретит. Потому что я — есмь я. Вот такой, какой есть. Обученный за счет государства высококвалифицированный убийца.

— Вы уверены, что не забываетесь? — Кажется, я начал понемногу ломать апломб полковника. Он занервничал, а это значит, что теряет в себе уверенность. Если так пойдет дальше, я его переиграю.

— Абсолютно. Я не вижу за вами морального права меня воспитывать. Да, я киллер. Ну и что?

Полковнику хотелось бы стукнуть кулаком по столу — я заметил это, но он не решился. Или просто понимает, что тогда разговора у нас не получится. А ему этот разговор, кажется, очень важен. Так же важен, как и мне самому.

— Вы забываете, что я могу в любой момент приказать арестовать вас и передать правоохрнительным органам. И милиция, и ФСБ давно на вас зубы точат. И будут рады. Пока вас спасает только принадлежность к Службе...

У меня по спине опять пробежал мороз. Не от испуга — никогда полковник своей угрозы не выполнит. Если человек виноват и не нужен Службе — она не будет его защищать. А меня защищали, меня подстраховывали, меня берегли. Вывод — очень я им нужен. И я осознал это явственно, как озарение на меня снизошло. Чем-то я очень и очень ценен, хотя представления не имею — чем именно.

— Вы же сами предлагали не валять дурака. Давайте — не будем. Меня достаточно хорошо

готовили когда-то, чтобы я сумел качественно просчитать сложившуюся ситуацию. Выдавать меня следственным органам не в ваших интересах.

— Почему? — По глазам полковника я понял, что это и есть главный для него вопрос.

— Я для этого и приехал к вам сюда, чтобы спросить — почему? У вас спросить... Почему ФСБ, вместо того чтобы арестовать киллера, усиленно занимается тем, чтобы заставить определенные круги вынудить этого киллера совершить очередную акцию. Я и это просчитал — если бы ФСБ не создавала условия, в убийстве Таманца не было бы никакой надобности. Но почему ГРУ покрывает, страхует и вытаскивает своего бывшего сотрудника — это совсем непонятно. Не самого информированного, не самого знаменитого, не самого отмеченного заслуженными правительственными наградами. Почему?

— Ну, во-первых, вы не сами приехали, а вас доставили под охраной... — И он посмотрел на меня, как сам, должно быть, подумал, очень хитро. Но это ему только показалось.

Меня так и подмывало рассказать полковнику, где бы он сейчас искал свою охрану, но я — воспитанный в грушных традициях — предпочел промолчать. Ни к чему предупреждать заранее, что я человек не стеснительный. Если противник предупрежден — он вооружен.

— Во-вторых, — продолжил полковник, довольный тем, что, как ему показалось, поставил меня на место, — эти самые вопросы мы хотели задать вам.

Чуть в другой интерпретации, но суть от этого не меняется. Почему? Почему вы понадобились ФСБ? Что вы такое знаете, чего не знаем мы и не знают они, но горят желанием узнать?

— Не могу предположить. Но понадобился не только я, они плотно обложили и Пулатова.

— Мы в курсе. Именно это и навело нас на след, по которому мне хотелось бы пройти вместе с вами. Но Пулатов куда-то вдруг исчез. Он участвовал в проведении «подставы» — мы прикрывали вас и создавали у ФСБ впечатление, что вы находитесь в Москве. Нам даже пришлось срочно отозвать из Белграда сотрудника, имеющего внешнее сходство с вами. Его ФСБ и «вела» по московским вокзалам.

Все-таки я сломал Мочилова! Совсем другим языком заговорил. И утратил свой командирский тон. Так и надо было начинать. Может быть, уже до чего-то договорились бы. Такую манеру общения — партнерскую — я принимаю.

— Я звонил Пулатову по этому поводу. Просил сделать имитацию встречи.

— Я знаю. Мы с Пулатовым поддерживали постоянную связь посредством сотового телефона закрытого канала. ФСБ этот телефон контролировать не могла. Пулатов сообщил нам о вашем звонке. И мы поддержали. Но сам он исчез во время акции «прикрытия». Как в воздухе испарился. Хотя по логике должен был бы продолжать поддерживать с нами связь.

— Интересно. Может быть, ФСБ... «Повязали»?..

— Мы проверяли по своим каналам. У них нет причины задерживать Пулатова. Это вы себя так удобно для них готовили. Пулатова, единственно, могли в вырезвитель забрать. Пару раз забирали, но он там устраивал такие «показательные выступления», что теперь все машины вырезвителя в Электростали, только его завидят, сразу дают задний ход. Нет. ФСБ тоже его ищет. И они обеспокоены случившимся.

— Каким образом вы можете их контролировать? — незаметно я сам перешел на манеру допроса.

— Капитан Пулатов был вооружен, — докладывал мне полковник, как подчиненному, — и наверняка не сдался бы без сопротивления. Захват сотрудника такого уровня обязательно прошел бы с потерями со стороны ФСБ. Он был готов к такому варианту и человека три-четыре наверняка уложил бы. В ФСБ, исключая подразделение "А" [17] и «Вымпел», нет специалистов, способных безболезненно для себя захватить Пулатова. Но отдел, занимающийся вашим делом, по нашим данным, почему-то близко не подпускает коллег из смежных отделов. Сильно засекречивают свою деятельность. Нам известно, что потерь они не понесли. Мы имеем возможность контролировать их медицинские учреждения. С Курского вокзала капитан Пулатов уехал в Электросталь, домой — все «хвосты» остались в Москве, и он чувствовал себя спокойно. Через полчаса вышел из дома и пропал...

— Без следа?

— Без следа. Сотовый телефон, который он должен постоянно с собой носить, не отвечает. У Пулатова осталось только три кодировочных диска. Каждый по минуте разговора. Возможно, он их бережет. По этой же причине мы пока не звоним ему. Прошли только сутки. Еще дня два потерпим, потом будем звонить.

— Какая-то случайность? Уголовники? Авария? — продолжал я «допрос» в манере требовательного следака. Полковник Мочиллов этому молча подчинился.

— Был бы след. Мы проверяли данные милиции.

— Каким образом? Делали запрос?

— Ну, до этого мы еще не опустились. У нас сейчас при дешифровальном отделе работает группа хакеров. Проследить милицмейские компьютеры можно без проблем. У них нет надежной системы защиты и стоящих спецов.

— Кто последняя так называемая жена Пулатова? Не пытались ее найти?

— Он с ней месяц назад расстался.

— И не завел еще новой? — Хорошо зная Виталия, я искренне удивился.

— Пока нет. — По голосу полковника и по поднятым бровям я понял, что он капитана тоже знает хорошо.

— Найдется. Такие люди не пропадают, как какие-нибудь уличные бомжи. Обязательно найдется. Надо через телефонную станцию проверить все его последние звонки. От него и к нему.

— ФСБ все звонки прослушивала.

— Они проверяют по-своему, вы проверьте по-своему... Он должен был оставить зацепку.

— Ладно. Хотелось бы, конечно, посадить вас с капитаном Пулатовым за один стол и откровенно поговорить. Но пока это невозможно. Придется нам разговаривать вдвоем.

— О том же?

— О том же. Что вы подозреваете? Я посмотрел на него прямо.

— Нет. Так не годится. Мне нужна зацепка. У меня была мысль, что ФСБ хочет использовать меня как киллера, вынудив обстоятельствами. А потом ликвидировать и свалить всю вину на ГРУ.

— Тогда при чем здесь Пулатов? Нет, тут другое... Есть для вас зацепка. Очень интересная. Если это как раз то, что интересует ФСБ, то игра стоит свеч. И тогда понятен риск, на который пошел генерал Легкоступов, организовав убийство Таманца.

— Что за зацепка?

— Александр Иванович Радян. Это имя вам что-то говорит?

Чуть не минуту помолчав, я откинулся на спинку стула. Одно такое долгое молчание яснее ясного обрисовало ситуацию полковнику. Это имя очень много мне говорило, хотя не настолько, чтобы впечатлить и заставить понять ситуацию. Я не увидел прямой связи между Радяном и интересом ФСБ к моей персоне и персоне капитана Пулатова.

Понятнее вопрос не стал.

— Профессор Радян? Где он сейчас?

— В восемьдесят шестом году он поехал отдыхать в Пицунду. В отпуск поехал, по путевке. В санаторий Министерства обороны. Объявился уже в Италии. Там он обратился к американскому консулу с просьбой о политическом убежище.

— О политическом? — Я все же удивился.

— Именно. Вот тогда мы вскрыли его сейф и обнаружили пропажу многих важных документов.

— Что было дальше?

— Профессор Радян слишком плохо плавал. А в Адриатическом море в те дни шла слишком сильная волна. Нырнул и не вынырнул...

— Я понял. Но какое отношение имеет Радян ко мне и к Пулатову? Единственное, он отправлял нас обоих на инвалидность. И перед этим проводил психологическую реабилитацию.

— ФСБ взялась за вас только после того, как к ним попали некоторые из документов Радяна. Оттуда, из-за границы.

— И что?

Полковник Мочиллов выдержал паузу, подчеркивая значимость следующей фразы.

— Давайте думать. Вместе. — Он не предложил. Он сказал утвердительно, как о чем-то давно решенном.

— Давайте, — согласился я. Оснований для отказа я не увидел.

Подразделение "А" — официальное название известной группы «Альфа».

Глава XVII

1

— Надо немедленно перекрыть город. Причем только своими силами, — категорично сказал Легкоступов. — Привлекать посторонних я запрещаю.

— Милиция, товарищ генерал, объявила операцию «Перехват». Независимо от нас. Дело сразу к ним поступило. Посты на всех дорогах, на речном и железнодорожном вокзалах, в аэропорту, — угрюмо доложил майор Рамзин. Ему явно не нравилось, как москвичи лезут во внутренние дела полуторамиллионного города, но противостоять действиям головного управления он не мог и вынужден был подчиняться. Однако хотя бы внешним видом показать недовольство себе позволил.

Геннадий Рудольфович уловил в голосе майора раздражение. И понял его происхождение. В последние годы на местах все так москвичей встречают. Нигде в России их не любят, словно москвичи — это отдельная нация.

— Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Ангелов попал в руки милиции. Лучше самим его упустить, чем отдать им...

— Наши тоже задействованы в поиске. Но работают автономно. У милиции нет фотографии Ангелова, у наших есть. Людей, к сожалению, не хватает. Мы не можем снять на это дело весь личный состав управления. Никто нам этого не разрешит, да и своих дел столько, что дай бог справиться. Но все, что можно было, уже задействовали.

— А убийство вашего доморощенного крупного бизнесмена — это не дело вашего управления? — спросил генерал.

— Не мы организовывали это убийство... Фраза прозвучала, как пощечина. Генерал не привык, чтобы с ним так разговаривали. В первый момент даже дыхание в горле комком встало от возмущения.

Но Легкоступов понял.

Никогда какой-то майор не посмел бы так разговаривать с московским генералом. Никогда, если бы не чувствовал за спиной сильной поддержки...

Только вот откуда эта поддержка идет?

Местное начальство потакает? Это несомненно.

Но и у местного начальства для такого решения должны быть развязаны руки. Причем настолько развязаны, что генерала чуть ли не откровенно в убийстве обвиняют. Ну, если и не в убийстве, то в соучастии, в организации... Значить это может только одно — опять вмешивается отдел внутренних расследований... И ухо надо держать востро...

Машина ходко шла по направлению к городу.

Аэропорт от жилых районов сравнительно далеко, и время для раздумий у генерала в избытке. А подумать есть о чем. Те же самые «жучки» на квартире и на даче... Если это в самом деле работа не ГРУ, а своих же? Но он вроде бы дома важных разговоров не вел. А на даче вообще редко появляется. И не с кем ему вести разговоры, если даже сотрудники отдела ничего не знают.

— Какие еще есть возможности покинуть город? — прекращая бесполезный и грозящий несвоевременным обострением отношений спор, спросил Легкоступов, с трудом возвращаясь мыслями к нынешней ситуации.

Приехавшие с ним офицеры слушали молча и в разговор пока не вступали. Но они уже поняли, что дела здесь просто у них не пойдут.

— Сколько угодно возможностей, — устало махнул рукой Рамзин. — У нас население в городе больше полутора миллиона. Волга под боком. Лодок и катеров — не перечесать. Садись на лодку, на катер, на яхту и — гуляй по волне... Особенно в темноте. На реке всех не перехватишь, потому что погода такая — не захочешь, а на воду поедешь, если плавать умеешь. Третью города у Волги сосредоточена.

— Тогда какой смысл в операции «Перехват»?

— Никакого, я считаю, смысла. Милиции это нужно для отчета. Ну, пару машин украденных найдут. Пару пистолетов и гранат. Наркотики. Вот и весь улов. На моей памяти нет ни одного случая, чтобы удалось перехватить нужного человека.

— Но Ангелу после убийства важно прибыть в Москву как можно раньше. Чтобы там показаться, будто бы и не уезжал. Ему нужно сделать алиби...

— За час до вашего прилета не явился пассажир на московский рейс.

— Тоже следует проверить.

— В Москве-то его хоть ждут? — поинтересовался Рамзин между делом. — Перехватят, если что?

— Там его даже очень ждут.

И генерал вздохнул, зная, как сложно в большом потоке пассажиров выловить нужного человека. Ангел не дурак, чтобы лететь прямым рейсом и по своим документам. Он сначала в какой-то другой город заглянет, потом уже оттуда в Москву вылетит.

— Ладно, будем разбираться, что тут у вас происходит... — Генерал специально сказал эту фразу очень серьезно, даже слегка устало, словно он прибыл с миссией наделенного полномочиями проверяющего. И посмотрел на майора — как отреагирует.

Тот не отреагировал никак. Словно ему было наплевать на мнение столичных сотрудников. Они — в том числе и генерал — для него не начальство. Своего хватает...

— Когда материалы дела можно посмотреть? — спросил подполковник Сазонов, чувствуя, что в разговоре опять настал момент напряжения и следует поддержать генерала. И поставить на место зарвавшегося майора.

— Утром запросим через прокуратуру.

— А нельзя сразу?

— Сразу, товарищ подполковник, у нас даже кошки не рождаются. Материалы, я думаю, еще не готовы. Хотя я лично предупредил, чтобы делали все в двух экземплярах. Или хотя бы ксерокопии приготавили...

— Не надо было показывать свою заинтересованность, — сказал Легкоступов — Через прокуратуру еще ладно, а милиции не надо было... Я же особо насчет этого предупреждал.

— Мы всегда все дела по заказным убийствам требуем. Это не вызывает подозрений в заинтересованности.

— Будем надеяться...

— Кстати, — спросил майор Соломин, — как фамилия пассажира, который не явился на московский рейс?

— Минутку... — Майор Рамзин снова достал блокнот и нашел нужную страницу. — Айвазян Рамзес Эдуардович... И данные паспорта...

Москвичи набрали в рот воздух и все вместе не могли его выпустить. Рамзин понял...

2

— Что это за документы? — спросил я полковника. — Сразу предупреждаю! единственное, что я знаю про профессора Радяна — что он долго лечил меня и капитана Пулатова в реабилитационном центре типа этого. Разве что сам центр был чуть покрупнее. Со своим небольшим полигоном и...

— Я знаю, где это было, — сказал полковник.

— И за те почти полгода, что я провел в центре, профессор остался для меня загадкой. Он никогда ничего не рассказывал о себе в отличие от большинства психотерапевтов, в основном занятых самолюбованием. Это у них профессиональное. Таким образом они и себя, и других пытаются убедить, будто на что-то серьезное годятся.

— А вы считаете, они не годятся?

— Только редкие исключения. Но разговор не о них. Разговор о профессоре и о документах, — вернулся я к волнующей меня теме.

— Что касается документов, то до нас они не дошли. ФСБ получила их у кого-то из американцев. Думаю, нынешние успехи американской науки в области генетики — это некое продолжение темы профессора Радяна.

— Какие успехи? — попросил я уточнить. Полковник поднял на меня удивленные глаза.

— Вы что, телевизор не смотрите? Уже неделю по каждому каналу об этом говорят. Президент США выступает с обращением к американскому народу.

— Я две недели провел в автобусе...

— Я в курсе...

— А потом было просто не до телевизора. Так что за успехи у американцев?

— Они сумели записать генетическую карту человека.

— Это мне ничего не говорит. Я слишком далек от генетики и потому не могу даже обрадоваться за американцев.

— Американцы считают это самым большим открытием тысячелетия. Если научиться воздействовать на генную структуру, то можно с успехом лечить многие ранее неизлечимые болезни. Даже рак победить. И СПИД. Это то, о чем все говорят... А не говорят о другом — можно произвольно изменять не только способности человека к оздоровлению, но и его психологию, делать его суперсильным, супербыстрым и супербесстрашным. Это же известная мечта американцев — суперчеловек. Или — суперсолдат.

— Это в самом деле интересно. Перспективы заманчивы. Так что же мешает американцам создать принципиально новый суперкорпус суперморской суперпехоты? Не думаю, что недостаток средств.

Полковник юмор оценил и усмехнулся. К американцам он, похоже, относится так же, как я. Удивляться здесь нечему. Это дипломаты типа недавнего министра иностранных дел Козырева пусть американцам хвосты языком чистят, а каждый офицер будет видеть в американском офицере потенциального противника.

— Они не умеют воздействовать на генетический код человека. Записать сумели, а воздействовать не умеют. Иначе говоря, читать научились, но не умеют писать.

— И что?

— А наши ученые, не умея считывать код полностью, научились воздействовать на отдельные участки.

Я поморщился.

— Это все, полковник, чрезвычайно интересно. Только я не совсем понимаю, какое отношение к этому имеет профессор Радян. И уж тем более — какое отношение имеем к этому мы с Пулатовым.

Он удивился моей простоте.

— Профессор Радян как раз и занимался проблемами воздействия на отдельные участки генетической решетки — это его основной профиль. В своей лаборатории он сумел создать бойцовских крыс. Представляете, что это такое — живучесть и хитрость крысы объединена с отвагой бультерьера и быстротой реакции кобры. Впрочем, в вашей комнате есть видеомагнитофон, там и кассета имеется с записью. Я специально для вас приготовил. Будет желание, полюбуйте на крыс.

— Полюбуюсь. Впрочем, мне однажды довелось наблюдать нечто подобное. Радян сам показывал.

Мельком. И без комментариев. Правда, воскликнул тогда что-то вроде: «Вот бы таких солдат иметь!» Но он же психотерапевт?.. Он что, крыс гипнотизировал?

— Это он с вами работал как психотерапевт. Полковник неожиданно помрачнел, словно тучи со всего неба вокруг головы собрал, и замолчал, не отрывая от меня взгляда — показывал этим, что дал мне время подумать.

Я думал. Но тоже молчал, ожидая продолжения.

— Меня интересует вот какой вопрос. Ставил ли профессор какие-то опыты над вами?

Признаться, меня тоже этот вопрос волнует. Я никогда не задумывался над тем, что по своей сущности я, возможно, чем-то сродни подопытной крысе, пусть и бойцовой. Мысль не слишком приятная.

— Вы сами проходили через психологическую реабилитацию? — поинтересовался я.

— Доводилось.

— Как это выглядело?

— Беседы с психоаналитиком. Сеансы легкого гипноза. Вот в принципе и все...

— У вас были серьезные ранения?

— Нет. Только одно. Поверхностное, — он по трогал рукой шрам на лице.

— А у меня последнее ранение было настолько серьезным, что делали трепанацию черепа. Дважды. Доставали из головы осколки. Один, кстати, так и не смогли достать. До сих пор сидит где-то рядом с мозгом и в любой момент может изъять желание «поплавать». Говорят, последствия могут быть не предсказуемыми. По сути дела, я давно обречен...

— Это я знаю. Я знаком с вашей «историей болезни».

— А вот я знаком плохо. Медицинскую карту мне на руки не дают, да я и сомневаюсь, что смогу в ней что-то понять. Но не это главное. Откуда я могу знать, что делал со мной ваш профессор в то время, когда я находился под воздействием наркоза? Откуда я могу знать, что со мной происходило, если реабилитация проходила в глубоком гипнозе? То есть я полностью находился под контролем профессора Радяна. С моей же стороны контроль осуществлялся исключительно подсознанием. Знаете, как это происходит?

— Приблизительно.

— Обычно человек даже в состоянии глубокого транса не может совершать поступки, противоречащие его сущности. За этим как раз следит подсознание, которое не спит. А в остальном я имею полное право забыть все, что мне прикажет гипнотизер.

— Ладно, — согласился полковник. — К этой теме мы еще вернемся. Чуть позже. Возможно, я сделаю вам предложение, и мы попробуем вместе что-то выяснить. А теперь скажите мне — какие-то документы Радян мог прятать через вас? Я не допускаю мысли, что он напрямую попросил вас это сделать и вы скрываете до сих пор такой факт. Он мог это сделать иначе. Косвенно. Например, с помощью гипноза заставить вас спрятать, а потом до определенного времени заставить забыть.

— Не проще ли ему было спрятать самому? У спецназовца жизнь сложнопредсказуема. Если нас и отправили на пенсию, то нет гарантии... Хм-м...

Полковник кивнул. Он понял, что я имею в виду. Воспитанный годами характер всегда может принести своему обладателю немалые осложнения в жизни.

— Да... Наверное... Я что-то усложняю... Еще вопрос. Только ответьте мне честно. Может быть, это кардинальный вопрос всего нашего сотрудничества.

— Слушаю вас.

Последовала пауза, подчеркивающая важность момента. И очень внимательный взгляд. Просто попытка в мозг забраться и пальцем там поковырять, а не взгляд.

— Почему профессор Радян при подготовке документов для пенсии поставил вам шестую категорию? Вам и капитану Пулатову.

Я не совсем понял.

— Что такое шестая категория?

— Вы не знаете?

— Впервые слышу.

— Объясню, хотя это и не открытые данные. Но у нас с вами есть насущная потребность вопрос выяснить.

— Я весь внимание...

— Обычно офицер спецназа уходит в отставку с третьей или второй категорией. Хотя бывает, что и с первой. В зависимости от операций, в которых он принимал участие. Если просто служил внутри страны и не участвовал в боевых действиях — первая категория. Сейчас, в связи с политической обстановкой, таких мало. Если воевал где-то или отправлялся в заграникомандировки в качестве военного советника или инструктора — вторая категория. Если принимал участие в рейдах отдельных мобильных офицерских групп — как правило, третья. Категория определяет степень подконтрольности куратору. За одними почти не нужно следить, за другими необходим присмотр. Вместе с присмотром возрастает и необходимая помощь. Это как своего рода льготы. Когда-то путевку подбросят, когда-то деньгами выручат. И, естественно, чем выше ваша категория, тем больше забот о вашей безопасности. Негласная охрана. Всего категорий семь. С седьмой уходят в отставку начальник ГРУ, начальники отделов и начальники разведуправлений округов. С шестой, как правило, разведчики-агенты, много лет отработавшие на нелегальном положении. С пятой и четвертой — начальники отделов разведуправлений округов. Но даже четвертая и пятая согласно положению дают право выбрать при выходе в отставку город, в котором человек желает проживать, исключая Москву и Питер. С предоставлением квартиры. При шестой и седьмой вам гарантируется квартира и прописка даже в Москве и в Питере.

— И что же меня никто не предупредил?.. — усмехнулся я. — Давно бы я в Москве жил под полным вашим присмотром. А за какие, кстати, заслуги мне дана шестая категория?

— Вот это и непонятно. Категорию вам поставили Радян и Соломаткин, бывший заместитель начальника отдела кадров ГРУ. Радян возглавлял тогда медицинскую комиссию как главный врач центра и одновременно давал заключение как эксперт-психиатр о вашей возможной «саморасконсервации» [18]. Документально все обосновал. Соломаткин поставил все подписи

со ссылками на номера документов. Сами документы были впоследствии уничтожены. Акты на списание существуют. Придаться не к чему. Но и спросить не у кого — почему вы с Пулатовым получили шестую категорию...

— А Соломаткин?

— Соломаткин, к сожалению, вскоре после этого погиб в автомобильной катастрофе.

— Имелись серьезные основания для его гибели?

— Нет. Там все чисто. Он слишком много знал. Проверка была качественная. По полной программе. Заключение комиссии — сам перестарался, на скорости задремал за рулем и не вписался в поворот. Есть, правда, один настораживающий факт. Соломаткин разбился, когда возвращался с дачи Радяна, с которым дружил.

— Но кто-то еще должен знать... Исполнитель документа?

— А как мы найдем его? Фамилия и подпись исполнителя ставится на обороте. Самого документа нет. Прикажете опрашивать всех сотрудников о всех документах, которые они в тот год готовили?

— Но нас-то должны были предупредить об этом.

— Должны были. Но не предупредили. У нас в чиновничьих кругах это распространенное, к сожалению, явление. О своих льготах человек узнает слишком поздно.

Из скромности я не сказал, что меня льготы тоже слегка волнуют. Не так чтобы очень хочется в Москве жить, но возможность выбора манит, как пряник.

— Мы внимательно изучили весь ваш послужной список. Советовались. Ну, предположим, за операции в Европе вам можно было бы дать четвертую категорию. Если учесть информацию, которая не включается в архивные отчеты, допускаю, что можно было бы и пятую дать. Но откуда шестая?

И вдруг меня кольнула мысль.

— Значит, заслужил... — сказал я и откинулся на спинку стула.

Я сам толком не понял еще, какую игру я затеял.

Язык опередил развитие мысли. Однако откуда-то вдруг появилась уверенность, что в данном случае я обязан работать «автономно», без полковника.

Не понял моей игры и полковник. Но оторопел. И только через минуту принял позу, свойственную хоккейному болельщику, застывшему перед телевизором с вытянутой шеей.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы можете предположить, что к части документов, даже не уничтоженных, вас просто не допустят?

— Естественно.

— Вот вас и не допускают...

- Но вы думаете, что шестая категория была присвоена правильно?
- Я могу так предположить, исходя из сказанного вами о праве на присвоение категории. Полной уверенности у меня нет, потому что, как я догадываюсь, это достаточно субъективный вопрос. Но, повторяю, предположить могу.
- Но тогда документы мне могли бы просто назвать в перечне.
- Какие можно было назвать, те были названы в перечне. А потом уничтожены. И акт на уничтожение, как вы сами сказали, в полном порядке. В чем же проблема? Из-за чего беспокоиться?
- Но тогда выходит, что моя версия...
- Красивая история о том, что я и капитан Пулатов имеем какое-то отношение к документам Радяна...
- Да... Выходит, эта версия не имеет под собой оснований?
- Выходит так. По крайней мере, мне так кажется. Полковник совсем потерял былую уверенность.
- Может быть, мы не будем торопиться... Подумаем вместе... Поищем варианты... Ведь ФСБ не станет просто так интересоваться человеком и затевать из-за простого офицера сложную и рискованную игру.
- Давайте попробуем.
- Если я откажусь, он начнет копать дальше. И неизвестно, что может выкопать. Лучше сделать вид, что мы плодотворно сотрудничаем.
- Полковник встал, давая понять, что разговор пока подошел к концу. Лицо его образцово выразило уныние, пересекающий красивые черты шрам побледнел.
- Я провожу вас. Вам надо отдохнуть, потом мы посоветуемся с врачом-психотерапевтом... Кстати, простого терапевта вам прислать?
- Не надо. А зачем психотерапевт?
- Мы посоветуемся и придем вместе с вами к какому-то выводу.

18

«Саморасконсервация» — психологический эффект, через который проходят многие работники секретных служб. У каждого человека происходит в разное время, но мало кому удается его избежать. Заключается в психологической необходимости человека через какое-то время после завершения своей работы высказать то, что следует хранить в тайне. Контролировать эти моменты должны кураторы. Им подконтрольные обычно и «жалуются».

- Договорились. Кстати, товарищ полковник, можно вам вопрос задать?

— Пожалуйста.

— Фамилия ваша меня смутила. Вы никогда киллером стать не мечтали?

Он засмеялся. Нет, зря я так. Мужик Юрий Петрович неплохой. Понимает шутки...

3

Сначала приступ болезни, потом ночь, проведенная в подвале Труповоза, потом ночь в поезде, потом целый день работы, потом второй приступ, потом ночь в самолете, куда меня с подачи Тани загрузили в бессознательном состоянии скорее всего сотрудники разведцентра округа во главе с полковником Бастриковым. И еще такой тяжелый разговор с полковником Мочилковым. Все это вымотало меня основательно. Так основательно, что я стал опасаться, как бы новый приступ на навалился.

Комнатку мне отвели стандартную, напоминающую гостиничный номер. Много раз я в таких комнатках отдыхал и знаю, что в стены здесь вмонтированы микрофоны, а в какие-то несуразные лепные украшения под потолком — «глазки» видеокамер.

— Сколько вам надо для полноценного отдыха? — спросил полковник, вежливо не проходя дальше двери из тесного коридорчика в комнату.

— Миллион долларов.

— Я имею в виду время.

— Тогда хорошо бы до завтра отдохнуть.

— Договорились. Столовая у нас на первом эта же. Расписание висит над письменным столом. Если никого не хотите видеть, можете позвонить в столовую, вам все доставят в номер. Если захотите прогуляться — вся южная сторона центра в вашем распоряжении. Единственная просьба — желательно не выходить за внутренние ограждения. Иначе возникнут проблемы с возвращением. В соседнем корпусе — спортзал и сауна.

Он докладывает мне, как генералу. Эх, знать бы раньше про свою шестую категорию, я бы не сам ходил в ресторан к куратору, а его бы заставлял ко мне с коньяком и закуской приходить.

— Спасибо, товарищ полковник. Я сориентируюсь. Не впервой... — все же я не стал по-генеральски рожу кривить. Я вежливый и к фанфарам равнодушный.

— Устраивайтесь. На письменном столе под стеклом список всех необходимых телефонов.

Он кивнул мне и вышел, закрыв за собой дверь вежливо, без звука. А я потянулся. Так сильно и сладко потянулся, что — уверен! — наблюдающему мое вселение дежурному за пультом контроля тоже спать захотелось.

Мне не впервой отдыхать в реабилитационном центре. И местные порядки я хорошо знаю. Армия, даже и годы спустя, остается все той же армией, хотя она уже не советская, а российская. А Служба по-прежнему остается Главным разведывательным управлением Генерального штаба. И порядки здесь изменятся не скоро. Отдыхать мне позволят, сколько захочу. Реабилитационный центр, несмотря на охрану, — совсем не тюрьма, хотя наблюдение здесь за пациентами намного более тщательное, чем в самой строгой тюрьме.

Но я и в самом деле устал. Однако, прежде чем лечь отдохнуть, тщательно просмотрел свою сумку, которую доставил сюда кто-то обязательный. Все на месте. Даже доллары, пистолет и метательные ножи. Более того, все сложено в том же порядке, в каком я складывал. Аккуратные, заразы! На всякий случай я выложил на стол пакетики с лекарством. Один пакетик сразу высыпал себе на язык и запил водой из графина — после приступа тоже не грех принять дозу. Профилактическая мера.

После этого сходил в душ, долго мылся прохладной водой, потом долго растирался и все это время старательно отгонял от себя привязчивые, как мухи, мысли.

Но мысли не отставали.

Я уже разобрал постель, когда взгляд упал на телевизор и видеомэгнитофон. Подошел ближе, взял в руки пару кассет.

И понял...

Сейчас полковник Мочиллов тоже стоит перед блоком с мониторами, желает знать, что я буду делать. И очень надеется, что я все же поставлю в первую очередь кассету с бойцовскими крысами. На торце коробки так и написано — «Крысы».

Если я поставлю ее — значит, я попался, и меня долго отсюда не выпустят. Это значит, что я подозреваю, если и не знаю точно, что профессор Радян ставил на мне опыты точно такие же, какие он ставил на крысах.

А я выбрал видеофильм из географической серии. У меня дома есть такие кассеты. Прекрасные пейзажи с разных концов земли и не менее прекрасное музыкальное сопровождение. Очень хорошо такими кассетами лечить расшатанную нервную систему.

Такую, как у меня.

Я включил телевизор и видеомэгнитофон, а сам забрался под простыню, положил голову на подушку и уставился в экран. Плавная музыка ложилась на плеск высокого, но тонкого водопада. Ветер разносил водную взвесь на несколько метров, создавая даже рядом с телевизором приятное ощущение прохлады.

Я смотрел, глубоко дышал по ритмической системе [19], прочищая организм. Но едва ли видел что-то уже после двух минут просмотра.

...Из лечебного корпуса, где я после первой операции находился под наблюдением нейрохирурга, меня направили в соседний, торцом стоящий к нашему, как я видел из окна.

— Вас профессор Радян ждет. Я вас провожу, — заботливо взяла меня под руку медсестра.

Руки у нее мягкие и приятные. Я вообще-то женские руки люблю и дорожу каждым их прикосновением. Но на этот раз хотелось самостоятельности.

— Спасибо, милая. Я уже много лет назад ходить научился. Сам дойду, — отказался.

И демонстративно прямо пошел к выходу. Чуть не строевым шагом.

В самом деле, я уже второй день свободно ходил по коридору. Сначала придерживался за стенку. Потом ноги обрели более уверенную поступь, перестали заплетаться. Куда хочу, туда и

могу ногу поставить. Это стало достижением, которое подтолкнуло к большему. До соседнего корпуса пройти — проблемы, казалось, не существует.

Но это только казалось.

Захотелось свежего воздуха с ветерком. Полную-полную грудь, чтобы гудела она от упругой надутости, чтобы кровь от порции кислорода сильнее забегала. Я несколько раз вдохнул во всю силу легких. От свежего воздуха закружилась голова. Сначала это не беспокоило. Я пошел, продолжая глубоко дышать. Но на половине дороги остановился и вынужденно взялся рукой за дерево.

Состояние не из приятных. Словно вдрызг пьян. Хочется лечь под это самое дерево, рядом с которым стоишь, и отключиться. Но лечь не позволил характер. И потому пришлось переждать пару минут, прежде чем снова собрался с силами. А до центральных дверей психотерапевтического корпуса идти слишком далеко. Потому я решил воспользоваться дверью боковой, в надежде что она открыта. Я сегодня видел из окна, как сюда входили люди. Другие входят, почему нельзя мне. Там, внутри, по коридору, двигаться будет легче, можно позволить себе о стену рукой опереться.

19

Ритмическая система дыхания — дыхание по системе йогов, имеет широкий спектр применения.

Я поднялся на крылечко в две бетонных ступени. Дернул ручку. Дверь открыта. Изнутри идет запах, более соответствующий хирургическому корпусу, чем психотерапевтическому. Но это меня не смутило. Через тамбур, через вторую дверь, в коридор, и дальше. И никого нет. Не у кого спросить.

Голоса за дверью. Я потянул на себя ручку.

Несколько человек столпилось перед клеткой из оргстекла. Странные звуки. Писк, смешанный с ворчаньем зверя. Вижу, что люди возбуждены. На скрип двери и на меня внимания не обратили. Я подошел ближе. Посмотрел из-за плеч, что так всех интересует. И сам заинтересовался.

В клетке были крысы. Одна из них, самая крупная, дралась с двумя другими. Еще две крысы лежали рядом, окровавленные идохлые.

Длилось это не больше минуты. Через минуту в клетке осталась в живых только одна. Та самая — крупная.

— Один к пяти, — сказал человек явной восточной наружности. — Вот бы таких солдат!..

— Чтобы с крысами драться? — спросил я. Все резко повернулись в мою сторону.

— Вы кто? Как вы сюда попали? — спросил человек, который, как мне показалось, всем этим командовал. Тот самый, восточной наружности.

— Я ищу профессора Радяна.

— А-а... — он сразу успокоился. — Вы, очевидно, капитан Ангелов? Вас что, не встретила медсестра?

— Голова кружилась. Я вошел через боковую дверь.

— Я — полковник Радян. Пройдемте, нам с вами в другое крыло, — он взял меня под руку и повел к двери.

— Как вам понравился наш Спартак? — спросил перед выходом, кивнув в сторону клетки с крысаком.

— Я человек гуманный... — ответил я уклончиво.

— Капитан спецназа... — ответил он почти ехидно. Должно быть, в понимании полковника каждый спецназовец должен быть кровавым убийцей. А в моем понимании каждый врач-убийца в большей степени. Потому что в бессилии медицины перед болезнями убеждался не однажды. И задавал себе вопрос — может ли врач брать на себя право лечить, заранее зная свое бессилие?

Проснулся я от характерного шуршания.

Пленка в видеоманитофоне кончилась, и по экрану телевизора гуляли игривые полосы. Пульта в комнате не оказалось, и пришлось встать, чтобы выключить телевизор и видеоманитон. И заодно посмотреть на часы.

Подошло обеденное время. Честно говоря, голода я не испытывал. Но возникло желание хотя бы визуально познакомиться с обитателями реабилитационного центра. Лучшее место для этого — столовая жилого корпуса. Там собираются все.

И я пошел умываться.

Вниз я спустился на пять минут раньше графика — листочка заламинированной бумаги, лежащего на столе Специально, чтобы иметь время присмотреться к людям. Не скажу, что для меня это дело новое. И в своей области приходилось в таком же заведении бывать, но здесь были и некоторые особенности. У нас в реабилитационном центре не ведется следственная работа и нет полковника Мочилова. Впрочем, каждый центр чем-то от другого отличается. Тот, где работал профессор Радян, например, имел свою исследовательскую базу и разводил крыс для опытов.

У дверей столовой столпилось несколько человек. Я сразу понял, что это обслуживающий персонал центра — все в медицинских халатах. Потом подошла группа из четырех человек в спортивных костюмах. По характерным сухощавым, как у спортсменов, лицам я легко вычислил офицеров-спецназовцев. А по замкнутости и внутренней сосредоточенности понял, что они только-только вернулись с какого-то задания. Еще не отошли. В руках одного бутылка водки. Очевидно, здесь это не возбраняется.

— Осваиваетесь? — спросил из-за спины полковник Мочиллов.

Я обернулся.

— У меня такое ощущение, что я неделю голодал. Пришлось проснуться и бежать в столовую почти бегом.

— Могли бы и позвонить, вам бы в комнату обед доставили... — сказал он откровенно недовольно. Очевидно, полковнику почему-то не хотелось, чтобы я активно начал знакомиться с местными обитателями.

Но чувство противоречия у меня развито достаточно сильно. Хотя я и наполовину болгарин, натуральная русская черта характера заставляет меня поступать всегда не так, как меня заставляют.

И потому я открыто улыбнулся полковнику и прошел в двери столовой, которые только что распахнули. И сразу подумал, что полковник пожелает стать моим соседом за столом. А я из вредности хочу сделать иначе. Чтобы он понял мою самостоятельность и не надоедал. Я уже набрал себе с раздачи целый поднос, когда присмотрел трех медработниц, облюбовавших отдельный стол. Собрался к ним направиться, когда услышал:

— Ангел! Появилась Таня.

— Проголодалась, предательница?

— Садись вон туда, к окну, я сейчас подойду. Полковник Мочиллов понял, что он будет третьим лишним, с улыбкой кивнул мне и направился со своим подносом в другую сторону.

Таня, отметил я сразу, почти ничего себе не взяла. Блюдет фигуру. Она села напротив и смотрела на меня чуть не с болью в глазах.

Я усердно жевал.

— Здесь, наверное, единственное место во всем центре, — сказала она, — где нет аппаратуры слежения.

Я кивнул. Знаю.

— Тебе надо выбираться отсюда быстрее...

— Не надо было меня сюда доставлять.

— Я совершила ошибку, что не предупредила тебя.

Она явно ждала моих вопросов или комментариев, но я словно не среагировал на предупреждающие слова. Будто меня совсем не интересует, почему мне следует отсюда сматываться.

— Они думают, что профессор Радян ставил на тебе какие-то опыты по генной инженерии.

Я промолчал, отдавая должное традиционно безвкусным макаронам — не в Италии живем.

— И будут тебя исследовать.

— Ты где поселилась?

— Этажом выше тебя.

— Отдыхаешь?

Она помотала головой.

— Нет. В компьютерном центре работаю. Они используют мои хакерские навыки.

А вот антрекот здесь хорошо готовят. Он мне по вкусу. Прожарен до хрустящей корочки, но совсем не подгорел. Очевидно, повара здесь не солдаты.

— Я подумаю над твоей дальнейшей судьбой... — сказал я и потрепал Таню по щеке.

И при этом старался смотреть на нее очень холодными равнодушными глазами. Чтобы она почувствовала сама — друзья не делают так, как сделала она...

Выходя из столовой, я обратил внимание на столик, за которым сидели четверо с бутылкой водки. На столе стоит пятый стакан. Водка налита, и стакан накрыт сверху кусочком хлеба.

Ситуация в комментариях не нуждается. Поминают пятого члена своей группы. Мне случалось так же, как они, сидеть за общим столом...

Глава XVIII

1

Генерал Легкоступов опять не решился попросить себе кабинет в областном управлении. Попросить — это значило бы полностью поставить себя под контроль местных коллег. Там не будешь искать «жучки». О возможности устроиться на служебной квартире разговор не зашел — волжане приняли московских гостей откровенно холодно. Но возразить против этого было нечего. И поэтому устраиваться пришлось в гостинице. Каждому из офицеров предложили по отдельному небольшому номеру. Генералу заказали номер этажом выше, двухкомнатный люкс. Он отказался, сославшись на смету. И тоже занял стандартный небольшой одноместный номер. На том же этаже, что и Сазонов с Соломиным. Чтобы легче было общаться.

Судя по реакции майора Рамзина, проявившего явное беспокойство по поводу переселения генерала, двухкомнатный номер был подготовлен для контроля.

Такая «старательность» сотрудников местного управления наглядно показывала отношение к самому генералу и к его делу. Геннадий Рудольфович перенес это молча. Так же молча отреагировал и на отказ в предоставлении постоянной машины.

— У нас сейчас туго с транспортом. Если машина срочно понадобится, звоните дежурному. Ему отдан приказ обеспечивать вас, — сказал местный майор. И добавил: — Если что-то под рукой будет...

Генерал проглотил и это.

— Хорошо. Связь будет осуществляться через вас?

— Да. Я сейчас поеду за новостями, через час-два постараюсь вернуться. Принесу вам полную сводку проведенных мероприятий.

Майор ушел.

— За новостями... — передразнил Рамзина подполковник Сазонов. — Отсыпаться он сейчас

поедет. Всю дорогу зевал. Сейчас ляжет и часа на четыре уснет. А потом еще жаловаться будет, что всю ночь на ногах провел. И все из-за нас.

Геннадий Рудольфович так не думал. Едва ли пренебрежение им дошло до такой степени. Даже если отдел внутренних расследований и дал команду на контроль действий генерала, то производить этот контроль следует, конечно же, негласно. И никак не показывать свое отношение к делу и к самому генералу. Очевидно, местные сотрудники очень недовольны, что за заказное убийство спрос будет напрямую с них. Отсюда и раздражение. Но и при этом раздражении помогать они будут. Понимают, что Геннадий Рудольфович действует не для собственного удовольствия.

Он и в этом гостиничном номере сразу встал у окна — сказала привычка, и молча смотрел на открывшийся взгляду вид. Пейзаж прекрасный. Волга в утренние часы смотрится интереснее, чем только еще просыпающийся город, похожий на все другие старые города России. Буксир тащит по реке груженную песком баржу и подает какой-то сигнал встречному большому катеру. И во всем чувствуется простор и вольность. Хочется от одного пейзажа снять галстук и распахнуть на груди рубашку.

«Оттого, наверное, волжане и такие... — со смешком подумал он, вспоминая недавнее поведение майора Рамзина. — Вольный народ, хоть и при погонах...»

— Приступайте к работе, — не обернувшись, сказал Геннадий Рудольфович. — Доложите мне первые результаты, а потом часик сможете отдохнуть. У нас тоже ночь была дорожная. Да и прошлая тоже...

Он только сейчас подумал, что за двое суток слегка подремал дома да чуть-чуть прикрыл глаза в самолете, когда из Москвы летел. Вчера, когда транспортным «бортом» добирался до Москвы, заснуть так и не смог — тряска сумасшедшая.

Офицеры ушли.

Они тоже, вспомнил Геннадий Рудольфович, вчерашнюю ночь прождали его в управлении и потом весь день работали. Он требовал от сотрудников отдела полной отдачи в такое напряженное время. И даже не помнит, чтобы они на обед сходили. Как и он сам. Он вообще только на кофе держался. Так тоже, конечно, нельзя. Так своих людей загоняешь до истощения и себя доведешь до того же — кто потом будет дело делать?.. Но офицеры не жалуются. Служба такая...

Однако и сам генерал почему-то не испытывает сейчас неизбежного при такой хронической вынужденной бессоннице тумана в голове. Не тянет прилечь и закрыть глаза.

«А я, кажется, становлюсь Монстром, как и Ангел, — подумал он. — Правильно говорят — с кем поведешься... Завел он меня, как механическую игрушку. Скоро буду изнутри тикать и головой безостановочно кивать. Всех он завел. Думает, наверное, кто кого... Или не думает о нас? Он ведь даже понимать не должен, что не все люди могут жить так, как он... Не все Монстры...»

В том, что Ангел знает о слежке со стороны ФСБ, Легкоступов не сомневался. Если знает ГРУ, то обязательно знает и капитан. Ему должны были сообщить. Да и сам он давно догадался. Не кто-то посторонний, надо думать, снял «жучки» в его квартире.

В дверь постучали, и генерал оторвался от волжского пейзажа.

— Войдите.

Зашел подполковник Сазонов.

— Товарищ генерал, сообщение с Урала...

— Вы послали запрос о стрельбе в тире? — перебил Легкоступов.

— Конечно. У них с нами во времени час разница. Рабочий день скоро начнется. Придут сотрудники, сразу напишут рапорты. И поедут снимать показания у начальника тира. Как будет готово, перешлют закрытым каналом по факсу на имя начальника местного управления для вас.

— Хорошо. Докладывайте, что там нового...

— Югова объявили в розыск. Пока результатов нет. Как в воду канул. Но есть одна маленькая деталь. Стволы всего табельного оружия, расписанного на сотрудников, в управлении зарегистрированы. Пуля, извлеченная из головы майора Мороза, не проходит по их картотеке. В первую очередь проверяли пистолет Югова. Потом заодно пистолеты всех сотрудников. Нет.

— А Югов не имел другого оружия?

— У него был с собой табельный. Зачем ему носить целый арсенал? В жару второй пистолет и спрятать некуда.

— Пистолет Мороза не найден?

— Нет.

— У нас в управлении описание стволов проходит по картотеке?

— Нет.

— Значит, остается вероятность того, что Мороз был убит из собственного пистолета. Его же сначала оглушили, а потом застрелили. И возможность взять оружие преступник имел.

— Это вероятно.

— Что еще?

— Проверяли возможную причастность капитана Югова к криминальным кругам. Пока проверка ничего не дала. Дома у него произведен обыск. Не богато капитан жил. Не слишком похоже, что имел хоть какие-то посторонние заработки.

Снова постучали в дверь. Генерал с подполковником обернулись. Вошел майор Соломин.

— Продолжай, — сказал генерал Сазонову.

— У меня все.

— Хорошо. Что у тебя нового? — Теперь уже вопрос обращен к Соломину.

— Сообщили, что тот, второй Ангелов, которого наши видели в ГРУ, выехал на служебной

машине в Подмоскowie в реабилитационный центр.

— Неплохо грушники живут, что капитану предоставляют машину для такой поездки. Могли бы и автобусом отправить. Как удалось узнать, куда они поехали?

— На заправочной станции наш сотрудник умудрился прилепить под задний бампер «радиомаяк».

Генерал молчал больше минуты, прохаживаясь под окном. Соображал.

— Скажи мне, майор, если тебе надо будет поехать в какой-то подмосковный санаторий, чтобы подлечиться, ты обратишься ко мне с просьбой предоставить тебе машину?

— Конечно, нет, товарищ генерал.

— Вот здесь грушники прокололись. — Генерал почти торжествующе посмотрел на своих сотрудников. — Мне так кажется. Они очень боятся, что мы перехватим второго Ангелова, и потому не решились отправить его рейсовым автобусом. Так?

Геннадий Рудольфович повернулся к Сазонову, потом к Соломину, спрашивая взглядом.

— Не совсем так, товарищ генерал, — возразил подполковник. — Если бы вы, скажем, готовили майора Соломина к какому-то заданию и перед заданием отправили бы его на отдых, вы дали бы машину. Даже категорично не разрешили бы ехать рейсовым автобусом.

Легкоступов подумал и кивнул:

— Возможно. Но с чего вы взяли, что Ангела к чему-то готовят? Он же инвалид!

— Если бы мы знали всю грушную кухню, то сейчас не сидели бы здесь и не гадали.

— Тоже верно. Но это возражение я могу принять только наполовину. Человека, которого в любой момент может свалить приступ головной боли, использовать не будут. Вот если только они знают... — генерал чуть не проговорился. — Впрочем, это мои домыслы. Они не существенны... Еще новости есть?

— Пока нет.

— Идите отдыхать. Нам всем надо иметь свежую голову. И я отдохну до приезда майора Рамзина.

2

После обеда я поднялся к себе и взял комплект из трех метательных ножей. Побросал их у себя перед грудью, жонглируя перед замаскированными «глазками» видеокамер, но циркач из меня никудышный. В цель я ножи метая лучше, чем просто подбрасываю их для игры. Решил сходить в спортзал, там должна быть доска с мишенью. Но по дороге меня перехватил полковник Мочиллов, который, я думаю, протирал штаны перед монитором и видел, что я собрался выйти.

— Извините, обещал не беспокоить вас до завтра, но вот пришло сообщение... — он похлопал по папке. — Я не буду долго вас отвлекать. Наши сотрудники нашли врача-анестезиолога,

работавшего во время вашей операции. Он помнит тот случай и утверждает, что профессор Радян в самом деле проводил какую-то не совсем обычную операцию уже после нейрохирургов. Выходит, он все же ставил над вами эксперимент. И анестезиолог даже удивился, что вы до сих пор живы.

— Вы, товарищ полковник, просто радуете меня такими оценками. Что еще рассказал анестезиолог? Профессор пытался создать мне крысиный профиль?

— Нет. Я вовсе не думаю, будто в нашей стране производятся настолько плохие зеркала, что они так коварно вас обманывают. Согласно вашей медицинской карте, с помощью генной инженерии Радян закрепощал пучок мышц, в которых застрял ваш знаменитый осколок, поскольку удалять его было рискованно — острые края плавно вошли в мозг, и при удалении могли наступить последствия. Операция делалась для того, чтобы эти мышцы вокруг осколка сами приобрели качества чуть ли не металла и не давали осколку двигаться. На экспериментальную операцию пришлось пойти только потому, что для вас это был единственный шанс выжить. За месяц после первой операции осколок уполз в сторону на четыре миллиметра и в результате все равно прорвал бы кору. Это тоже данные из вашей медицинской карты. В ней сохранились межоперационные снимки. По крайней мере, карта — у нас на руках. Из нее тоже можно кое-что выжать.

— А что в карте сказано о генной инженерии? — поинтересовался я, демонстративно зло подбросив один из ножей прямо перед кончиком носа полковника.

— Увы... Карту заполнял Радян. Он использовал свои собственные символы, которые оказались не по плечу нашим дешифровальщикам. Специалисты-медики тоже ничего не смогли разобрать, кроме отдельных слов и конечного диагноза.

Я пожал плечами.

— Выходит, у меня одеревенелая, а точнее сказать — ометаллизированная башка. Не знаю, плакать мне или радоваться подобному сообщению, но на какие-то новые мысли оно меня, к сожалению, не наводит — это точно. А ведь именно для этого вы и сообщили мне подробности операции, так я полагаю?

— Да. Это информация к размышлению. Над вами была произведена уникальная, единственная, можно смело сказать, в мире операция. Подумайте, что это могло вам лично дать? И что могло дать Радяну? А завтра мы поговорим и по этому поводу тоже.

— Я имею возможность полюбоваться собственной медицинской картой? Может быть, хотя бы это наведет меня на мысли?

Полковник ненадолго замаялся.

— Я сделаю вам ксерокопию, — наконец согласился он. И таким образом, сам того не понимая, дал мне новую информацию к размышлению. Дополнительную. Пауза, выдержанная Мочиловым, очень много сказала.

Раз мне не дают на руки саму карту, это может значить только то, что полковнику есть что скрывать и он не раскрылся передо мной полностью. А мне очень хотелось бы знать, какие козыри он пожелает мне предъявить, если я раздумаю с ним сотрудничать.

На этом мы временно и расстались.

В спортзале я застал тех парней, которых уже видел в столовой. Вежливо поздоровался, но они оказались не слишком общительными и, ответив на мое приветствие, отошли чуть в сторону. Разговаривали между собой вполголоса.

Я всем в знакомые не навязываюсь и потому сделал вид, что принимаю условия мирного сосуществования. Да и пришел я сюда не для разговоров. Мимоходом, почти не останавливаясь, провел каскад ударов по одному мешку, через четыре шага выдал каскад ударов по мешку следующему и остановился в шести шагах от мишени для метательных ножей.

Все три ножа я бросил так же, как бил по мешку — чуть не проходя мимо. И удачно. Лишь один пробил линию центрального красного круга, остальные угодили внутрь. Эти ножи я делал сам — не слишком мне нравятся стандартные. Вытаскивая их, увидел, что слегка заинтересовались моим занятием четверо неразговорчивых зрителей. Подошли ближе. Стали смотреть, как я выполняю вторую серию бросков. Теперь все три ножа попали в круг.

— Меня командир все учил «стрелки» [20] бросать, — сказал один. — Очень он «стрелки» любил...

Я так понял, что слова обращены ко мне. Как человек иногда вежливый, обернулся.

— Для моей руки, — сказал, — «стрелки» легковаты.

И протянул свои ножи.

— Попробуете?

Он взял. Бросил их быстро один за другим. Только последний воткнулся.

— Ножи непривычные... — сказал парень, оправдываясь. — У нас в роте не такие были.

Непроизвольно я сделал вывод, что парни раньше служили в линейных частях спецназа. Потом их выделили в группу. Очевидно, вернулись с первого задания. И, судя по внешней угрюмости задание было не из приятных. Одного человека потеряли. Скорее всего командира, который очень любил «стрелки».

— Это самодельные... — сказал я, подобрав ножи. И тут же продемонстрировал еще одну серию бросков. Результат оказался такой же, как в первой серии. Одно лезвие наполовину вышло за край.

Я обернулся. Все четверо смотрели на меня молча и угрюмо. Не люблю такие взгляды. И не понимаю...

Продолжать занятия под подобное разглядывание мне не захотелось. Я протянул кассету с ножами тому, с которым разговаривал.

— Если желаете, могу на время дать потренироваться. Потом в двести четырнадцатую комнату занесете... Рука должна быть к любому ножу приспособлена. Не всегда под рукой стандартный. — Я сказал это как старший по возрасту. Мой возраст, видимо, дал парням неправильное представление о высоком офицерском звании.

Парень оглянулся, словно одобрения у товарищей спрашивая, и кассету взял. А я вышел. Пусть

потренируются. В службе это всегда может сгодиться. Меня умение обращаться с ножами много раз в Афгане выручало. И после Афгана тоже. Может, и их когда-то выручит.

Я только вернулся к себе в комнату, как камера слежения, выполняя обязанности образцовой секретарши, сразу сообщила об этом полковнику Мочи-лову. Полковник не замедлил воспользоваться телефоном. Трехзначные номера набираются быстро. И я только успел подойти к тумбочке, чтобы включить телевизор, как телефон подал голос.

Даже не спрашивая, я буркнул в трубку:

— Слушаю вас внимательно, товарищ полковник.

— Алексей Викторович, медицинская карта готова. Желаете посмотреть?

— Желаю.

— Я сейчас пришлю.

Я развалился в кресле в ожидании. Минут через пять в дверь постучали.

— Войдите.

Медсестра протянула мне пакет.

— Юрий Петрович просил передать, — и посмотрела на меня так, что я ощутил себя олимпийским героем.

— Спасибо.

Она ушла, от двери еще раз обернувшись и бросив повторный взгляд. Красивая женщина. Но красивые женщины почему-то всегда появляются на моем горизонте не вовремя — или мне в этот момент предстоит работать, и тогда я обязан видеть в каждом желании познакомиться со мной провокацию, или я нахожусь под внимательным оком камер слежения. А эти камеры отобьют любвеобильность у любого, кто не мечтает сниматься в порнушных фильмах. Я почему-то не мечтаю. Я даже о простых фильмах не мечтаю...

Я разорвал пакет и достал папку с обычной медицинской картой. Вернее, не с самой картой, а ее ксерокопией. Полковник расстарался. И даже закладку сделал, обособив нужные мне страницы.

В глаза сразу бросились просветы в шести местах. При пересъемке отдельные строки закрывали обрывками бумаги. Что-то такое, что мне не следовало видеть.

С этим предстоит разобраться, хотя в такой обстановке я понимаю сложность задуманного. За мной следят, и за каждым помещением в центре следят. Кроме столовой.

Кроме столовой... Мысль появилась, и я уже знал, что надо делать.

3

Сосредоточиваться и полностью отключаться от посторонних мыслей я умею хорошо. На долгих тренировках пришлось осваивать эту науку. Кроме всего прочего, такое умение и

предельно обостряет восприятие. Мне необходимо много запомнить. Сидя над медицинской картой, я сосредоточился и сумел изучить ее основательно, повторив несколько раз самое важное и проверив себя. Не скажу, что много понял — медик из меня, как из помойки стерилизатор. Но одно несоответствие действительности я все же уловил сразу.

В карте отмечены два сеанса легкого гипноза с профессором Радяном. Но я отлично помню, что сеансов было шесть. И гипноз был глубокий. Интересно было бы узнать — то ли было с капитаном Пулатовым? Возможно, этот принципиальный момент и есть та самая связующая нить, которую стоит потянуть, чтобы все встало на свои места.

Но это тоже вопрос для столовой...

Оставшееся до ужина время я пошлялся по прогулочным дорожкам среди берез и канадских кленов. Интересно, а здесь тоже установлены камеры слежения? Среди ветвей спрятаны?

К закрытым дверям столовой я подошел первым, лишний раз наглядно доказав всем и себе, что прогулки на свежем воздухе возбуждают аппетит. Скоро стали подтягиваться сотрудники. Появилась Таня. Покривившись для приличия, я махнул ей рукой. Она встала рядом.

А когда мы с подносами сели за стол, я, улыбаясь уже почти приветливо, сообщил:

— У тебя есть возможность для реабилитации.

— Что я должна сделать?

— Проявить способности хакера.

— Я их только что проявляла. Забралась в сервер твоего родного управления ФСБ и выудила какую-то галиматью, касающуюся тебя. Сейчас бумаги у полковника Мочилова.

— Что за галиматья?

— Рапорты двух офицеров о том, как ты стрелял в тире в дно летящей бутылки сквозь горлышко. И еще протокол допроса начальника тира.

— Почему ты назвала это галиматъей?

— Такого не бывает.

— Я раньше тоже так думал. Но это было.

— Интересно было бы посмотреть. А вот начальник тира... Этот был пьян и заявил, что ты можешь это делать даже при выключенном свете. И вообще ты стреляешь не глядя, потому что чувствуешь полет пули.

20

«Стрелки» — специальные метательные дротики, наподобие тех, которыми играют в дарц. Многие спецназовцы использовали их во время афганской войны.

Вот уж удружил, товарищ детства! А что, если какой-то дурак поверит? Тогда мне до скончания дней своих не выбраться отсюда!

— Бедный Миша. Совсем его споили любители пострелять. Это в самом деле, как ты говоришь, галиматъя. Но мне этого от тебя мало.

— Ты хочешь, чтобы я пришла к тебе ночью? Телекамеры, кстати, могут работать в инфракрасном режиме. А я женщина хоть и горячая, но скромная...

— Я хочу от тебя большего. Ты сможешь посмотреть в местной сети мою медицинскую карту?

— Нет проблем. На местном пароле я сегодня утром разминалась...

— Запоминай...

Я продиктовал номера страниц и порядок строк, которые были закрыты в принесенной мне ксерокопии.

— Что дальше?

— Карту Пулатова. За тот же период, что и у меня. Сколько раз он проходил у Радяна сеансы гипноза и какие это были сеансы.

— Поняла. Мочиллов...

— Что?

— Мочиллов к нам идет. Полковник подошел ко мне со спины.

— Извините, что мешаю ужину. Вы, товарищ капитан, еще не устали отдыхать?

— Что вы хотите мне предложить?

— Пришли новые документы. Я хочу, чтобы вы с ними ознакомились. Это предмет для разговора. А потом мы, может быть, сходим в тир потренироваться? Вы не возражаете против тренировки?

— Вы где будете после ужина? — спросил я встречно.

— В бункере. У себя в кабинете. Я там уже поужинал.

— Я зайду.

— Спасибо. А к товарищу майору у меня есть просьба. Поищите что-нибудь на сервере второго города.

— Хорошо, — кивнула Таня. В столовой можно и забыть про уставное слово «есть!». В столовой это слово приобретает значение «есть хочется». Должно быть, Мочиллов это понимает.

Хотя полковник мог бы и получше маскироваться. Я понял, что имеется в виду сервер управления ФСБ в моем городе. Мне тоже интересно, что есть сейчас там. Особенно все, что касается капитана Югова и происшествия в поезде.

Полковник кивнул нам и вышел.

— Попадешься ты когда-нибудь... — усмехнулся я. — Но если уж тебя так усиленно эксплуатируют, то позволь и мне просьбу добавить. Мне интересно знать, кто убил в поезде небезызвестного тебе майора Мороза. Следствие должно вести наше управление, хотя москвичи наверняка своих людей тоже прислали. А если там есть какая-то связь со мной, ты постарайся ее не заметить.

— Попадусь не я, а Служба, — отпарировала Таня. — Я узнаю, что ты просил. А вон, кстати, еще человек по твою душу сюда движется...

Опять со спины подошел парень, которому я давал для тренировки ножи. Снял с руки крепление и протянул мне собранную кассету.

— Спасибо, — и посмотрел на Таню, по-мужски оценивая. Лет пять разницы в возрасте его, видимо, не смущают.

— Как ваши успехи?

— Хорошие ножи. Я приноровился к ним. У ваших чуть другая балансировка, но тем они и опаснее. Я срисовал конфигурацию. Сегодня же сделаю себе такие.

— Захотите еще потренироваться, заходите. Вот и товарища майора попросим, она вам даст урок... — кивнул я на Таню.

Разница в возрасте была не помехой, но звание парня смутило. Сам он, похоже, ходит в лейтенантах. Ну, от силы в старлеях.

— Спасибо, до свидания...

А взгляд у него все-таки мрачный.

— Не знаешь, что это за парни?

— Смотрела уже в компьютере. Из Чечни вернулись. Группа ликвидаторов, работали без прикрытия [21]. Их заманили в ловушку и захватили в плен командира группы. Возможности выручить не было, и парни вынуждены были при отходе накрыть его гранатой из подствольника. Вместе с чеченами. Такая между ними сразу была договоренность. Сейчас маются...

— Понятно Молодым это тяжело...

— Тебе было бы легче?

— У меня сейчас нет командиров. Но когда были, я их не бросал.

— Ты и без прикрытия не работал.

— Дважды приходилось. Незадолго до пенсии. В самом центре Европы. «Катили» под русскую мафию.

— А где я тогда была?

— Тебя тогда во второй отдел [22] забрали.

Я поднялся, чтобы оставить Таню заканчивать трапезу в одиночестве. Не хотелось вдаваться в

воспоминания. Я не люблю чувствовать себя ветераном. Воспоминания заставляют забыть, что ты давно человек гражданский. А мне быть таким уже нравится.

— Я пойду к Мочилову. Нехорошо заставлять ждать старшего по званию. — Это я так съехидничал в унисон с предыдущими мыслями.

— Я попозже зайду в тир. Посмотрю на твои способности. И сообщу тебе, что смогла достать. Это вообще-то несложно и недолго. Как бы только не провозиться с сервером в вашем управлении. Я туда уже забиралась на прошлой неделе. Защита хитрая, хотя контроля нет.

— Понял...

Я кивнул ей и вышел из столовой. На высоком крыльце потянулся и огляделся.

К вечеру небо стало застилаться тучами. Похоже, к ночи гроза разразится. Воздух слишком тяжелый, словно осязаемый на вес. И ветерок поднялся. Хорошо, что мы успели вовремя долететь. Подкати гроза вчера, на маленьком самолетике попасть в эпицентр — не слишком приятная перспектива. Тогда никакой реабилитационный центр уже не смог бы нас реанимировать. Хотя я слышал однажды красивую фразу, что если уж падать, то только с высоты. Но в ее верности я сильно сомневаюсь.

Я прошел во внутренний лагерь, привычно ткнул кулаком левый угол березовой поленицы и спустился под землю. Постучал в дверь кабинета Мочилова.

— Войдите, — пригласил изнутри полковник. Он стоял перед раскрытым сейфом. Собирался убрать туда стопку документов.

— Это уже вы... Хорошо.

Верхние листы из стопки, скрепленные степлером, перебрались на стол, а стопка исчезла в металлическом нутре. Интересно! Насколько я понимаю, стопками складывают не все подряд документы, а только имеющие отношение друг к другу. Некоторые, правда, в папочку их аккуратно подшивают и нумеруют страницы, составляя опись. Но так делается, когда уже знаешь, какие документы нужны, какие не имеют отношения к делу.

Дело! Неужели вся эта стопка — мое дело? Неужели уже столько бумаги на меня истратили? При нынешней дороговизне бумаги таким можно гордиться.

Ключ в сейфе повернулся, полковничья спина закрыла дверцу, и защелкали при повороте два диска кодонабирателя. На всякий случай я с первого беглого взгляда запомнил, в каком положении они стояли до закрытия. И теперь посчитал количество щелчков. Бедный полковник Мочиллов и не подозревает, что я за две минуты справлюсь с его сейфом. Стоит только сходить в свою комнату и забрать из сумки связку с наборными отмычками. Но это — на всякий случай. Забираться в сейф я пока надобности не вижу. Ни к чему так рисковать и делать врагом единственную структуру, которая меня основательно поддерживает.

«Без прикрытия» — при работе без прикрытия, если группа попадает в сложные обстоятельства, то командование отказывается от нее. Ликвидаторов в этом случае будут преследовать собственные же следственные органы.

Второй отдел — агентурный отдел разведки.

Пока поддерживает... Я прекрасно знаю, что человек становится совершенно ненужным бездушной государственной машине в тот момент, когда в нем отпадает надобность. И моя задача на данном этапе — найти золотую середину. Сделать так, чтобы я остался и нужным, и не настолько нужным, чтобы казаться опасным.

— Как вам наша кухня? — поинтересовался Мочиллов.

Я понимаю, что проблема кухни должна в настоящее время беспокоить меня больше всего. Как без этого!

Я сел на прочный стул, к которому привык за время предыдущей долгой беседы в этом кабинете.

— С какими новыми бумагами вы изволите меня ознакомить? — оставил я его праздное любопытство в праздном состоянии. Своего любопытства хватает.

Полковник пододвинул мне бумаги.

— Поинтересуйтесь.

Я поинтересовался.

Ничего нового. Всю картину я сам прекрасно помню. И даже при своем не слишком глубоком знании психологии соображаю, что человеку свойственно задним числом, в воспоминаниях, несколько преувеличивать значение факта, который вызвал у него неадекватную реакцию. Восторг майора Угрюмова и капитана Стрекалова плескал со страниц рапортов. А ответы на вопросы со стороны Миши Саночкина меня просто повеселили. Очевидно, сильно был пьян...

Прочитав, я отодвинул листки на другой край стола.

Полковник Мочиллов смотрел на меня с любопытством и с ожиданием. А я изображал небрежность и легкое высокомерие.

— Ну?.. — спросил полковник.

— Что?

— Что вы про это скажете?

— Рапорты как рапорты. А протокол допроса — эту бумагу можно использовать в качестве туалетной. Только тогда она приобретет некоторую ценность.

— А что касается стрельбы?

— Было такое дело. Но я всегда недурно стрелял, начиная с училища. А в остальном это случайность.

— Повторить не попробуете? — осторожно спрашивает, с недоверием. Понять полковника не трудно. Он офицер, судя по всему, умеющий держать в руках оружие. И понимает, что есть — возможное, а что — фантазии.

— Попробую, если у вас есть желание посмотреть. Мне и самому, признаюсь, любопытно.

— Тогда пойдемте. Тир у нас в противоположном конце центра. — Он встал и, как всякий канцелярист или секретчик, подергал ручку сейфа. Бумаги же, которые показывал мне, поскольку в них не стоит гриф «секретно», спрятал в ящик стола.

Я и это отметил. Это — привычка. Кто знает, может быть, когда-то мне знание таких вот маленьких фактов сгодится.

Дверь полковник закрыл на ключ. На конфигурацию ключа я тоже обратил внимание. Обыкновенный ключ от замка, какие привычно выделяет на любое строительство армейский ХОЗО [23]. При надобности я и с этим замком справлюсь без проблем.

Вход в тир тоже маскируется под березовую поленницу. Хотя бы ради разнообразия заменили березу на осину. Смотрелось бы веселее. Но у армейских архитекторов с фантазией всегда было туго. Единообразие — основной компонент армейского мышления в любой стране мира.

Если в спортзале тренера я не обнаружил, то в тире нас встретил старший прапорщик. А за его спиной на огневом рубеже выстроились четверо ликвидаторов. Навыков они стараются не потерять. Должно быть, готовятся к возвращению в Чечню.

— Бутылки приготовили? — спросил полковник.

— Так точно. Десять штук, — доложил прапорщик. Я сразу заметил эту батарею, составленную у стены.

Четверо ликвидаторов опустили пистолеты Стечкина. Не любят стрелять на зрителях.

— Они нам не помешают? — спросил полковник.

— Мне — нет, — сказал я. — Все равно ничего не получится.

— Из чего стрелять будете? — поинтересовался прапорщик.

— "АПС".

— Привычка... — прапорщик доволен. Очевидно, это и его любимое оружие.

Он достал из сейфа пистолет, зарядил и протянул мне. Ликвидаторы сдвинулись к противоположной стене, освобождая огневой рубеж. Полковник занял позицию рядом с бутылочной батареей.

— Как лучше бросать?

Я объяснил, как это делает Миша Саночкин. Мочиллов согласно кивнул. Приготовился. Я занял позицию.

Полетела первая бутылка.

Выстрел.

Пуля отбила горлышко.

Естественно, я и не целился в него — это невозможно. Я целился в бутылку.

— Почти получилось, — удовлетворенно сказал полковник.

— Случайность.

— Повторим.

Опять летит бутылка.

Выстрел. Осколки падают на землю. Бутылка разбита. Летит следующая. Опять разбита. За ней третья, пятая, седьмая.

— Бесполезно, — говорю я, опуская пистолет и поворачиваясь к мишеням спиной. — Хватит мусорить. И так прапорщику весь вечер осколки за нами собирать. Я не вижу цель. О какой прицельной стрельбе может идти речь?

— Да, скорее всего так... — нехотя соглашается Мочиллов. Он явно расстроен. Понимал же, что не бывает такой стрельбы, какую хотел увидеть. Понимал, но надеялся на чудо.

И нервы полковника не выдержали. Он вдруг со злостью швырнул бутылку, которую держал в руке. Я стоял к нему лицом и стрелять не готовился. Но среагировал непроизвольно. Быстро повернулся и выстрелил. И видел, как бутылка будто бы споткнулась в полете.

— Мимо... — удовлетворенно сказал один из ликвидаторов.

— Нет, — не согласился я. — По касательной задел.

Полковник вдруг ожил и побежал за бутылкой бегом.

Вернулся уже медленным шагом.

— Есть. То, что и требовалось.

И показал Пуля вошла через горлышко и пробила дно. Все в точности, как тогда...

— Случайность... — сказал уверенный в себе ликвидатор. — Так не стреляют.

Меня взяла злость.

— Бросайте...

И опять повернулся к мишеням спиной.

Бутылка летит.

Выстрел.

— Опять... — возвращается полковник с пробитой бутылкой в руках. — Что это? Как это — он не понимает?

Не понимаю и я. Мы с Мочилловым смотрим друг на друга. У него сильно расширились зрачки и покраснело лицо. У меня, должно быть, тоже.

— Мобилизующий момент... — говорит полковник. — Вам необходим мобилизующий момент. Тогда вы можете многое...

— Может быть... — соглашаюсь я. — Попробуем еще.

Мы пробуем. Не получается. Бутылок больше нет.

— Все равно это случайность, — не унимается ликвидатор. Тоже мне, второй майор Угрюмое нашелся.

— Конечно, — улыбаюсь я в ответ. — Это случайность.

23

ХОЗО — хозяйственный отдел.

Но мне не до улыбки. По спине пробегает дрожь.

— Закономерная случайность, — ставит точку полковник. — Только вот откуда она взялась — над этим стоит подумать... Будем думать...

Глава XIX

1

Майор Рамзин в самом деле куда-то запропастился. И генерал Легкоступов начал уже было подумывать, что подполковник Сазонов оказался прав, когда заявил, что майор отправился отсыпаться.

Но это не слишком нервировало, потому что сам Геннадий Рудольфович, отпустив своих офицеров и закрыв на ключ дверь, повесил на спинку стула пиджак, снял подмышечную кобуру, чтобы не мешал пистолет, и прилег осторожно, стараясь не измять всегда идеально отутюженные брюки, на неразобранную кровать. Ему, как и всем, требовался отдых.

«Кроме Ангела... — поправил генерал себя. — Ангелу отдых, похоже, вовсе не обязателен. Сегодня он здесь, завтра там, и в итоге оказывается в двух городах сразу... И никто не знает, где он на самом деле и кого еще отправляет к праотцам».

Легкоступов понимал, что его размышления — просто ворчанье. И недостаток информации создает легенду об Ангеле. На самом деле такую легенду хорошо бы разложить по полочкам и с арифметической точностью просчитать. Тогда все станет понятно.

Генерал не спал, только подремывал, часто открывая глаза и посматривая на часы. Он не боялся, что не услышит стука в дверь. Тренированный слух разбудит его всегда. Но слегка беспокоило долгое отсутствие местного майора. Если отсутствует так долго, то или в самом деле нашел место, где можно вздремнуть, или случилось что-то еще, требующее срочного его присутствия. В первом варианте генерал хорошего видел мало. Это значило бы, что им самим и

его операцией местное управление с естественного благословения сверху откровенно пренебрегает. Во втором варианте было бы и хорошее, и плохое. Хорошее — появилась ниточка, за которую следует ухватиться. Плохое — ниточка ведет к нежелательным последствиям. Например, операция «Перехват» в кои-то веки дала плоды. Бывают же в жизни чудеса — милиция «достала» Ангела. А он не тот человек, который дастся им без боя. Или перебьет ментов, что наиболее вероятно — это тоже запишут на счет генерала, или сам погибнет. А тогда вся долгосрочная спланированная операция срывается. Или, по крайней мере, половина операции, потому что где-то еще гуляет капитан Пулатов, за которого всерьез взяться пока сил нет. И сколько неприятностей второй капитан доставит — неизвестно. По крайней мере, не меньше чем сам Ангел — это гарантировано.

Наконец Геннадий Рудольфович все же заснул. Стук в дверь, раздался неожиданно. Громкий стук. Всегда неприятно, когда так будят. Сразу появляется беспокойство.

— Минуточку...

Генерал встал и надел пиджак. Вышел к двери и повернул ключ. Приехал майор Рамзин.

— Вы куда-то пропали... — сказал Легкоступов недовольно.

— Есть интересные новости, — сказал майор.

— И у меня тоже, — добавил из-за спины Рамзина появившийся майор Соломин.

Они прошли в комнату.

— Что-то срочное? — генерал сначала спросил Соломина.

— Пулатов ушел от «хвостов» и пропал. Около дома его видели соседи, значит, в Электросталь возвратился. А потом исчез полностью. И никаких следов. Сейчас поиск ведется по всем адресам в Электростали и в Москве. И по всем его подругам.

— Надо следить за реабилитационным центром. Он там появится. Что-то они оба почувствовали и теперь готовятся активно нам противостоять. И под непосредственным руководством ГРУ, — категорично сказал генерал. И обратился к Рамзину: — А у вас что?

— Вчера вечером, а вернее, уже в начале ночи, с загородного спортивного аэродрома вылетел тренировочный самолет «Л-200». Симпатичная такая чешская машинка... Старенькая...

— «Л-200» — это не спортивный самолет, — поправил генерал. — Это пятиместный пассажирский. А спортсмены у нас в стране тренируются на «Як-58».

— Может быть. У нас «Л-200» используются в санитарной авиации, но этот приписан к спортивному авиаклубу. И что интересно... Самолет в мажорном порядке зафрахтовала одна хитрая коммерческая фирма.

— Что за фирма?

— Официально это медицинское учреждение, связанное с трансплантацией органов. Им срочно понадобилось доставить больного в подмосковную клинику. Больной, как говорят, был без сознания. Этим же рейсом с больным отправили женщину-врача.

Генерал несколько секунд подумал, но вопрос у него возник сам собой:

— Почему вы называли фирму хитрой?

— Потому что ее негласным учредителем является разведцентр разведуправления нашего воинского округа. Наличие такой карманной фирмы позволяет им поддерживать связь с границей почти на официальном уровне.

— Не понимаю, — в раздумье сказал Геннадий Рудольфович и привычно отошел к окну. — Какая связь между нашей операцией и этим полетом? Только то, что фирма принадлежит разведке? И то, что человека вывозили? Больного...

— Я разговаривал с механиком, отправлявшим самолет. Он видел больного только мельком. По предъявленной фотографии опознать Ангелова не смог — было темно. Тот был без сознания. Единственное, что мог сказать — пассажир был темноволосым и смуглым, похож на кавказца. Загружали его люди в военной форме. Офицеры. Естественно предположить, что это офицеры разведцентра. Но сопровождать пассажира отправилась женщина-врач.

— Почему вы считаете, что отправляли именно Ангелова? Мало ли смуглых, черноволосых людей, кавказцев или похожих на кавказцев, в вашем городе?

— Механик говорит, что бинтов или крови он не видел. Но это не значит, что их не было. А Таманец был достаточно крепким и тренированным человеком, с сильным характером, чтобы не «лечь» под какого-то заезжего гастролера.

— Этот заезжий гастролер... — хотел было дать характеристику Ангелу Легкоступов, но остановился. Он понял, что Рамзиным, вообще-то всегда готовым бороться с такими людьми, как Таманец, сейчас руководит ложное чувство местнического патриотизма. Бандит, но наш, и очень крутой... — Этот заезжий гастролер выстрелил дважды точно в лоб Таманцу. А для таких выстрелов нужны крепкие руки и чистая голова. Выстрелил, получается, по-вашему, и потерял сознание. А тут подоспели армейские разведчики и вынесли его с поля боя. Так? — Геннадий Рудольфович упрямо не хотел принять версию Рамзина.

— Не совсем так, — майор чуть заметно улыбнулся. И по этой улыбке Легкоступов догадался, что Рамзин первичными сообщениями чуть ли не проверяет способность приезжего генерала к аналитическому мышлению. — Мы проверяли всех местных ветеранов спецназа ГРУ на возможную причастность к работе Ангелова. И нашли человека, с которым он вместе бывал в нескольких спецкомандировках. Это майор Казакова. Татьяна Михайловна Казакова. Очень интересный человек. Некоторое время даже работала в агентурном отделе ГРУ. А это совсем не спецназ. Это уже более высокий уровень. Фотографию Казаковой я предъявил механику...

Майор выдержал паузу. Генерал не вытерпел:

— И что?

— Механик опознал женщину-врача.

Геннадий Рудольфович нервно прошелся по комнате, потом снова остановился перед окном, заложил руки за спину.

— Значит, Ангелова вывезли?

— Значит, так.

— А почему он был без сознания?

— Может быть, — предположил майор Соломин, — это как-то связано с его болезнью? Инвалидность просто так не дают.

— У Ангела случаются приступы головной боли, но во время приступов он не теряет сознания.

— Я не исключаю возможность того, — сказал майор Рамзин, — что ГРУ каким-то образом усыпило Ангелова. Чтобы вывезти и держать под своим контролем.

— Тогда — все... — сказал Легкоступов печально. — Тогда нам не удастся доказать, что Ангел был в этом городе, и нет оснований для его задержания даже в столице. Как найти пилота самолета?

— Он прилетит через несколько часов. Машина стоит на подмосковном аэродроме на техническом обслуживании.

— Поехали туда. Будем встречать. Далеко до аэродрома?

— Это по ту сторону Волги.

— Поехали.

2

Сидя в кресле, я дожидался от судьбы подсказки — как мне поступать в сложившейся ситуации. Стоит ли проявлять любопытство и забираться в сейф к полковнику Мочилкову.

Позвонила Таня. Наконец-то!

— Ангел, хватит на меня дуться, — она знает, что телефон должен прослушиваться. — На дворе воздух хороший. Пойдем прогуляемся.

— Скоро гроза будет. Ничего хорошего в таком воздухе не вижу, — ответил я притворно недовольно. Должно быть, ворчливость у меня в крови. Колоритно получилось. По-моему, даже сама Таня поверила.

— Глупый ты, что может быть лучше предгрозового воздуха! Ангел, может, хватит... Что ты, как девица... — она продолжает комедию. — Выходи. Я буду тебя ждать.

— Ладно. Жди. Может быть, и выйду...

Я положил трубку, поднялся и потянулся перед «глазком» камеры, потом злобно дал пинка креслу. Резко обернулся и провел каскад быстрых ударов по воздуху, потом короткий удар ногой в пах предполагаемому сопернику — «бой с тенью». Со стороны это должно выглядеть так, что я «пар выпускаю». И только после этого я потянулся еще раз и встал перед зеркалом, разглядывая свою небритую физиономию. И вполне, кажется, ею удовлетворился, хмыкнул, сам себя одобряя, и пошел к выходу.

Таня уже дожидалась у крыльца соседнего — административного — корпуса.

— Пойдем, злобный чечен, прогуляемся...

— Почему чечен? — спросил я.

— Ко мне сейчас подходил тот лейтенант, которому ты ножи одалживал. Крутиков его фамилия. Он, похоже, глаз на меня положил. В первый же час после моего прибытия пожелал познакомиться. Я потому и посмотрела его в картотеке. Так вот, на сей раз он интересовался, что меня связывает со злобным чеченем. Они же только что из Чечни прибыли. Чеченцев на внешность хорошо знают. И тебя спутали...

— То-то они на меня как собаки на волка посматривают. И что ты им объяснила?

— Я сказала, что ты когда-то обучал боевым единоборствам самого Гантамирова. А он сейчас рядом с ними воюет.

— Честно говоря, что-то я не припомню такого факта из своей богатой биографии. А Гантамирова видел только по телевизору. Ты уверена, что не перегнула палку со своими фантазиями? А то получу пулю из-за угла или из-за ствола вон того большого клена...

Я показал на толстый ствол.

— А ты хочешь, чтобы я назвала тебя болгариним? Чтобы потом по какой-то случайной фразе кто-то мог выяснить твоё местопребывание...

— Мне и надо, чтобы мое местопребывание было известно. Пусть знают, что я здесь, а не на волжских берегах. И вообще давно в твоём городе не был. Ладно. Как твои успехи в должности «виртуального щипача» [24] ?

— Пропущенные строчки в твоей медицинской карте — отметки об инъекциях препарата SWC-12. Написание латинское. Ты знаешь, что это такое?

— Нет. Не знаю, — сказал я не задумываясь и посмотрел на небо, чтобы Таня не поняла моего взгляда. На небе тучи начали собираться серьёзные, и далеко уходить от корпусов показалось рискованно.

— Точно такие же отметки стоят в карте Виталия Пулатова. Я для проверки забралась в карты других пациентов, кто проходил лечение одновременно с тобой и как-то контактировал с профессором Радяном. Их в местном сервере четыре — специально перебросили для сравнения с твоей картой. Ни у кого другого этих отметок нет. Только ты и Виталий.

— А гипноз?

— И у тебя, и у него, и у тех четверых — отметки одинаковые. Два сеанса легкого гипноза.

— Мне нужен Пулатов.

— Его ни Служба найти не может, ни ФСБ.

— Это я знаю. И тем не менее он мне нужен.

— Здесь я ничем тебе помочь не могу. Упали первые капли дождя.

— Увы... — сказал я. — Пора возвращаться. Кстати, ты не в курсе, как по ночам охраняется территория и корпуса?

— Жилой и лечебные корпуса никак не охраняются. В административном и в штабном ставятся

дневальные. Что ты еще задумал?

— После твоего подробного сообщения — ничего. Кажется, мне и так все ясно. Больше ничего добыть не смогла?

— В твоём родном управлении разыскивают капитана Югова. Он — главный подозреваемый по делу об убийстве майора Мороза. Это же правда — не ты его?..

— Нет. Это Югов. Но по согласованию со мной.

— Мотив определяют прозрачно — спяну хотел разобраться с майором...

— Подходит. Больше ничего?

— Осматривали твою квартиру. Следов, указывающих на твоё пребывание, не обнаружили. Вот и все. Я уже доложила это полковнику Мочилкову.

Мы подошли к крыльцу.

24

«Щипач» — вор-карманник «Виртуальный мир» — воображаемый мир, созданный компьютерными технологиями. Отсюда: «виртуальный щипач» — человек, забирающийся в карман памяти к чужому компьютеру, хакер.

— Давай сделаем «жесткие» рожи, — предложил я. — Побеседовали и остались друг другом недовольны. На этом и расстанемся, поскольку ты не любишь позировать перед камерами в обнажённом виде. Мне тоже такое занятие не нравится.

Вместо улыбки Таня обреченно махнула рукой. Молча и насупясь вошли мы в корпус и поднимались на свои этажи по разным лестницам.

В комнате я постоял у окна. Темнело стремительно, но не из-за времени суток, а из-за тяжелых туч. Вдалеке уже погромыхивало. Раскаты протяжно катились по облакам. Вскоре гроза обещает пройти над нами. Пусть проходит. Легче будет дышать.

Я открыл окно, разделся, чтобы и тело подышало, придвинул к окну кресло и сел в него, не включая свет. Сумрак помогает лучше думать. А подумать, даже при недостатке информации, есть о чем.

Инъекции препарата SWC-12!

Память у меня все же профессиональная. И иногда всплывает что-то такое, на что внимания когда-то почти не обратил и даже запоминать не думал. А оказалось, что подсознание отложило факт в ячейку памяти и теперь вытаскивает это.

При одном упоминании вытащило, стоило только услышать название. И даже напряжения никакого не потребовалось. Подготовка разведчика так сказывается...

— ...Я думаю, ваш момент «саморасконсервации» может произойти совершенно спонтанно и

очень мощно, — сказал профессор Радян, посматривая на меня сквозь очки с зеленоватыми стеклами. Он не всегда носил такие, но когда надевал, взгляд его отдалялся и казался совсем посторонним. — А это грозит вам нервным срывом. Возможно, запоем. Но это самый легкий случай. Хотя тоже с возможными последствиями. Вы можете потерять жесткий контроль за сознанием, и тогда развяжется язык. Поэтому я настаиваю на сеансе глубокого гипноза.

Я сидел по другую сторону письменного стола.

— Почему у других это происходит иначе? Почему раньше у меня не было таких осложнений?

— Раньше у вас не было такого ранения. Сейчас, хотите вы этого или не хотите, после операции в примозговых областях черепа ни вы, ни мы не можем дать гарантию от побочных явлений. И я вынужден заложить в ваше подсознание программу, которая обязует вас...

В дверь постучали.

— Войдите.

Заглянула лаборантка.

— Извините, товарищ полковник, вы сегодня не дали предписание для Спартака...

— Для Спартака... — профессор с трудом вернулся мыслями к другому своему исследованию. — Ах да... Двойную инъекцию SWC-12. Только сделайте не семидесятипроцентную, а пятидесяти... И продолжайте наблюдение. Фиксируйте каждое изменение энцефалограммы. Я попозже подойду...

— Хорошо.

Дверь закрылась.

— О чем я говорил? — спросил профессор.

— Вы говорили о программе, которую вынуждены заложить в меня.

— Да. Эта программа обязует ваше подсознание в случае «саморасконсервации» обратиться не к кому-нибудь, а исключительно к куратору. Выбросить на него скопившуюся отрицательную энергию и успокоиться. Такую программу можно заложить только при глубоком гипнозе. Я не понимаю, почему вы стараетесь этого избежать?

— Я просто не люблю находиться под чужим контролем. Но если это необходимо...

— Это необходимо.

— Кроме того, я не вполне уверен, что смогу войти в состояние глубокого транса...

— Не волнуйтесь. Здесь уже будет работать моя квалификация психотерапевта. Кроме того, можно применить и расслабляющие волю препараты. Да. Так будет даже лучше. Укол за несколько минут до сеанса. Это безопасно и не будет давать сильной нагрузки на ваш мозг. Его следует поберечь...

...Телефонный звонок прозвучал в унисон с раскатом грома. И сразу за раскатом первые крупные капли дождя ударили по подоконнику.

Я протянул руку и взял трубку.

— Слушаю. Ангелов.

— Извините, капитан, что опять беспокою, — а голос у полковника Мочилова совсем не извиняющийся. — Я просто хотел вас предупредить. Прибыл вызванный мною специалист. Очень сильный психотерапевт. Возможно, с его помощью мы сможем узнать действия профессора Радяна...

— Что требуется от меня?

— У нашего специалиста ограничено время. Я еле-еле смог уговорить его приехать. Сейчас ему надо отдохнуть, но он просит провести сеанс с вами рано утром. Часов в пять. А потом сразу уедет.

— Хорошо, — ответил я не задумываясь. — Я согласен.

— В четыре пятнадцать я вам позвоню, разбужу. Сейчас отдыхайте.

— Вы тоже отдохните.

— Я сегодня не буду ложиться. Дел много...

— Есть новости о Пулатове?

— Пока ничего не слышно. Сам на связь не выходит.

— Хорошо. Я жду вашего звонка.

Положив трубку, я встал, выглянул в раскрытое окно и наслаждался тяжестью ливня, который задевал и мою прооперированную много раз голову. А потом с мокрой головой забрался в постель. Мысль о рассматривании содержимого сейфа полковника Мочилова отпадает сама собой. Полковник собрался всю ночь работать.

Но мне следует хорошенько отдохнуть.

Хорошенько!

Чтобы через несколько часов собрать в кулак всю волю. Утро будет трудное.

Следует искусственно создать то, что полковник назвал сегодня в тире «мобилизующим моментом».

3

— Вы, товарищ капитан, готовы? — Полковник Мочиллов встретил меня на крыльце жилого корпуса, когда я после его звонка умылся и собрался за две минуты и вышел навстречу трудной судьбе подопытной крысы.

— Слегка... — соорудил я такую кислую мину, что полковник даже в утренней темноте не мог сам ответно не поморщиться. — Не нравится мне эта затея.

— Чем не нравится?

— Всем абсолютно. В первую очередь я не люблю доверять кому-то свое подсознание. Мне для этого следует пересилить свое нутро. И потом, я просто не верю, что с помощью гипноза можно что-то восстановить в памяти из того, что я мог увидеть и запомнить в беспамятстве. Или вы считаете, что это возможно?

— Это единственная возможность для нас. Последняя возможность.

— Попробуем, — сказал я вслух, а сам подумал, что попробую я. И попробую сделать то, что сделать достаточно трудно. Сначала мне следует устоять перед гипнозом. Это само по себе ерунда. Но за этим последует и другой этап. Чрезвычайно сложный.

Преодолевая короткую дорогу до лечебного корпуса, я старался достичь «мобилизующего момента», оценивая варианты последствий моей скрытности или же открытости. И то и другое вызывало тревогу. Они могут не отстать от меня ни в первом, ни во втором случае. И для этого мне следует найти такую золотую середину, когда решение вопроса будет отложено на более длительный срок. Пока не выплывут дополнительные факты — Спасает меня от клетки, в которую подопытную крысу обычно сажают, как я понял, только отсутствие этих фактов.

В лечебном корпусе крыльцо совсем низкое. Мы вошли, дежурная медсестра встала.

— Направо по коридору. Шестой кабинет, — выдала нам направление указующим перстом. Оно и понятно — откуда каким-то капитану и полковнику знать, где правая сторона, а где левая.

Обитая искусственной кожей с уплотнителем дверь. За дверью тамбур в шаг длиной и вторая дверь, тоже со звукоизоляцией. Приезжий психотерапевт оказался полковником небольшого росточка, с жиденькой бороденкой клинышком — а-ля незабвенный Феликс Эдмундович, и мутноватыми серыми глазами. Раньше я почему-то считал, что психотерапевту-гипнотизеру положено иметь карие глаза. Или еще лучше — цыгански-черные. Значит, ошибался и физиономист из меня никудышный. Как ни прискорбно, я вынужденно признал свое заблуждение.

Мы устроились в специальном кабинете лечебного корпуса. Стены тоже обиты звукоизолирующим покрытием с большим количеством отверстий — чтобы посторонние звуки сюда не проникали и отсюда ни один звук не выходил наружу. Опыт подсказал, что в этом кабинете велось уже много разговоров, которые документально запечатываются грифом «Особой важности» [25]. Как я понимаю, комната устроена по тому же принципу, что и глушитель на огнестрельном оружии.

— Здравствуйте. — Я умышленно поздоровался совершенно по-граждански. Но психотерапевт, хотя и стал при мне уже надевать на полковничий мундир медицинский халат, на это совсем не отреагировал.

— Здравствуйте, милый друг. Садитесь вот в это кресло, — показал мне на место, открытое «всем ветрам».

Выделил меня.

Полковник Мочиллов пристроился сзади, где кресла составлены рядами, как в актовом зале.

— Меня зовут Федор Сергеевич, — представил ся полковник, застегивая халат на все пуговицы.

Приятная армейская аккуратность.

— Меня...

— Я знаю. Ну-с, приступим?

— Приступим.

— Я просмотрел предварительно вашу медицинскую карту. И потому не буду вас спрашивать, что вы знаете о гипнозе. Очевидно, вы много знаете, поскольку неоднократно проходили эту безобидную, но весьма полезную процедуру.

— Я даже знаю чуть-чуть больше, потому что сам проходил обучение по этому делу.

Я не мог не сообщить этого факта гипнотизеру, потому что процесс обучения обязательно должен быть отмечен в моем личном деле. А уж личное-то дело полковник Мочиллов должен до дыр зачитать и наизусть выучить. Не сообщи я это, мое поведение может показаться странным. Есть вероятность, что Мочиллов подумает, будто я умышленно сопротивляюсь сотрудничеству.

— Даже так? Это приятно, коллега.

— Так высоко я не взлетел, профессор.

— Прекрасно. Я думаю, мы здесь собрались для решения общего вопроса. Тогда давайте вместе решим, стоит ли пробовать легкий гипноз?

Я согласен, профессор, что мы собрались для решения общего вопроса. Но вот решать его каждому следует по-своему, и преследовать каждый будет свою собственную цель. Но это — не для декларации. Для декларации — вот это:

— Мне кажется, не стоит, — и мягкая улыбка.

— А глубокому вы подвергались?

Я уже проговорился при первой встрече с полковником Мочилловым, что подвергался глубокому гипнозу. Он вроде бы и мимо ушей мои слова пропустил. Но я не верю, что пропустил. Он ждет моих действий. Ждет, что я где-то проколюсь. А я постараюсь этого не допустить.

— Я вчера сам читал свою медицинскую карту. Профессор Радян внес в нее неверные сведения. Он подвергал меня глубокому гипнозу, тогда как в карте отмечен только легкий.

— А с какой, простите, целью он это делал? Как вы полагаете?

— Вот именно для этого мы и собрались здесь. — Я оглянулся на Мочилова. Тот сидит, наклонившись вперед, и держит перед собой диктофон. Записывает. Во взгляде — само внимание.

— Хорошо, — сказал профессор. — Попробуем выяснить. Еще один попутный вопрос. В вашей карте отмечено, что вам вводили инъекции препарата SWC-12. Признаться, мне несколько стыдно за свою некомпетентность, но я не слышал о таком...

Я не увидел, но почувствовал за спиной движение. Полковник Мочиллов делал какие-то знаки Федору Сергеевичу. И по взгляду профессора я понял это же. Промашка у вас вышла. Не

согласовали действия.

— Я не видел пометок об инъекциях, — старательно соврал я. — Очевидно, почему-то мне не следовало это видеть. Но, насколько я помню, профессор Радян так называл собственную интерпретацию пентотала натрия [26]. Без этого ему было трудно меня «разговорить».

— Не понял, — сказал профессор. — Пентотал натрия вводится обычно один раз для преодоления сильного стресса, мешающего расслаблению и не позволяющего сосредоточиться. Любой гипнотизер знает, что он должен в нужный момент дать подсознанию команду к обычному восприятию гипноза вовремя следующего сеанса. Зачем тогда вам вводили препарат неоднократно?

— Об этом лучше спросить у самого Радяна. К сожалению, это невозможно... Я же могу только предположить, что SWC-12 чем-то отличается от обычного пентотала.

— Возможно, возможно... — сказал профессор и внимательно посмотрел на полковника Мочилова. — Но возможно и другое. Возможно, профессор Радян в конце каждого сеанса зачем-то давал вам блокировочную команду. И чтобы обойти ее на новом сеансе, необходимо было применять SWC-12.

— Я допускаю такое, — согласился я.

— Но это значит, что, не имея на руках препарата, мы не сможем заглянуть в глубины вашей памяти?

— А что, SWC-12 — такой редкий препарат? — Я откровенно валял дурака.

— Такой препарат вообще нигде не описан. Я проверял через компьютер. Еще ночью проверял, — профессор расстроен.

— А если попробовать настоящий, этот, как его... — предложил из-за моей спины Мочиллов.

— Пентотал... — подсказал я.

— Да, — согласился полковник. — Или скополамин?

— На скополамин я не согласен, — здесь я категоричен. — Он сильно влияет на потенцию. Нельзя лишать единственной оставшейся в жизни радости бедного инвалида.

— Вы же все равно проходили скополаминовый тест на устойчивость, — полковник настаивает.

— А потом три месяца одним пантокрином питался. От тоски больше ничего в глотку не лезло.

25

В Российской армии используется четыре категории грифов ограничения доступа — «Для служебного пользования», «Секретно», «Совершенно секретно» и «Особой важности».

26

Пентотал натрия — медикаментозное средство, применяется в судебно-медицинской экспертизе для допроса свидетелей или преступников. Иначе называется «сывороткой правды». Способствует полному расслаблению человека и погружению его в сон. Гипнотизер должен прочувствовать момент перехода от бодрствования ко сну и в это время взять на себя «управление» человеком. Пентотал натрия имеет более мягкий характер действия, чем другая «сыворотка правды» — скополамин, вызывающий безудержную болтливость и не требующий участия в допросе гипнотизера.

— Я не уверен насчет пентотала, — сказал профессор задумчиво. — Но попробовать можно. У меня есть несколько ампул.

— Мне достаточно будет и одной, — уточнил я кротко и почти с благодарностью.

Профессор нажал кнопку на столе. Через полминуты вошла медсестра.

— Укол, пожалуйста, пациенту...

— Шприц — только одноразовый, — предупредил я твердо. — Иначе не соглашусь.

— Естественно, естественно... — Профессор достал из «дипломата» ампулу. Большую и коварную.

Через минуту, уже после укола, Федор Сергеевич посмотрел мне в глаза и сказал совершенно обыденным, спокойным голосом, как и подобает разговаривать с пациентом доминантного типа:

— Начинайте отсчет от ста до нуля... С каждой цифрой вы будете погружаться в сон... С каждой цифрой... Все глубже и глубже...

— Сообщите пароль доступа... — неожиданно для себя сказал я традиционно скрипучим голосом полупьяного компьютера. Здраво сказал, сам осознавая это. И понимая, что все происходящее значит.

Считать я, к разочарованию полковника, так и не начал, не услышав пароля. Подождал несколько секунд, давая возможность Федору Сергеевичу назвать мне его, а потом ухмыльнулся и довольно быстро стал проваливаться в какую-то черную, круто вертящуюся воронку. И не заметил, как уснул.

Глава XX

1

На берегу казалось, что жару конца не будет.

Вспотевший майор Рамзин долго бегал по отделам управления порта, созванивался с кем-то, что-то требовал. Наконец им выделили старенький катер, оказавшийся весьма ходким на воде.

«Газель» пришлось оставить на левом берегу.

— Я созвонился. На той стороне пришлют «уазик» из окружного военного санатория. На три часа нам его выделили. У меня в санатории главврач приятель, — успокоил майор Рамзин.

— Успеет за три-то часа? — критически спросил генерал. Он знал, что на три часа, бывает, один только допрос растягивается.

— Не знаю. Дорога до аэродрома займет минут сорок. Плюс сорок минут на обратный путь. В крайнем случае, будем там искать машину. Может, кто и подвезет...

Такая перспектива радовала мало. Опять чувствовалось, что организацией их операции местное управление занимается неохотно.

Катер пошел круто наискосок против течения. Волна слегка била его в правую скулу и поднимала с этой стороны мелкие брызги. Ловить брызги лицом в такую погоду приятно, и генерал Легкоступов специально пересел так, чтобы водная взвесь попадала на него. Офицерам тоже хотелось получить легкий душ, но они, поскольку званием не вышли, терпели и обходились ветерком, который на скорости тоже чувствовался.

— А что, у вашего управления своего катера нет? — спросил Геннадий Рудольфович майора Рамзина. — На Волге же живете...

Майор вздохнул привычно злобно.

— Есть. Целых три. У одного движок перебирают, а второй неделю назад на топляк на скорости попал. Пробоина по борту. Как только на берег выскочить успели? Можно сказать, повезло, в рубашке родились... До половины их уже водой залило.

— А третий?

— А третий — генеральский. Он сейчас куда-то с генеральской семьей укатил. Лето...

Легкоступов понял, что камень брошен и в его огород. Не любит майор генералов. Значит, никогда ему генералом не стать. Слишком на язык несдержан.

Сверху, когда Геннадий Рудольфович смотрел из гостиничного окна, думалось, что Волга не такая и широкая. И пересечь ее на катере — времени много не надо. В действительности оказалось совсем не так. Вроде бы и быстр катер на ходу, а все режет и режет волну, только-только вроде бы середину реки миновали.

Что-то просигналил идущий чуть выше по течению тяжеловесный квадратный толкач.

— Что он? — спросил генерал рулевого.

— Предупреждает, что мы близко к бакену идем.

Но у нас посадка высокая. Не впервой. Проскочим.

Они в самом деле проскочили легко. И если бы не предупреждение, Легкоступов и не подумал бы, что под днищем мель. Скоро стал заметен и сам причал, к которому рулевой правил. У причала стоит водный трамвайчик, пассажиры неторопливо поднимаются по трапу.

На берегу ждет «уазик».

— Наш?

— Наш, — сказал майор Рамзин. — Номер отсюда еще не вижу, но другому здесь делать нечего. Тут вообще машин не бывает без надобности.

Генерал вспомнил недавние слова майора о том, что, возможно, придется ловить попутку, и понял, что это была простая отговорка.

Они причалили с края, противоположного водному трамвайчику, выпрыгнули на толстые крашенные доски покрытия, не дожидаясь, пока подадут трап. Борт катера пришелся вровень с причалом.

— Ждите, — сказал майор Рамзин рулевому. — Позагорать можете...

— Это для нас дело привычное, — рулевой почесал заскорузлыми пальцами живот.

«Уазик» в самом деле дожидался их.

— На спортивный аэродром, — прозвучала команда.

— Есть на аэродром, товарищ майор, — улыбаясь, ответил развязный водитель-солдат. На генерала, поскольку тот был в гражданском, водитель внимания не обратил, как и на московских офицеров. Гражданские для солдата не существуют.

Проселочная дорога долго петляла меж лесков и перелесков, очень друг на друга похожих, отчего создавалось впечатление, будто кружат они по одним и тем же местам. Но потом выехали на большое поле, пересекли его, проехали еще один лесок и оказались на самом аэродроме.

— "Л-200", товарищ генерал, на месте. Он у них только один, — сказал Рамзин. — Наверное, только что прилетел. Нас должны ждать, я по телефону строго предупредил, чтобы летчика не отпускали.

«Уазик» сразу проехал к большому и длинному барaku под шиферной крышей. Остановился в облаке пыли.

— Сюда, — показал майор на дверь.

Они вошли. В штабной комнате сидели только двое.

Рамзин представился, не называя своих спутников.

— Да, мне передали, — поднялся высокий мужчина с одутловатым лицом. — Пройдемте в соседний класс. Там и поговорим.

Класс представлял из себя типичный класс — в три ряда столы со стульями, на стенах учебные пособия с различными двигателями, механизмами и тягами, представленными в разрезе.

Не затягивая разговор, майор Соломин достал из «дипломата» крупную фотографию Ангела и положил на стол.

— Сегодня ночью вы перевозили этого человека... — не спросил, а сказал утвердительно.

Летчик глянул.

— Вы уверены? — спросил. Соломин растерялся.

— А разве нет?

Летчик взял фотографию в руки, почти минуту рассматривал, потом вздохнул и положил ее на стол.

— Это Леха Ангелов. Я его отлично знаю. Мы вместе в Афгане воевали. Мой вертолет был прикреплен к ихней отдельной роте спецназа. Ангелов тогда в старлеях ходил и командовал взводом. Потом ему дали капитана и отправили командовать ротой в отдельном батальоне в Фатяхе.

— Ну и что...

— А того, кого я сегодня перевозил, зовут Сергеем. Парень в сознание пришел только перед посадкой. Еле-еле его с крыла сняли.

— А сопровождала больного вот эта женщина? — Майор Рамзин достал фотографию Тани.

Летчик опять рассматривал снимок долго.

— Вообще-то похожа. Только эта, мне так кажется, слегка посимпатичнее. А так и спутать можно. Только эта моложе. Намного...

— Это снимок восьмилетней давности.

— Нет, мне кажется, не она. Хотя спорить не буду...

— Ваш механик ее опознал.

— Вот с механика и спрашивайте. А я если не знаю точно — зачем буду человека оговаривать... Все? Вопросы исчерпаны? А то мне отсыпаться пора. Слава богу, не на войне...

— Когда вы в последний раз видели Ангелова? — спросил Легкоступов.

— Ого... Когда... В Афгане еще...

— Больше не встречались?

— К сожалению, нет. А что, он вам понадобился?

На этот вопрос никто не ответил. И даже поблагодарить летчика забыли, сразу вышли, расстроенные.

А тот проводил их легкой усмешкой и довольно проворчал под нос:

— Бедовый Леха парень...

Конечно же, он узнал Ангелова сразу. Но Леха работал в разведке. А с разведчиками всякое бывает. Если тот не захотел узнать старого боевого товарища, значит, так и надо.

...Опять машина, опять катер, опять «Газель» на другом берегу. И городская жара уже не чувствуется, не замечается. Легкоступов за всю дорогу назад не сказал ни слова. Он уже понял, что Ангел остался непойманным. Если бы его удалось перехватить в московском аэропорту, даже с любыми поддельными документами, по этим документам была бы

возможность проследить путь с берегов Волги в столицу. Но время уже упущено.

А здесь его искать уже не стоит.

Значит, надо возвращаться в Москву ни с чем...

И все начинать заново.

2

Проснулся я в своей комнате. Что-то слишком часто меня переносят. Мне это не нравится. Инвалидность инвалидностью, а ходить и даже направление движения выбирать я больше привык самостоятельно.

Но сразу кольнула мысль:

«Провалился...»

Я отчетливо вспомнил, что требовал у профессора назвать мне пароль.

Какой пароль?

Если бы я сам мог это знать...

Я сел на кровати. И тут же раздался телефонный звонок, словно полковник Мочиллов только и дожидался момента моего пробуждения.

Я не ошибся. Звонит он.

— Товарищ капитан, как вы себя чувствуете?

— Как таракан, плавающий в унитазе.

— Вы можете пройти ко мне в бункер? Или лучше мне к вам зайти?

— Я сам приду. Только сначала приведу себя в порядок. Душ приму.

— Хорошо. Я жду вас. Не задержу надолго. Просто небольшой разговор. И все...

Я положил трубку и потянулся, хрустнув суставами. В принципе чувствую я себя не совсем вареным. Только страшная сухость во рту. Но это естественно после пентотала.

Я выпил сразу три стакана воды и залез под душ. Прохладные струи туго обтекали тело. Наслаждаясь ими, я попытался сообразить, что произошло.

Очевидно, я не рассчитал свои силы. Пентотал оказал слишком сильное действие. Я уснул. Но перед этим затребовал пароль. Пароль для открытия чего-то из глубин своей памяти.

Чего?

Я не знаю никакого пароля!

Но этот пароль знает моя память... Моя закрытая память... Она запечатана этим паролем, как

бутылки дорогого вина запечатывают сургучом. Достаточно дорогая память, если она охраняется по шестой категории... К генералам меня приравняли.

Лестно!

Только что это мне дает и чем это мне грозит?

Интересно, какие советы смог дать полковнику Мочилкову уважаемый полковник медицинской службы. Он сам с работой не справился. Профессор не сумел назвать пароль, и организм выполнил какую-то другую установку. Или же я уснул даже без установки. После пентотала это почти естественно.

В любом случае решать мою судьбу будет полковник Мочилков. И следует с ним поговорить, прежде чем строить планы.

Вытеревшись жестким полотенцем до такой степени, что цветом кожи стал напоминать индейца, я оделся и вышел. После вчерашней грозы воздух успел снова нагреться. И даже лужи высохли.

Привычный пинок в левый угол березовой поленицы открыл мне дверь в бункер. Я спустился, постучал в кабинет.

— Войдите.

Полковник один. Мне хотелось бы задать пару вопросов и профессору, но, очевидно, уважаемый Федор Сергеевич поспешил ретироваться, не добившись результата. Но мне кажется, что даже без существования пароля он не смог бы его добиться.

— Федор Сергеевич, как я понимаю, покинул нас? — спросил я, усаживаясь на привычный жесткий стул.

— Он сказал, что ему здесь делать нечего. Заглянуть в ваш мозг может только тот, кто знает пароль. А его знал лишь профессор Радян. И...

— И?..

— И вы...

— Если бы дело обстояло так...

— Именно так оно и обстоит. В какой-то момент вы сможете пароль вспомнить. Может, это произойдет во сне, может быть, в белой горячке — Федор Сергеевич говорит, что и такие случаи бывают. Он белую горячку называет самопроизвольным выходом на астральный уровень. Но — можете... А он — нет...

— И что же?

— Я попал в сложную ситуацию. Вы являетесь носителем очень важной информации. Но эту информацию достать из вас невозможно. Вас, по идее, следует держать здесь, в центре, под семью замками...

— Бесполезно, — коротко констатировал я. — Пожалейте своих людей...

— Я тоже думаю так. Вы слишком опасны, когда взаперти. Компромисс выгоднее обеим

сторонам. И гораздо лучше нам наладить сотрудничество, чем конфликтовать. Вам эти данные все равно ни к чему. Вы не ученый-генетик. Можете вы мне обещать, что — случись какой-то проблеск, вы сразу выйдете на связь с куратором?

— Могу. Только я хотел бы знать, что за данные хранятся под моей вскрытой не однажды черепной коробкой. И при чем здесь моя ученость или неученость?

— Я полагаю, что профессор Радян заставил вас в состоянии гипнотического транса запомнить что-то важное из своей работы. Каким-то образом он надеялся потом эти данные добыть.

— Каким?

— Сейчас это уже невозможно выяснить.

— И что мне делать?

— Попытаться когда-нибудь вспомнить. Каким-нибудь образом. Но и при этом я буду обязан предъявить вам очень серьезное требование.

— Слушаю.

— Вы должны дать мне слово, что забудете про свою гражданскую профессию.

— Что вы имеете в виду?

— Начиная с сегодняшнего дня — вы уже не киллер. Я знаю, что у вас есть какие-то избирательные мотивы при принятии заказа. И вы даже считаете, что делаете благое дело. Я даже спорить не буду, потому что верю — каждая из ваших жертв достойна своей участи. Суд до них добраться бы не смог, но вы вообразили себя божьим судом. И в этом вам самому судьей может быть тоже только бог. Это меня касается мало. Меня волнует другое. Мы просто не можем рисковать таким важным источником информации.

— А в противном случае?.. — ехидно протянул я. Ехидство у меня всегда получается впечатляющим — это мне еще бывшая жена каждый день говорила после завтрака, обеда и ужина, когда я произносил традиционное «спасибо».

— А в противном случае мы будем вынуждены вас изолировать, хотя это, думаю, не приведет к добру.

— Я с вами согласен. И в отношении добра, и в отношении того, что я должен себя беречь. Но у меня остался невыполненным один заказ...

— Я знаю про этот заказ. Не волнуйтесь в отношении его. Тем более заказчика уже нет в живых.

Вот же женщина... И это успела ляпнуть! Я промолчал.

— На ночной рейс вам заказан билет на самолет. Извините, с финансами у нас, как всегда, туго, поэтому полетите за свой счет. И так мы оплачивали самолет, которым доставили вас сюда.

— А почему не на дневной? Я успел бы еще добраться до Домодедова.

— Рейсовые автобусы ходят нерегулярно... Можете опоздать. Полетите ночным.

Вот так. Надобность во мне временно отпала настолько, что даже машину выделить не могут, чтобы до Домодедова добраться.

— Ваш пистолет и ножи получите через два дня у своего куратора. В самолете лучше лететь без оружия. Перед отъездом сдадите их мне.

— У меня разрешение...

— К чему вам лишние хлопоты?

Даже здесь прижали. Страхуются.

— Будем прощаться? — поднялся я.

— Еще увидимся за обедом. Завтрак вы проспали, но если сильно оголодали, то можете позвонить в столовую. Вам что-нибудь принесут в номер.

— Спасибо. Я подумаю.

Я вышел. Время до обеда еще оставалось, но не так много, чтобы я не дотерпел. И потому я поднялся к себе в номер, взял ножи и пошел снова в спортивный зал. По дороге встретил трех ликвидаторов. Они возвращались после тренировки. Вспотевшие. Должно быть, «рукопашку» отработывали — на скуле самого старшего красовался кровоподтек. Среди дня они, очевидно, не захотели забираться в сауну, чтобы смыть с себя пот. Лейтенанта Кругликова среди них не было. Я подумал, что он или задержался в зале с кем-то поболтать — парень по молодости еще общительный, или уговорил Таню пойти прогуляться по лесистым тропинкам, где нам вчера нагуляться не удалось из-за грозы.

В зале лейтенанта тоже не оказалось. Там, стоя на одной ноге, монотонно бил второй по мешку черноволосый мужчина, которого я вчера не видел. Лицо показалось мне знакомым. Я присмотрелся и понял.

Подошел к тому же самому мешку, занял зеркально-обратную позу, и стал бить другой ногой по тому же мешку. Черноволосый выпрямился и рассмеялся.

— Меня Малакбеком зовут.

— А я Алексей.

— Я уже понял, — сказал он. — И ты уже понял...

Он сообразительный. Впрочем, здесь и не надо особой сообразительности. Если бы он не был чуть-чуть повыше ростом и помоложе лет на пять, в темноте я сам запросто спутал бы его с собой.

— Много пришлось фээсбэшников за нос потаскать?

— Слегка, — улыбнулся он. — Но они совсем обнаглели. В открытую меня «водили». И за зданием Службы в открытую наблюдали. Их уже хотели «на подвал» отправить, чтобы отдохнули от жары, но передумали. Тогда бы слежка сорвалась.

— Ты кто по национальности? — поинтересовался я.

— Зачем тебе?

— Чтобы знать, под кого сам в следующий размаскироваться буду.

— Наполовину балкарец, наполовину баск.

— Из тех басков, из испанских?

— Из тех. Мой папа был какой-то величиной в повстанческой армии. У нас проходил стажировку и женился. Потом погиб у себя дома. Мама решила, что сын должен пойти по стопам отца. Вот я и оказался после училища в разведке.

— Ладно, — хлопнул я его по плечу, — тренируйся. Я пока ножи побросаю.

И отправился в другой угол зала к мишени для метаний. Кассету с ножами приготовил уже на подходе. Бросать я всегда люблю почти без прицеливания и еще с последних шагов движения...

Как ни странно, в самолете я выспался, хотя, чтобы чаще лицезреть хорошенькую стюардессу, трижды заказывал кофе. Летел я первым классом, потому что в деньгах стеснения не испытывал, но возжелал испытать удобства. Зачем же отказывать себе в естественных желаниях? На весь салон нас было только два пассажира. Правда, с разными вкусами. Молодой толстяк, что сидел впереди, заказывал не кофе, а коньяк. И, как мне показалось, больше трех раз.

Стюардессе я все же оставил свой телефонный номер, после чего заснул. Проснулся уже при посадке. На выходе стюардесса виновато улыбнулась и незаметно сунула мне в руку бумажку. Я посмотрел и улыбнулся ответно. Телефонный номер и имя.

— Завтра... — сказал я обещающе. — После обеда.

В родном городе я уже не опасаюсь таксистов и взял первую попавшуюся машину. Пусть даже это будет машина с сотрудником ФСБ — плевать на них с самой высокой в городе колокольни. Зато быстро добрался до дома.

Город просыпался, люди потянулись на работу, еще до конца не осознавшие, что я вернулся. А зря. Кому-то из них об этом следовало бы знать. Честно говоря, я согласился с полковником Мочилковым. Государство свое я люблю, а в интересах государства иметь меня живого и здорового под рукой. Подконтрольного по шестой категории.

Но я обычно и слово держу. А слово, данное покойному, — это почти святое дело. С Труповозом я все-таки разберусь.

Я совершил обычное свое священнодействие — усевшись на велотренажер, а потом «побеседовав» с мешком для битья После этого принял душ, побрился, удалив с лица лишнюю растительность. Смотрел в зеркало и удивлялся — как это такой абрек не напугал в самолете стюардессу?

Но, войдя в привычный образ, я настроился на деловой лад и решил для начала провести разведку. В данном случае разведка — дело не только святое, но и меркантильное. Труповоз знает, что я заказ выполнил. Но не знает, что я все получил с него сполна. Даже с вынужденным излишком. И потому естественно мне зайти к нему и поинтересоваться закрытием счета.

Что я и сделаю. До открытия бюро ритуальных услуг время еще осталось, и я решил позавтракать. Благо Иван Иванович создал мне запас пегих куриных яиц. Яичница уже заворчала на сковороде, когда раздался телефонный звонок. Я не поспешил взять трубку, только шагнул из кухни в коридор — для лучшей слышимости, ожидая, что кто-то побеседует с автоответчиком. Беседовать никто не стал и даже голоса не подал. Пришлось мне пройти в комнату и проверить, с какого номера звонили. Оказалось, из бюро. Рабочий телефон Труповоза.

Раненько он прибыл на место.

Я все-таки сначала справился с яичницей и только потом позвонил. Ответил мужской голос, который я где-то уже слышал. Но я слышал голоса многих в бюро.

— Алло.

— Михал Михалыч мне нужен.

— Кто его спрашивает?

— Ангелов. Он мне только что звонил.

— Его сейчас нет. На десяток минут отъехал. Но он очень хотел вас видеть. Можете сейчас приехать?

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Хорошо. Еду.

Чрезвычайная ситуация или мышеловка?

Я не вооружен, но горе той кошке, которая попытается сожрать такую мышку. На всякий случай я засунул под пояс на спину казачью нагайку с вплетенной на самый конец полоской свинца и пристегнул к запястью под рукав пиджака нож. Для олухов Труповоза хватит и этого оружия.

Стоянка, где я обычно оставляю свою машину, через несколько домов. Машина благополучно дождалась меня и — я сразу почувствовал по ее легкому ходу — сильно по мне соскучилась. По крайней мере, дважды на радостях проскакивала перекрестки на желтый сигнал светофора. Хорошо, что в это время у гибэдэдэшников развод и они еще не успели выбраться на привычные посты.

Около распахнутых дверей скорбного бюро стояли «Газель» и «Волга». С водителями. На крыше той и другой машины характерные антенны. Я сразу понял ситуацию. Машины принадлежат ФСБ. Похоже, Труповоза «повязали». Теперь дело за мной. Меня ждут с нетерпением. И если я буду прятаться, то только вызову подозрения. А у меня есть такое хорошее алиби. И многие люди могут подтвердить его, в том числе и московские фээсбэшники из «на-ружки» — в момент убийства Таманца я был в Москве, а потом выехал в реабилитационный центр для медицинского осмотра. Виной всему приступ, который случился со мной накануне.

Единственное, что плохо — слишком большое количество долларов я таскаю с собой. Но в этом я ни перед кем отчитываться не обязан. Вкусы у меня такие. И банкам я не верю. Попробуйте приписать это к обвинительному заключению.

А что они вообще могут приписать?

Могут приписать запись разговора в кабинете Труповоза. Серьезный был разговор. Но разговор об убийстве не наказуем, если человек не совершал убийства. Кроме того, мы, может быть, вообще говорили не об убийстве, а о поиске способа психологического воздействия. Может быть, я пожелал выступить в данном случае как частный детектив. Собрать компромат на Таманца и предъявить ему условия.

Да. Это лучший вариант. Только как передать мои соображения Труповозу? Это еще предстоит обдумать.

Но дольше сидеть в машине нельзя.

Я вышел, включил сигнализацию, чуть не с любовью посмотрел, как автоматика поднимает в дверце стекло, и только после этого двинулся к дверям бюро ритуальных услуг. И сразу увидел, как от соседнего дома отошли двое и двинулись туда же.

Чуть повернул голову.

С другой стороны еще двое движутся.

Обложили.

И морды явно не уголовные. Кажется, есть в них даже отдаленный признак интеллекта. Таких в окружении Труповоза нет. Значит, я не ошибся в расчетах.

Подмывало посмотреть на них открыто и хотя бы взглядом объяснить парням, что они дураки и работать ни хрена не научились. Но опять спецназовская привычка прятать от посторонних свою готовность к бою сработала. И потому я «блокировку» как он не заметил.

В коридорах царил утренний тишина. Я увидел только двоих парней Труповоза у дверей кабинета. С ними я никогда не здороваюсь, не поздоровался и сейчас.

Я толкнул дверь в приемную. Вульгарной вампиристой секретарши Натальи Викторовны на месте не оказалось. Рано, вероятно. На ее месте сидит аккуратно подстриженный и холеный молодой человек, от которого за пару кварталов веет принадлежностью к силовым органам. Его близнец устроился на привычном месте телохранителя Труповоза.

— Заходите, Алексей Викторович. Вас там ждут, — первый показал мне на дверь кабинета.

Уверен, что «блокирующие» уже перекрыли выход у меня за спиной. Шли они туда вполне целенаправленно. И теперь безгранично счастливы, что так вдумчиво и бездарно выполнили простейшее задание.

Я вошел в кабинет, огляделся и закрыл за собой дверь. Майор Угрюмов угрюмо восседал в кресле, где обычно сижу я, и потирал двумя пальцами кончик носа, пытаясь, должно быть, таким массажем избавиться от богатых сиреневых прожилок. Капитан Стрекалов еще не избавился от аллергии и краснел, как светофор, вытаскивая из шкафа папки с бумагами и раскладывая их на широком столе Труповоза.

Естественно, я прочитал ситуацию так, что хозяина кабинета уже увезли. Но все же решил поломать комедию. И потому улыбнулся, как ребенок перед фотоаппаратом.

— Двое здесь. А где третий и где хозяин?

— Здравствуйте, кстати, — сказал Угрюмов. — Третий — это кто? И насчет третьего вообще как понимать? Это намек?

— Что вы... Я же знаю, что офицеры вашего славного ведомства не пьют в рабочее время. А третьим, как я полагаю, должен быть капитан Югов. По крайней мере, я встречал вашу компанию в неизменном составе.

— А вы не знаете, где капитан Югов? — спросил Стрекалов, поднимая на меня глаза.

— Откуда я могу знать, где находятся ваши сотрудники? За своими, будьте любезны, сами следите.

Соврал я убедительно. Если бы мне захотелось, я подсказал бы, что капитана следует искать на нижнем этаже одной из могил последних двух дней. Его там спрятали надежно и землю плотно утрамбовали. Если могил много, для поисков следовало бы привлечь парней Труповоза. Но я не сказал, я спросил другое:

— Поскольку вы пришли сюда, как я понимаю, работать, я вынужден вас спросить — что вы сделали с господином Захватовым?

Стрекалов продолжал вытаскивать из шкафа папки с длинным перечнем, должно быть, покойников и оказанных им услуг. Угрюмов сел в кресле прямее и, не удостоив мой вопрос вниманием, спросил сам:

— Где вы находились вчера между десятью и одиннадцатью часами вечера?

Я понял, что не все так однозначно и прозаично, как мне казалось вначале.

— Вас это очень интересует? И есть основания для такого вопроса?

— Есть основания, — Стрекалов бросил стопку папок на стол, отчего в лицо ему поднялось облако пыли. Капитану, похоже, очень захотелось чихнуть, и он, сиюсь сдержаться, сморщил лицо.

— Если так, то пожалуйста... В период с двадцати двух до двадцати трех часов я ехал на попутной машине из Подмосковья в аэропорт Домодедово, чтобы вылететь ночным рейсом сюда.

— Вылетели ночным рейсом?

— Как видите.

Лицо его невинно, как у младенца. Мое, насколько я могу видеть себя со стороны, — тоже.

— А не дневным вы прилетели? — Я еще по встрече в тире помню, что майор Угрюмов очень недоверчивый человек.

Однако, судя по рапорту, который мне довелось прочитать, в прошлый раз я его убедил. Отчего

не убедить сейчас...

— Билет я, к сожалению, уже выбросил. Но вы можете полюбопытствовать в службах аэропорта. Как человек обязательный, я проходил регистрацию. Кроме того, трижды пил кофе и познакомился со стюардессой. Весьма, должен вам сказать, приятная особа.

— Вы утверждаете, что вас не было в тот момент в нашем городе?

— Я так утверждаю.

— И можете это подтвердить?

— Не собираюсь. Ваше дело доказать, что я здесь был. Но не мое дело — доказывать, что меня здесь не было. Презумпция невиновности.

— Я рад, что дело обстоит так, — вдруг улыбнулся угрюмый Угрюмов всей своей широченной физиономией, отчего его сизоватый нос посиззел еще больше. — Вы мне, Ангелов, чем-то симпатичны.

Добрый следак.

— А теперь посмотрите на одну вещь... — сказал капитан Стрекалов, старательно разыгрывая злого следака. Он достал из «дипломата» упакованный в целлофановый пакет нож.

Я посмотрел. Почти копия моих ножей, только заточка под более острым углом. И сталь похуже. Сталь я по внешнему виду определяю.

— Что это? — Он держит нож за острые края кончиками пальцев.

— Метательный нож моей конструкции, — сказал я.

— Вашей конструкции? — переспросил Угрюмов. — Не ваш нож, но вашей конструкции...

— Я чуть иначе свои ножи затачиваю.

— А ваши ножи, я полагаю, дома? — Взгляд майора внимателен, улыбчив и почти утверждающе.

Как легко он прокололся. Значит, в то время, когда я вместе с группой странствующих ветеранов путешествовал по Чечне, именно он со своими братьями по сыскному разуму обследовал мою квартиру и устанавливал там «жучки».

— Нет. Мои ножи и пистолет остались в воинской части, где я провел последние дни. Мне их доставят на днях.

— Забыли?

— Забыл. И попросил доставить.

— Так вы теперь безоружны?

— Если вы желаете проверить мою боеспособность, то я могу доставить вам такое удовольствие.

Угрюмов засмеялся.

— Не духаритесь, Ангелов. Вы со всех сторон обложены.

— Это вам только кажется. Я спокойно укладываю здесь вас обоих, проламываю стену в том шкафу, — показал я на шкаф — Кстати, кто-то недавно так уже делал... И выхожу через подвал.

Угрюмое подошел к шкафу, открыл дверцу, заглянул. Кивнул каким-то своим мыслям и вернулся в кресло. Снова на меня посмотрел.

— А вам это надо?

— Нет.

— И нам тоже не надо. Давайте сотрудничать.

— Попробуем. В чем суть проблемы?

— Вчера вечером около своего подъезда был убит Михаил Михайлович Захватов. Он даже в такую жару носил бронежилет. Но бронежилет его не спас. Киллер стрелял в голову. И бросил там же пистолет. Но тут появился задержавшийся где-то телохранитель. Телохранителя киллер убил метательным ножом. Профессиональный бросок в горло. Вот этот самый нож. Вы можете высказать свои предположения? Вы же знали Захватава достаточно хорошо. Приятелями были...

Теперь уже смотрит серьезно.

Я понял, куда исчез из реабилитационного центра лейтенант Крутиков. Понял успокаивающий тон полковника Мочилова, когда мы разговаривали о Труповозе.

— Нет. Я ничего не могу предположить. Но и не удивляюсь. Труповоз многим стоял поперек горла.

— Труповоз?

— Я так звал Захватава. А приятелями, кстати сказать, мы никогда не были. Это ваши домыслы.

— Хорошо. — Угрюмов опять встал, снова подошел к шкафу и вторично открыл дверцу. Посмотрел на стену, через которую я собирался уйти минуту назад — А вы — только давайте без детских поз! — в самом деле можете доказать, что прилетели ночным самолетом?

Я достал из кармана бумажку.

— Вот домашний телефон стюардессы. Проверьте. Хотя это нежелательный вариант. Красивая женщина может плохо обо мне подумать. Лучше поищите сначала другие пути.

— Поищем, — согласился хороший мужик Угрюмов и бумажку не взял.

В дверь постучали.

— Войдите, — крикнул Стрекалов.

Дверь раскрылась, и вошел мой недавний «хвост» азиатского происхождения. Интересно, как

он выбрался с берегов Волги? Ведь люди Таманца не должны были бы его выпустить.

— Что вы хотели? — спросил Угрюмов.

— Я совладелец этой фирмы, — представился азиат. — Мاستибек Мирзоев. Мне сообщили, что произошло, и я приехал принимать дела...

А я понял, что мои дела только начинаются.

— Подождите в коридоре, — сказал Угрюмов. — Мы сейчас закончим. Пара минут...

Мастибек вышел.

— У меня к вам один вопрос, — майор обернулся ко мне. — У кого еще мог быть такой же, как у вас, нож?

— У многих. Я сделал свои первые ножи еще до афганской войны. Потом усовершенствовал конфигурацию. Незадолго до выхода на пенсию. Изменил центр тяжести и угол заточки рукоятки. Ваш нож относится к последним. Его видели в основном спецназовцы. И делали себе такие же. Но у спецназовцев, как и у меня, нож могли увидеть и посторонние люди. Увидеть и сделать. Поэтому я не могу предположить, кого вам следует искать. Хотя выстрел в голову и точный бросок ножа говорят о том, что работал квалифицированный специалист. Думаю, вы будете не в состоянии его найти. Квалифицированные не только квалифицированно убивают. Они квалифицированно уходят. Это, насколько я могу судить, главный критерий квалификации.

— Хорошо. Вы никуда не собираетесь в ближайшее время улетать!

Я уловил ударение на последнем слове. Оно явно не случайное.

— Нет.

— Я не буду брать с вас подписку о невыезде, но просто по-человечески прошу — если куда-то заторопитесь, предупредите меня, — он назвал телефонный номер.

Я кивнул.

— Прощаемся? — Он протянул руку для пожатия.

— До свидания. — Руку я пожал, несмотря на то что майор служит в ФСБ.

Капитан Стрекалов промолчал.

Я на это улыбнулся, вышел и плотно прикрыл за собой дверь. В приемной остановился напротив Мирзоева.

— Мы, кажется, несколько дней назад встречались? — Я посмотрел ему прямо в глаза.

Он растерялся, не зная, что сказать, и стрельнул глазами по сторонам. Очевидно, побоялся, что я сдал его фээсбэшникам.

— Кстати, пока принимай дела, через пару дней я позвоню. Ты же знаешь, что ваша фирма осталась должна мне. Приготовь деньги.

Мирзоев кивнул. Это, конечно, не Труповоз. Этот долго на таком месте не протянет.

Я вышел.

Уже в коридоре вдруг услышал тяжелые шаги за спиной. Оглянулся, понимая, что кто-то догоняет меня.

— Маленький совет напоследок, капитан, — сказал Угрюмое. — Замаскируйте как-то свой очевидный прокол. Если бы вы летели в Москву со своим пистолетом, вам пришлось бы на время полета сдать оружие летчикам. Этот момент регистрируется документально. Согласно официальной версии, вы в Москву летели без оружия. Я сам проверял это. Но свой пистолет почему-то забываете в Подмоскovie... Как он там оказался?

— Это вопрос?

— Это совет. Мне тоже не нравились Захватов и Таманец. Как и вам... — Угрюмов свернул в сторону бухгалтерии.

— Спасибо, — сказал я и пошел к выходу.